

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 12(6) • 2019

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work of MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of Center for Central Asian and Afghan Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 19,69 усл. п.л. Заказ № 1891.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История международных отношений

- 12 Гусев Н.С. – Судьба Радко Димитриева и память о нём в контексте российско-болгарских отношений конца XIX – начала XX вв.
- 28 Вишняков Я.В. – Сербский социум в начале XX века. «Милитаризация повседневности»
- 46 Филитов А.М. – Московский договор СССР-ФРГ и «Письмо о германском единстве». От конфликта к компромиссу.
- 61 Нелидов В.В. – «Китайский шок Никсона» в зеркале японской внутренней политики.

Трансформация мирового порядка

- 78 Панюжева М.М. – Евроатлантическая безопасность в треугольнике США – ЕС – Россия и фактор Трампа.
- 109 Макарычева А.В., Силаев Н.Ю., Данилин И.В., Чеков А.Д., Шавлай Э.П., Столярова С.А. – «Безбилетники» либерального порядка: повестка международного развития и символические политики восходящих держав.

- 129 Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. – Концепция «онтологической безопасности» в международно-политическом дискурсе.
- 150 Jakovljevic M.B., Ekkert N.V., Mikeroва M.S. Reshetnikov V.A. – BRICs Nations Growing Impact on the Global Health Sector.

Экономика международного спорта

- 167 Драпкин И.М., Лукьянов С.А. – Эффекты от проведения спортивных мега-событий на приток прямых иностранных инвестиций: результаты эмпирического анализа.

РЕЦЕНЗИИ

- 188 Надточей Ю.И., Сафранчук И.А. – Евразия: сложности управления.
- 198 Беккин Р.И. – Экономистам о джихаде.
- 205 Рогачёв С.В. – Человек vs. технологии: дисимметрия финансового рынка.
- 214 Kovalchuk J., Stepnov I. – Research of the Technological Future's Uncertainty.

Table of Contents • 12(6) • 2019

RESEARCH ARTICLES

History of International Relations

- 7 Gusev N.S. – The Fate of General Radko Dimitriev and His Memory in Context of Russian-Bulgarian Relations of the Late 19th – Early 20th Centuries.
- 28 Vishnyakov Ya. V. – Serbian Society at the Beginning of the 20th Century. «Militarization of Everyday».
- 46 Filitov A.M. – Treaty of Moscow between USSR and Federal Republic of Germany and the «Letter of the German Unity»: from Conflict to Compromise.
- 61 Nelidov V.V. – The «Nixon China Shock» in the Mirror of Japanese Domestic Politics.

Transformation of International Order

- 78 Panyuzheva M.M. – Euro-Atlantic Security in U.S.-EU-Russia Triangle and Trump Factor.
- 109 Makarycheva A.V., Silaev N.Yu., Danilin I.V., Chekov A.D., Shavlay E.P., Stolyarova S.A. – Liberal Order «Free Riders»: International Development Agenda and the Symbolic Policies of the Rising Powers.

- 129 Khudaykulova A.V., Neklyudov N.Y. – The Concept of Ontological Security in International Political Discourse.
- 150 Jakovljevic M.B., Ekkert N.V., Mikeroval M.S. Reshetnikov V.A. – BRICs Nations Growing Impact on the Global Health Sector.

Economics of International Sports Events

- 167 Drapkin I.M., Lukyanov S.A. – The Effects of Large-Scale Sport Events on Foreign Direct Investment Inflows: the Results of Empirical Estimation.

BOOK REVIEWS

- 188 Nadtochey Yu.I., Safranchuk I.A. – Eurasia: Challenges of Governance.
- 198 Bekkin R.I. – To Economists about Jihad.
- 205 Rogachev S.V. – Human vs. Technologies: Dissymmetry of Financial Market.
- 214 Kovalchuk J., Stepnov I. – Research of the Technological Future's Uncertainty.

Судьба Радко Димитриева и память о нём в контексте российско-болгарских отношений конца XIX – начала XX вв.

Н.С. Гусев

Институт славяноведения РАН

В статье рассматривается биография родившегося на территории Болгарии генерала Радко Димитриева (1859–1918), убеждённого, что благо его родины неразрывно связано с Россией и зависит от хороших отношений с ней. Во имя этих убеждений он пошёл на свержение болгарского монарха, а спустя десятилетие смог вернуться на родину и стать героем. В 1913–1914 гг. Р. Димитриев на посту посланника Болгарии в России пытался изменить сложившийся в публичном пространстве негативный образ своей родины. С началом Первой мировой войны он поступил на службу в русскую армию, а спустя год в Болгарии его объявили дезертиром и предателем. Казнённый большевиками в Пятигорске в 1918 г., через несколько десятилетий Димитриев стал едва ли не символом дружбы болгарского и русского народов, что сопровождалось ретушированием обстоятельств гибели генерала.

В статье прослеживаются причины, по которым, несмотря на болгарское происхождение, в России Димитриев был чрезвычайно популярным: его называли воплощением А.В. Суворова и М.Д. Скобелева. Автор показал, какие личные качества этому способствовали: участие в боях, забота о солдате, демократичный стиль общения. Современные Димитриеву русские военачальники перешли к новой парадигме командования войсками, что снижало их популярность среди солдат. Однако эти ценности болгарского полководца оказались невостребованы в условиях революционных потрясений, и Р. Димитриев утратил управление вверенными ему частями. В силу своего благородства и любви к России он отказался принимать участие в Гражданской войне, что и предредило его гибель.

Ключевые слова: Радко Димитриев, Радко-Дмитриев, русско-болгарские отношения, Первая мировая война, пропаганда, ценности.

УДК: 929

Поступила в редакцию: 19.09.2019 г.

Принята к публикации: 25.11.2019 г.

Фигура болгарского и российского военачальника Радко Димитриева (в русских документах с 1914 г. – Радко Радко-Дмитриев) стала заложником взаимоотношений России и Болгарии в силу его искренней веры, что благо его родины связано с Россией, освободившей Болгарию от турецкого владычества. По этой причине память о нём то замалчивали, то очерняли, то выставляли как символ братства России и Болгарии.

В межвоенный период фигура данного полководца оставалась слишком яркой и близкой по времени, а следовательно, спорной, потому исследования не были вполне объективны. В эпоху, наступившую после 9 сентября 1944 г., идеологи превратили генерала в символ нерушимой русско(советско)-болгарской дружбы. Первая советская книга, посвящённая Р. Димитриеву – труд И. Дренского (Дренски 1962), описывала судьбу демократически мыслящего русофила, погибшего из-за действий контрреволюционных сил на юге России. Ввиду отсутствия научного аппарата нельзя проверить подлинность некоторых сомнительных утверждений автора данной монографии. В схожем ключе написана статья о роли Р. Димитриева в Февральской революции, видимо, приуроченная к юбилею событий (Михов 1957). Акцент на действиях Р. Димитриева как полководца характерен для болгарских авторов. Такой интерес сохраняется, но публикации, как правило, относятся к болгарскому периоду карьеры военачальника, что следует из указаний его последнего звания на болгарской службе – генерал-лейтенант (Азманов 1999; Петров 1991; Попов 1956; Удудов 1976; Узунов 1995; Узунов 1980). В самом деле, с именем Димитриева связаны громкие победы болгарской армии в период после освобождения от османского ига. Показательно, что книга Р. Димитриева о Первой балканской войне вышла через несколько лет после его смерти, когда он официально считался дезертиром и многими именовался предателем (Димитриев 1922).

После краха социалистического режима в Болгарии появилось немало работ, «обличающих» русскую политику. В этом идейном русле возникают труды и переиздаются книги, авторы которых обвиняют Р. Димитриева в предательстве в «интересах его любимой России» и «её союзников и наших врагов» во Второй балканской войне¹. Но чаще всего генерала по-прежнему считают одним из талантливейших болгарских военачальников (Цачевски 2018). Автор данной монографии, задействуя опубликованные источники и исследования, а также болгарские архивные материалы, подробно проследил биографию Р. Димитриева и сумел остаться в рамках научной объективности, хотя зачастую его симпатии к своему герою очевидны².

¹ Гочев Я. Националният предател генерал Радко Димитриев спасява Пирот за Сърбия през 1913 г. *Сите българи заедно*. [Электронный ресурс] URL: http://sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=362:1913-&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61 (дата обращения: 23.09.2019). Также см.: (Христов 2017).

² С сожалением нельзя не отметить отсутствие у автора монографии критического взгляда на источники. К примеру, упоминается выступление Димитриева на Международном славянском съезде 1895 г. под председательством М.Д. Скобелева: эта ошибочная информация почерпнута с сайта альтернативной истории. Важным недостатком книги стало помещение на обложке книги фотографии не Р. Димитриева, а А.М. Драгомирова.

На русском языке судьбе болгаро-русского полководца посвящены лишь несколько статей украинского историка В.С. Потрашкова. Исследования, основанные в первую очередь на материалах из российского и болгарского военно-исторических архивов, ограничиваются небольшим периодом жизни Р. Дмитриева – его участием в Первой мировой войне (Потрашков 2007; 2015; 2017). Опубликованные в Харькове, у нас эти работы практически не известны. В России не было издано заметных научных трудов, обобщающих жизнь этого талантливого и неординарного военачальника³, а его образ, созданный прессой начала XX в., остался на периферии интересов историков.

В рамках статьи невозможно полноценно восполнить данный пробел в отечественной историографии, потому внимание будет сосредоточено на поиске ответов на два вопроса: какие перипетии судьбы превратили Р. Дмитриева в заложника русско-болгарских государственных отношений? Что сделало его популярным в России?

Радко Дмитриев родился в 1859 г. в селе Градец недалеко от города Сливен, в семье учителя Димитра Рускова. После смерти отца его воспитанием занимался отчим, который пристроил пасынка помощником продавца в городе Тульча (на территории современной Румынии). Вернувшись на родину, юноша поступил в знаменитую габровскую гимназию, основанную В. Априловым (Дренски 1962: 8–9)⁴, которую окончил накануне судьбоносных в истории Болгарии событий. В 1876 г. молодой Р. Дмитриев принял участие в национально-освободительном Апрельском восстании, жестоко подавленном турецкими властями. В начале русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по возрасту его не приняли в болгарское ополчение, и тогда он стал переводчиком в штабе лейб-гвардии уланского полка в составе западного отряда генерала И.В. Гурко. После войны Р. Дмитриев поступил в вольноопределяющиеся, из которых затем состоял первый набор Софийского военного училища (Цачевски 2018: 15), а следом – в Николаевскую академию Генштаба в Петербурге, по окончании которой вернулся на родину. Накануне объявления Сербией войны Болгарии (1885) по приказу из Петербурга болгарскую армию покинули русские офицеры, и молодой Дмитриев блестяще реализовал шанс проявить себя в решающем сражении при Сливнице: он командовал авангардным отрядом и был удостоен ордена «За храбрость» 4-й степени.

Отношения между Россией и Болгарией в то время ухудшались, и часть болгарского общества обвиняла в этом князя Александра Баттенберга. Р. Дмитриев вместе со своими единомышленниками, молодыми офицерами, возглавил государственный переворот, произошедший в августе 1886 г. После контрпере-

³ Помимо названных публикаций, существует переведённая с русского на болгарский язык вторичная по содержанию статья Ю. Белого (Белий 2001).

⁴ Школа в 1835 г. была создана известным общественным деятелем В. Априловым, основывалась на Белл-Ланкастерской системе (системе взаимного обучения), существовала за счёт добровольных пожертвований и стала одним из центров распространения грамотности в период национального возрождения болгарского народа.

ворота под руководством С. Стамболова часть заговорщиков была арестована, а герой настоящей статьи, переодевшись крестьянином, бежал через Константинополь в Одессу. Спустя несколько месяцев в газете «Московские ведомости» вышла статья, в которой Р. Дмитриев отрицал, что при организации переворота он сам и его товарищи руководствовались корыстью – их положение было прочным и завидным. Заговорщики хотели положить конец гибельной для Болгарии политике князя Баттенберга, направленной на разрыв с Россией (Дренски 1962: 50–53).

Молодой офицер решил принять участие в новом перевороте с опорой на армию. Уже 4 октября, имея одобрение своего плана от Александра III, он получил паспорт на имя Евгения Данилова для проникновения в Болгарию (Косик 1991: 161). Однако бунты в воинских частях были подавлены, и тогда началась более тщательная подготовка восстания. Заговорщики создали штабы в Адрианополе и Бухаресте – в него входил и Р. Дмитриев. 16 февраля вспыхнул бунт в пограничной с Румынией Силистре, куда прибыли и офицеры из бухарестского штаба. Но регулярные правительственные части быстро окружили город, 19 февраля офицеры-инсургенты вновь покинули отчизну, кто на длительный срок, а иные навсегда (Янчев 2006: 188–189).

Большинство заговорщиков осели в России. Р. Дмитриев был принят на воинскую службу и направлен в Тифлис, где командовал ротой, а затем получил звание подполковника с назначением командиром батальона. Там он женился на воспитаннице Московского Екатерининского института благородных девиц. Но на Родину его тянуло, судя по признанию в письме другу после падения премьера С. Стамболова: «Время сделать всё, чтобы вернуться» (Митев 1981: 41–42).

После восстановления отношений между Россией и Болгарией была объявлена амнистия, под которую попал и Р. Дмитриев. Однако возвращаться на родину он не спешил, поскольку по условиям амнистии нельзя было продолжать военную карьеру. Урегулирование вопроса о возвращении болгарских офицеров на родину заняло длительное время. Сам Р. Дмитриев в письме одному из министров предлагал не ограничивать заговорщиков в правах, а тех военных, кто не примет этого решения, уволить (Янчев 2006: 230). Лишь после длительных дипломатических переговоров офицеры вернулись на родину в действующую армию. Однако не все тому обрадовались. Одна из газет призвала офицеров не подчиняться предавшему отечество Р. Дмитриеву, некоторые сослуживцы не подавали ему руки (Цачевски 2018: 44–45). Это не мешало быстрому карьерному продвижению, куда софийские правящие круги ориентировались на Россию. В 1904–1907 гг. бывший заговорщик стал начальником Генштаба, причём иностранные наблюдатели отмечали его компетентность (Каширин 2011: 211). В 1912 г. по случаю празднования 25-летия правления царя Фердинанда он среди первых военачальников получил чин генерал-лейтенанта.

В том же году началась Первая балканская война, в которой Р. Димитриев командовал сначала 3-й армией, а затем группой армий. Его победы при Лозенграде и Люле-Бургасе «гремели» на страницах российской прессы. Генерала именовали «будущим европейским светилом стратегии и тактики», отмечали его стремительность в боях, демократичность в общении и личную храбрость. Печать не обходила стороной и русофильские взгляды Димитриева. Ёмкую аттестацию болгарскому военачальнику дал полковник В.Н. фон Дрейер: «ярый русофил и отличный генерал» (Гусев 2014: 128–131).

Видимо, с учётом популярности в России, весной 1913 г. было принято решение отправить Димитриева в Петербург для переговоров с российским руководством. Современники оставили противоречивые свидетельства о целях визита. Одни считали, что болгарин прибыл, чтобы просить о помощи в территориальном споре с Румынией (Марков 2012: 448; Сръбските интриги... 2009: 432; Цачевски 2018: 160), другие – чтобы добиться перехода под скипетр Фердинанда города Родосто (ныне – Текирдаг) (Nekludoff 1920: 126–127; Милюков 1917: 256). По всей видимости, правы третьи: он привёз предложение взять для России Константинополь, в обмен на твёрдую поддержку в конфликте с Сербией из-за македонских земель (Лопухин 2008: 209; Поливанов 1924: 113–114; Родзянко 1929: 74). Пребывание в российской столице совпало с взятием Адрианополя болгарскими войсками при помощи сербских, и Р. Димитриева вместе с болгарским посланником в Петербурге С. Бобчевым и находившимся в Петербурге главой парламента С. Даневым чествовали в Государственной думе. Проводы генерала на Варшавский вокзал вылились в массовую демонстрацию, разогнанную полицией (Гусев 2018: 5–7).

Однако после Второй балканской войны русофильская позиция Р. Димитриева утратила поддержку руководства Болгарии. Тогда, дабы использовать авторитет генерала в России и нейтрализовать его опасное для монарха неформальное влияние в стране (а по слухам – и предотвратить возможный государственный переворот (Тодоров 1994: 56)), правительство В. Радославова решило направить боевого офицера в Петербург в статусе посланника. 11 сентября 1913 г. он покинул Софию.

Из России генерал с болью сообщал об остервенелой антиболгарской пропаганде в печати (Илчев 1990: 35), пытался изменить негативное отношение к своей родине и просил у своего руководства средств на эти цели⁵. Он организовал приезд болгарской делегации на открытие памятника вел. кн. Николаю Николаевичу (старшему) в январе 1914 г., а затем устроил в честь этого банкет⁶, хлопотал о государственной пенсии первому военному министру Болгарии генералу П.Д. Паренсову⁷, добился выделения денег на публикацию книги буду-

⁵ Централен държавен архив на Република България (далее – ЦДА). Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 106. Л. 2–5.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р8091. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-36. Ед. хр. 92.

⁷ Там же. Ед. хр. 417.

щего советского академика Н.С. Державина о македонском вопросе (Гусев 2019: 61). Но его усилия пропадали втуне (Гусев 2014: 129–131), а царь Фердинанд уже принял решение об ориентации на Центральные державы.

Вскоре после начала Первой мировой войны 25 июля 1914 г. Р. Димитриев подал в отставку с поста посланника и отправил рапорт об увольнении с военной службы, объяснив в заявлении, вскоре растражированном русской прессой: «Как болгарин я не могу в эту историческую минуту остаться в стороне и считаю своим святым долгом отдать свои силы России, которой Болгария обязана своим национальным существованием»⁸.

Не для прессы с одним из соотечественников он поделился иным мотивом. Он считал свою популярность в российском обществе и руководстве моральным капиталом, который надлежит использовать. «Я предвижу, что Болгария переживёт чрезвычайно тяжёлые дни, весь мир будет смотреть на неё с ожесточением и злостью. Кто тогда сможет сказать пару добрых слов о ней?... Может быть, я ободряюсь, но всё же мне кажется, что однажды я смогу исполнить свой долг перед Болгарией лучше любого другого болгарина», – говорил он собеседнику (Цачевски 2018: 214).

На следующий день после своего публичного заявления Р. Димитриев получил назначение командиром 8-го корпуса 8-й армии генерала А.А. Брусилова. Пикантность ситуации придавало то, что в состав этого корпуса входил 54-й пехотный Минский Его Величества Царя Болгарского полк, шефом которого был царь Фердинанд, а в составе полка числились наследники болгарского престола Борис и Кирилл.

Переход Р. Димитриева на русскую службу подарил ему громадную популярность, его портреты печатались на страницах прессы рядом с командующими армиями и фронтами (Потрашков 2007: 180; Потрашков 2015: 287). Но настоящая слава пришла с его первыми победами. В бою 16–18 августа на р. Гнилая Липа генерал нанёс сокрушительное поражение противнику, в критический момент поведя в атаку штаб и конвой, а 23 августа с малыми потерями занял город Миколаев. За действия в этих боях Р. Димитриев уже 30 августа получил орден Св. Георгия 4-й степени⁹. 26 августа австро-венгерские войска начали контрнаступление с целью возвращения Львова, в четырёхдневном сражении корпус сумел устоять перед превосходящими силами противника. «Причём генерал Радко-Дмитриев подавал лично пример мужества и беззаветной отваги», – отметил А.А. Брусилов в представлении к 3-й степени ордена Св. Георгия¹⁰. Успех принёс полководцу произведение в чин генерала от инфантерии и назначение

⁸ Нива. 1914. № 32. С. 64 об.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. Печатные издания. Д. 14794. Л. 254 [Электронный ресурс] URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50007460/ (Дата обращения: 23.09.2019).

¹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 627. Л. 39. [Электронный ресурс] URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50007549/ (дата обращения: 23.09.2019).

командующим 3-й армией Юго-Западного фронта (Потрашков 2007: 181–182), а в октябре он был награждён Георгиевским оружием¹¹.

На Р. Дмитриева обрушилась слава. 14 сентября журнал «Искры» вышел с его фотографией на обложке и заголовком «Славянский герой»¹², через некоторое время посвятил ему разворот с заголовком «Герой Западной Галиции»¹³. Образ Р. Дмитриева красовался на почтовых марках и открытках, на лубочной картинке в цикле изображений, посвящённых войне¹⁴. В песне описывались заслуги военачальника:

Как часовой стоял на страже

И город Львов оберегал...

Болгарин – ты! Ты – гордость наша!

Ты – славный русский генерал! (Новые военные... 1914: 3)

Несколько изданий рассказали про подвиги генерала, а затем на их основе появились брошюры с громкими названиями и мифическими деталями биографии Р. Дмитриева. В одной он представал едва ли не как сын полка, сиротой после русско-турецкой войны, взятым офицерами в Россию (Болгарин с душою... 1914: 4–5). В другой сообщалось, что одна из петербургских семей благословила его образом Спаса Нерукотворного, идентичным тому, что носил с собой в походах А.В. Суворов. Тем самым делался намёк на его преемственность к признанному военному гению (Герой настоящей... 1914: 5). Но чаще его отождествляли с другим популярным полководцем – называли «современным Скобелевым», «болгарином с душою Скобелева», вынося эти эпитеты в заголовок брошюр.

Стоит отметить, что уже во время Балканских войн 1912–1913 гг. Дмитриева сравнивал со Скобелевым патриарх отечественной военной журналистики – лично знавший М.Д. Скобелева Вас.И. Немирович-Данченко (Гусев 2017: 35–36). В 1914 г. он злорадно ответил критикам: теперь-то все убедились, что «я был, пожалуй, ещё несколько сдержан по отношению к этому удивительному генералу» (Гусев 2017: 7–8).

Для российской пропаганды Р. Дмитриев оказался находкой. На начальном этапе войны, скудном на триумфы, не было военачальников, способных стать символом победы. А за болгарским генералом тянулся шлейф успехов над Османской империей. Русскому обществу, пристально следившему за Балканскими войнами, имя Радко Дмитриева было хорошо знакомо. И хотя информация о подвигах генерала, почерпнутая из прессы или из приказов о награждении, постоянно повторялась, брошюры выходили одна за одной. Пресса не могла

¹¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 631. Л. 110б. [Электронный ресурс] URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_predstavlenie57582045/ (дата обращения: 23.09.2019).

¹² *Искры*. 1914. № 36. С. 1.

¹³ *Искры*. 1914. № 44. С. 346.

¹⁴ Отметим, что он приобрёл и популярность и у союзников. Во Франции с его портретом вышел шоколад, а в Британии – сигареты.

упустить и того факта, что болгарин перешёл на русскую службу в то время, как его родина заявила о своём нейтралитете¹⁵. Радко Дмитриева ставили в пример другим болгарам, давая намёк болгарским властям. Хотя в русской армии было немало выходцев из болгарских земель, но никто из них не был так известен и популярен на родине, как победитель при Лозенграде и Люле-Бургасе.

Р. Дмитриев прекрасно понимал важность взаимоотношений с прессой. «Да, недостаточно одерживать победы; нужно ещё, чтобы о них знали. Так учил сам Наполеон», – говорил он русскому корреспонденту во время Балканских войн (Пиленко 1913: 100). В 8-м корпусе его адъютантом служил один из лидеров славянского движения, депутат Думы граф В.А. Бобринский (Шульгин 2002: 266), в 3-й и 12-й армиях – Н.П. Мамонтов¹⁶, который в 1912 г. был корреспондентом газеты «Утро России» в Болгарии и ярко описывал Дмитриева (Мамонтов 1913).

Эта пропаганда имела успех, поскольку отвечала запросам и ожиданиям читателей. Обращаясь к вопросу о причинах популярности Р. Дмитриева, необходимо понять, воплощением каких ценностей был этот болгарский военачальник.

Во-первых, пусть не слуга царю, зато он точно был отцом солдатам. Рассказывали, что он беседовал с вестовым о его деревне, послал табак раненому ординарцу (Современный Скобелев... 1914: 4), в походе вёл «жизнь простого солдата», когда доводилось спать на мокрой соломе (Герой настоящей... 1914: 7), а после 20-часовой работы спать по три часа, чтобы вновь садиться в седло (Современный Скобелев... 1914: 4). Как писал Вас.И. Немирович-Данченко, солдаты «любят его потому, что он всегда с ними, ведёт их трудную, непосильную жизнь, знает и понимает их» (Герой настоящей... 1914: 9). Того же он требовал и от подчинённых. Один из них вспоминал, как генерал, собрав у себя командиров рот и младших офицеров, призывал знать всех солдат, вникать в их нужды, если требуется – писать за неграмотных письма родным (Черепанов 1984: 9). Личной заботой Р. Дмитриев не ограничивался: печать приводила случаи, доказывавшие, что он берёт солдат, сводя потери к минимуму, и потому неудивительно, что «солдаты все до одного обожают своего “Радку”» (Герой настоящей... 1914: 7).

Во-вторых, генерал не раз «подавал лично пример мужества и беззаветной отваги» (Болгарин с душою... 1914: 6). Он «всегда впереди со своими полками, всегда сам ведёт солдат в наступление, всегда в самом опасном месте» (Герой настоящей... 1914: 7), «повсюду, где опасность, где нужен его совет и указание, можно видеть его грузную фигуру в простом походном мундире»¹⁷. «Он что-то знает», – говорили про него солдаты, объясняя отсутствие ранений

¹⁵ *Искры*. 1914. № 36. С. 281; см. также (Дренски 1962: 207).

¹⁶ РГВИА. Ф. 409. П/с 145-631. Л. 4–5.

¹⁷ *Искры*. 1914. № 36. С. 281.

(Шкуро 2004: 267), храбрость и везение сверхъестественными способностями генерала.

В-третьих, Димитриев часто восторгался русским солдатом (Болгарин с душою... 1914: 6). «Радко-Дмитриев не может нахвалиться русским солдатом. Это, говорит он, титаны. С такими войсками я решусь пойти на самого страшного врага. Болгары, говорит, он, это только ученики русских» (Герой настоящей... 1914: 7), – писала пресса. И в беседах он повторял: «Я горжусь тем, что я русский генерал. Я горжусь, что команду русским солдатом» (Шульгин 2002: 271).

Нельзя не признать, что эти ценности – демократизм, храбрость, любовь к солдату, традиционно приписываемые любимым в народе А.В. Суворову и М.Д. Скобелеву, в годы Первой мировой войны были менее характерны для военачальников, которым приходилось управлять массами войск, оперировать на территориях, которые физически невозможно объехать и осмотреть. «Кабинетных» генералов солдаты не могли любить. Близость к нижним чинам, опека над ними и личная храбрость – вот что хотели солдаты видеть в своих командирах. Болгарин Р. Димитриев, воспитывавшийся на примерах войн XIX в., своё становление прошёл в болгарской армии, уступавшей русской и по численности, и по выучке. Сам того не понимая, он остался в рамках устаревшей парадигмы поведения военачальника. Недаром М.Д. Бонч-Бруевич, краткое время находившийся в 3-й армии в подчинении Р. Димитриева, вспоминал, что при докладе начальника корпуса А.М. Драгомирова командарм «нет-нет да бросал реплики, вроде “у нас в Болгарии” или “мы в Болгарии поступали иначе”». При таком командире, резюмировал М.Д. Бонч-Бруевич, должность генерал-квартирмейстера превращается в канцелярскую – «командующий принадлежал к тому распространенному типу руководителей, которые всё любят делать своими собственными руками» (Бонч-Бруевич 1957: 39–40).

Но в войне нельзя победить только благодаря личным качествам полководца. Весной 1915 г. стало очевидным, что против 3-й армии противник готовит наступление силами XI армии генерала А. фон Макензена. В состав ударной группы вошли свежие немецкие дивизии, переброшенные из Франции, ей были переданы все запасы артиллерийских снарядов. 10 апреля руководство фронтом признало опасность, но подкрепления обескровленным частям Р. Димитриева выделило не сразу (Оськин 2007: 41–42). 19 апреля 1915 г. германо-австрийские войска начали мощное наступление на участке 3-й армии, обеспечив превосходство в живой силе и технике в несколько раз. Запросы о подкреплениях, об отходе на новые рубежи руководство не удовлетворяло, командующий фронтом Н.И. Иванов и главнокомандующий великий князь Николай Николаевич требовали не отдавать ни пяди земли (Потрашков 2007: 186; Потрашков 2015: 291).

К 28 апреля 3-я армия была разбита и обороняться не могла, в плен попало 140 тыс. солдат (Айрапетов 2014: 71). Отступление по всему фронту привело к потере Галиции. Вину за произошедшую катастрофу начальство ввалило на Р. Димитриева, которого сняли с должности, хотя А.А. Брусилов и А.М. Зайонч-

ковский считали ответственным за поражение генерала Н.И. Иванова (Потрашков 2007: 186; Потрашков 2015: 291;). Но и в действительности болгарский военачальник допустил промахи. А.А. Брусилов указывал: не были подготовлены укрепления на рубежах обороны, не налажена служба связи, командующий армией «стал сам катать в автомобиле» из части в часть, отдавая через адъютантов приказы командирам частей, не ставя в известность их прямых начальников. От этого «сумбур только увеличивался, и беспорядок при отступлении принял грандиозные размеры» (Брусилов 2013: 149-150). Дмитриева подвело то качество, которое в нём воспевала печать – управление войсками с передовой. Военачальник оказался не готов к новой ситуации и не выдержал. По свидетельству командовавшего дивизией болгарина М.Д. Енчевича, Дмитриева было трудно узнать: «перед моими глазами явился больной сгорбленный старец с блуждающими глазами, который не мог узнать и понять меня» (Енчевич 2004: 81).

Час славы болгарского генерала минул, в русской армии появились свои герои, и, казалось, Дмитриева оставят в резерве. Однако ввиду острой потребности в опытных военачальниках в октябре 1915 г. Р. Дмитриев был назначен командиром 7-го Сибирского корпуса. В том же месяце Болгария вступила в Первую мировую войну. Приказом болгарского военного министра генерал-лейтенант Р. Дмитриев был объявлен дезертиром (Дренски 1962: 160), то есть второй раз стал предателем. Семья генерала, который оставался болгарским подданным, могла быть выслана из Петрограда, и Главному управлению Генерального штаба пришлось обратиться в департамент полиции с просьбой «не принимать каких-либо репрессивных мер» в отношении близких Р. Дмитриева¹⁸.

26 января 1916 г. Р. Дмитриев получил орден св. Владимира 2-й степени с мечами¹⁹, 20 марта ему было поручено командование 12-й армией в Прибалтике. Служивший в ней военный врач В.П. Кравков записал тогда в дневнике: «Все очень радуются назначению командующим 12-й армией Радко-Дмитриева, пользующегося общей симпатией как прекрасного человека и военачальника» (Кравков 2014: 412).

К началу 1916 г. относится проект, появление которого большинство историков связывают с Р. Дмитриевым. 16 апреля руководство России обсуждало предложение некоего «генерала, деловитость которого уже не раз была доказана», организовать свержение царя Фердинанда силами местных политиков, пообещав территориальные приобретения Болгарии. Отечественные исследователи Г.Д. Шкундин, О.Р. Айрапетов и болгарский академик И. Илчев предполагают, что предложение исходило от Р. Дмитриева (Айрапетов 2014: 118; Илчев 1990: 160; Шкундин 2009: 55). Представляется более обоснованным мнение

¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. 2-е. дп. 1915. Ед. хр. 72. ч. 445. Л. 1.

¹⁹ РГВИА. Ф. Печатные издания. Д. 14827. Л. 412. [Электронный ресурс] URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50160770/ (дата обращения: 23.09.2019).

В.Б. Каширина, что за проектом стоял другой болгарский генерал на русской службе – И. Сарафов (Каширин 2010: 147).

В 1916 г. Р. Дмитриев, подавая пример остальным командирам, не изменил своего поведения – он открыто ездил по позициям, привлекая на себя огонь. Его шинель была прострелена, конь убит в бою (Щачевски 2018: 293, 302). В декабре 12-я армия предприняла наступление на Митаву. Достигнув определённых успехов, командующий остановил продвижение, поскольку два полка вышли из повиновения. В ходе последовавшего следствия был расстрелян 61 человек, а генерал за нанесённое противнику поражение 1 января 1917 г. получил орден Белого орла с мечами²⁰.

После Февральской революции с её знаменитым Приказом №1 Петроградского совета Р. Дмитриев, сохраняя верность своим демократическим взглядам, принял перемены. Уже 8 марта 1917 г. он направил телеграмму по армии, в которой «предлагал» прекратить исполнение гимна «Боже Царя храни», а в ежедневной молитве «Спаси Господи» заменить упоминание монарха на «благовременное Временное правительство»²¹. Он инициировал общеармейский съезд солдатских комитетов и выступил на его открытии. Когда комитеты начали арестовывать офицеров, Р. Дмитриев заявил: «Если народ этого хочет – значит это правильно» (Дренски 1962: 175). В итоге комитеты стали защищать командующего 12-й армией перед Верховным главнокомандующим А.А. Брусиловым. В глазах руководителей армии такой факт работал против авторитета Р. Дмитриева (Дренски 1962: 178).

Близость к солдатам, за которую превозносили генерала в 1914 г., в условиях революции оказалась ложной ценностью. Последовавшие после Февраля заигрывания с комитетами сыграли с болгарским военачальником злую шутку. Он постоянно делал уступки – соглашался на смещения и назначения командиров, не арестовывал пропагандистов и в конечном счёте признал, что «армия неспособна к выполнению активных боевых задач». 7 июля генерал от инфантерии Р. Дмитриев попросил об отставке, которая была удовлетворена, 25 июля бесславно покинул войска (Потрашков 2017: 324–325) и вскоре отправился с семьей в Ессентуки на лечение.

Генерал отказался принять участие в Гражданской войне, мотивируя это тем, что не может сражаться против русских. В середине мая 1918 г. большевики пытались привлечь его к командованию армией для борьбы с германской интервенцией. Предполагалось, что позиция «ярого германофоба» и то обстоятельство, что он, «как болгарин, стоит вне партий в русской Гражданской войне» (Черепанов 1984: 101) вдобавок могли способствовать привлечению Добровольческой армии к сотрудничеству в противостоянии немцам. Однако

²⁰ РГВИА. Ф. Печатные издания. Д. 14847. Л. 36. [Электронный ресурс] URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie50041292/ (дата обращения: 23.09.2019).

²¹ ГАРФ. Ф. 1834. Оп. 2. Ед. хр. 2001. Л. 1.

Р. Дмитриев отказался, сославшись на нездоровье и поставил условием своего возможного возвращения, «что офицеры, поступающие в армию, будут пользоваться всеми присущими этому званию прерогативами»²². Этого хватило большевикам, чтобы 15 мая 1918 г. заявить в газете Совета Народных комиссаров Терской советской республики о готовности «Радко-Дмитриева» участвовать в борьбе с «гайдамаками и немцами» и привлечь «ряд опытных офицеров» (Дренски 1962: 185). В РКП(б) пытались использовать моральный авторитет генерала, но не преуспели: в ряды Красной армии он не вступил.

Не стал Р. Дмитриев служить и в Белой армии, хотя маршал С.М. Будённый в своих воспоминаниях рассказал о том, что в январе 1919 г. в станице Иловлинской солдаты Первой конной армии зарубили «в штабе корпуса генерала Радко-Дмитриева» вместе с «гвардейцами личной охраны» (Будённый 1958: 126–127)²³.

В действительности Р. Дмитриев жил в Ессентуках, пока 11 сентября его и нескольких офицеров, в том числе генерала Н.В. Рузского, не взяли в заложники и не перевезли в Кисловодск (Красный террор... 1992: 26). Последовавшая между большевиками Северного Кавказа борьба за власть привела к актам красного террора, одним из которых стал приказ о казни 47 заложников, включая и русского генерала болгарского происхождения. Ночью 18 октября (1 ноября) 1918 г. заложники после длительных истязаний были зарублены либо забиты насмерть (Красный террор... 1992: 50–51). Как утверждали некоторые свидетели, красноармейцы отказывались казнить Н.В. Рузского и Р. Дмитриева – так высок был их авторитет (Красный террор... 1992: 42). По слухам, генерал до конца оставался верен себе. Он попросил перед казнью: «Ребята, дайте я покурю последнюю папиросу, а мой золотой портсигар возьмите на память обо мне». Согласно легенде, палачи выполнили желание военачальника, но смерть его не облегчили (Калужный 2005: 7). Добровольческая армия, заняв Кисловодск, в январе 1919 г. начала расследование и произвела эксгумацию. Р. Дмитриева и Н.В. Рузского перезахоронили, и до сих пор в Пятигорском некрополе близ Лазаревской церкви можно увидеть две скромные могилы.

В период дружбы социалистических Болгарии и СССР трагическую гибель болгарского генерала старались отретушировать. С.М. Будённый в ответе на письмо И. Дренского, указавшего на неточность в мемуарах маршала, написал, что если его мемуары будут переведены на болгарский язык, то «лучше не упо-

²² Петербургские историки А.А. и В.В. Михайлов пишут, что А.Г. Шкуро засвидетельствовал предложение Р. Дмитриеву «стать одним из руководителей белых войск» (Милюков 1917: 63). В действительности в воспоминаниях А.Г. Шкуро говорится, что переговоры с генералами проходили в присутствии Я.А. Слащёва, Н. Буачидзе и ряда комиссаров, а цель привлечения Н.В. Рузского и Р. Дмитриева главнокомандующий Северокавказской красной армией А.И. Автономов формулировал так: «Но если Рузский или Радко-Дмитриев согласятся возглавить Красную армию, действующую против немцев, то генерал Алексеев и Деникин едва ли пойдут против неё» (Черепанов 1984: 95–102).

²³ Советский маршал узнал о своей неточности в 1959 г., когда к нему обратился с письмом И. Дренский. Однако С.М. Будённый ошибки не признал, лишь оговорив, что не настаивает на своих заключениях, основанных на показаниях пленных и донесениях подчинённых (Гусев 2019: 194–195).

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. 2-е. дп. 1915. Ед. хр. 72. ч. 445. Л. 1.

минать фамилию Радко Димитриева» (Дренски 1962: 195). М.Д. Бонч-Бруевич в своей книге примерно тех же лет вспоминал, что гибель Н.В. Рузского и Р. Димитриева «в Москве... была встречена с огорчением, и я не раз слышал от В.И. Ленина, что оба эти генерала, не кончи они так трагически, могли бы с пользой служить в рядах Красной армии» (Бонч-Бруевич 1957: 42). Болгарский биограф генерала И. Дренский винил в расстреле командующего отрядами Красной армии в Пятигорске «бывшего казачьего офицера, эсера Сорокина», который та-ким способом пытался выгородить себя перед советской властью. Без ссылки на источник тот же автор сообщал о рассказе сына Радко, Михаила, будто к семейству казнённого генерала с соболезнованиями приезжал С. Орджоникидзе. Давший, однако, объяснение случившемуся вполне в духе времени: «Лес рубят – щепки летят» (Дренски 1962: 189–190).

Семья Р. Димитриева покинула советскую Россию. О вдове ничего не известно, сведения о сыновьях скудны. Михаил окончил Одесский кадетский корпус, в 1915 г. был студентом Петроградского политехнического института²⁴. В 1929 г. один из русских эмигрантов упоминает его имя среди кандидатов в правление болгарского филиала французской фирмы, производившей огнетушители (Ратиев 1999: 571). Второй сын, Дмитрий, окончил Киевский кадетский корпус²⁵, был студентом Военно-медицинской академии, в 1915 г. проживал супругой в имении Студенец в Псковской губернии²⁶. В 1937 г. 48-летний парализованный Дмитриев Дмитрий Радкович «призревался» в русском инвалидном доме на Шипке (Бондаренко 2017: 486).

Трагедия Радко Димитриева заключалась в том, что, будучи воспитанником русской военной школы, он оставался болгаринном – выходцем из общества, где не произошло глубокого социального расслоения, очень многое покоилось на неформальном авторитете и была высока значимость харизматического лидера. Те ценности, которыми дорожил Р. Дмитриев, оказались невостребованы в условиях революционной России, и он утратил власть над солдатами.

Любовь и благодарность к России сыграли в судьбе Радко Димитриева роковую роль – из-за них он дважды терял родину, и до сих пор, вопреки завещанию, похоронен не рядом с отцом в родной деревне, а на далекой земле. Возможно, не будь он столь благодарен стране, освободившей его народ в 1877–1878 гг., его судьба сложилась бы иначе. При этом он всегда считал, что действует в интересах отчизны, и за несколько дней до гибели сказал сыну Михаилу: «Если останешься жив и вернёшься в Болгарию, скажи всем моим друзьям и врагам, что я в своей жизни всё делал, стремясь к благу моей Родины и болгарского народа» (Цачевски 2018: 336).

²⁵ Есть упоминание их младшего сверстника, что оба сына учились в Одесском кадетском корпусе, но большего доверия заслуживают данные полиции, поскольку автор воспоминаний пишет, что встреча состоялась на праздновании Нового 1915 года в болгарском посольстве, возглавляемом Р. Димитриевым (Христов 2017: 659).

²⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. 2-е. дп. 1915. Ед. хр. 72 ч. 445. Л. 1.

Но именно такое понимание блага своего отечества, представление о том, что оно неразрывно связано с Россией, и привело к неоднократным переменам в оценке фигуры Р. Димитриева в Болгарии. Когда требовалось дистанцироваться от России, на родине этого человека предавали забвению и проклятиям как предателя. Когда же официальная политика говорила о «вековой и неразрывной» дружбе, то генерала объявляли истинным патриотом, понимавшим верный путь развития страны. Нынешнее место Димитриева в болгарском официальном дискурсе – прямое отражение двусторонних государственных отношений. Столетие со дня гибели знаменитого соотечественника прошло незамеченным. Вышла лестная биография, но опубликованная на средства потомков генерала, притом что военное министерство не организовало по случаю ни мероприятий, ни публикаций. С другой стороны, юбилейная дата не превратилась в повод для очернения памяти Р. Димитриева или обвинений в адрес России.

Об авторе:

Никита Сергеевич Гусев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник и учёный секретарь Института славяноведения РАН, 119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
E-mail: gusevns@gmail.com.

Благодарности:

Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект No. 472-LED-SW).

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: September 19, 2019
Accepted: November 25, 2019

The Fate of General Radko Dimitriev and His Memory in Context of Russian-Bulgarian Relations of the Late 19th – Early 20th Centuries

N.S. Gusev
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-7-27

Institute of Slavic Studies RAS

Abstract: This article examines the biography of the Bulgarian-born General Radko Dimitriev (1859–1918), who was convinced that the good of his homeland was inextricably linked with Russia and depended on good relations with it. For this good, he went to the overthrow of the monarch, but a decade later due to changes in the vector of Bulgarian policy was able to return home and become a hero. In 1913–1914, R. Dimitriev served as Bulgaria's envoy to Russia and tried to change the negative image of his country. With the outbreak of World War I, he joined the Russian army, and a year later in Bulgaria he was declared a deserter and a traitor. In 1918 he was executed by the Bolsheviks in Pyatigorsk, and in a few decades he became practically a symbol of friendship between the Bulgarian and Russian peoples, which led to retouching the circumstances of his death. The article traces the actions of the General and his motivation. Despite his Bulgarian origin, in 1914 he became nearly the main hero of the war in the Russian public space. The reasons for its popularity were not only in the importance of his victories, but also in the fact that R. Dimitriev was called the incarnation of A. V. Suvorov and M. D. Skobelev. The article shows what values, embodiments of which were these popular warlords, were characteristic of this Bulgarian general. This is a personal part in the fighting, the care of soldiers, democracy in communication. Modern Russian military also has moved to a new paradigm of command, which, however, worked against their popularity among the soldiers. And at the same time, values of the commander of Suvorov's or Skobelev's types were insolvent in the conditions of revolutionary commotion, and R. Dimitriev lost control of the parts entrusted to it. Because of their generosity and love for Russia, he refused to take part in the Civil war that decided his death.

Key words: Radko Dimitriev, Radko-Dmitriev, Russian-Bulgarian relations, World War I, propaganda, values.

About the author:

Nikita S. Gusev – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Slavic Studies RAS. 119991, Russia, Moscow, Leninsky prospect, 32-A. E-mail: gusevns@gmail.com.

Acknowledgements:

This work was carried out under the Russian Foundation for Basic Research grant No. 18-512-76003 "Linguistic and ethnocultural dynamics of traditional and non-traditional values in the Slavic world" within the Program ERA.Net.RUS Call 2018 (project No. 472 - LED-SW)

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interest.

References:

- Nekludoff A. 1920. *Diplomatic Reminiscences before and during World War, 1911–1917*. London: John Murray. 541 p.
- Azmanov D. 1999. General Radko Dimitriev. *Voennoistoricheski sbornik*. №4. P. 50-73 (In Bulgarian)
- Airapetov O.R. 2014. *Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). Tom 2: 1915 god – apogee* [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). Vol. 2: 1915 – apogee]. Moscow: Kuchkovo pole. 624 p. (In Russian)
- Airapetov O.R. 2015. *Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917): 1916 god. Sverkhnapriazhenie* [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917): 1916. Over-voltage]. Moscow: Kuchkovo pole. 384 p. (In Russian)
- Belii Iu. 2001. Radko Dimitriev, b"lgarski general na ruska sluzhba, i negovata tragediia [Bulgarian General of the Russian Service, and his Tragedy]. *Istoricheski pregled*. №5-6. P. 188-196. (In Bulgarian)

Bolgarin s dushoiu Skobeleva. Doblestnyi geroi, general Radko Dimitriev i drugie [Bulgarian with the Soul of Skobelev. Valiant Hero, General Radko Dimitriev and Other]. 1914. Moscow: Tipografia P.V. Bel'tsova. 16 p. (In Russian)

Bondarenko V. 2016. *Russkii nekropol' na Shipke* [Russian Necropolis at the Shipka]. Moscow: OOO «Staraia Basmannaia». 688 p. (In Russian)

Bonch-Bruevich M.D. 1957. *Vsia vlast' Sovetam. Vospominaniia* [All Power to the Soviets. Memory lane]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo. 358 p. (In Russian)

Brusilov A.A. 2013. *Moi vospominaniia* [My Memories]. Moscow: Veche. 308 p. (In Russian)

Budennyi S.M. 1958. *Proidennyi put'. Kniga pervaiia* [The Passed Way. Book 1]. Moscow: Voenizdat. 448 p. (In Russian)

Chakalov S. 2013. *Zapiski bolgarskogo kadeta (1911–1921 gody)* [Notes of Bulgarian Cadet (1911–1921)]. In *Beloemigranty v Bolgarii. Vospominaniia*. Ed. by V.V. Chumachenko etc. Moscow: Novye pechatnye tekhnologii; Sinerzhi. 794 p. (In Russian)

Cherepanov A.I. 1984. *Pole ratnoe moe* [My Battlefield]. Moscow: Voenizdat. 304 p. (In Russian)

Geroi nastoiashchei Velikoi voiny Radko-Dimitriev. S portretom i sobstvennoruchnoi podpis'iu [The Hero of this Great War Radko-Dimitriev. With a Portrait and a Handwritten Signature]. 1914. Petrograd: Tipografia P. Usova. 9 p. (In Russian)

Gusev N.S. 2014. *Bolgarskoe voennoe rukovodstvo v otsenkakh russkikh zhurnalis-tov v period Balkanskikh voyn* [Bulgarian Military Leadership in the Assessments of Russian Journalists during the Balkan Wars]. *Rossiisko-bolgarskie nauchnye diskussii. Rossiiskaia i bolgarskaia gosudarstvennost': problemy vzaimodeistviia. XIX–XXI vv.* Ed. by V.P. Kozlov. Moscow: ISI RAN. 347 p. P. 125–140. (In Russian)

Gusev N.S. 2014. *Russkie i bolgary posle Balkanskikh voyn: vzaimnoe razocharovanie* [Russians and Bulgarians after the Balkan Wars: Mutual Disappointment]. *Slavianskii al'manakh*. Vol. 1–2. P. 123–133. (In Russian) URL: https://www.academia.edu/11034354/Русские_и_болгары_после_Балканских_войн_взаимное_разочарование_Славянский_альманах_2014._Вып._1-2._М._2014 (accessed 23.09.2019)

Gusev N.S. 2017. *Patriarkh otechestvennoi voennoi zhurnalistiki Vas. I. Nemirovich-Danchenko i ego korrespondentsiia s Pervoi balkanskoi voiny* [Patriarch of Russian Military Journalism Vas. I. Nemirovich-Danchenko and his Correspondence from the First Balkan War]. *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. K iubileiu T. V. Volokitinoi*. Ed. by E.L. Valeva etc. Moscow: Institut slavianovedeniia. 440 p. P. 31–44. (In Russian)

Gusev N.S. 2018. *Razgon manifestatsii v podderzhku slavian v Rossii vesnoi 1913 goda* [Dispersal of Demonstrations in Support of the Slavs in Russia in the Spring of 1913]. *Slaviano-vedenie*. №3. P. 3–14. (In Russian)

Gusev N.S. 2019. *Shtriki k dorevoliutsionnoi biografii akademika N.S. Derzhavina* [The Finishing Touches to the Pre-Revolutionary Biography of Academician N.S. Derzhavin]. *Arkhivnyi poisk. Vypusk 1: elektronnyi sbornik nauchnykh statei i publikatsii*. Ed. by D.V. Anosov etc. Moscow: Arkhiv RAN. 532 p. P. 55–67. (In Russian)

Dimitriev R. 1922. *Treta armiiia v Balkanskata voina 1912 godina* [Third Army in the Balkan War of 1912]. Sofia: Armeiskii Voennno-izdatelski Fond. 320 p. (In Bulgarian)

Drenski I. 1962. *General Radko Dimitriev. Biografichen ocherk* [General Radko Dimitriev. Biographical Sketch]. Sofia: D'rzhavno voenno izdatelstvo. 198 p. (In Bulgarian)

Enchevich M.D. 2004. *Izpoved na edin rodoliubets* [Recognition of a Patriot]. Sofia: Faktum. 221 p. (In Bulgarian)

Ianchev V. 2006. *Armia, obshchestven red i v'treshnata sigurnost. B'lgarskii opit. 1878–1912* [Army, Public Order and Internal Security. Bulgarian Experience. 1878–1912]. Sofia: IF-94. 308 p. (In Bulgarian)

Ivanov A.A., Repnikov A.V. 2014. «Bolgarskaia izmena»: russkie pravye o vstuplenii Bolgarii v Pervuiu mirovuiu voinu na storone Tsentral'nykh derzhav ["Bulgarian's Treason": Russian Right Politics about Bulgaria's Entry into the First World War on the Side of the Central States]. *Noveishaia istoriia Rossii*. 3(11). P. 197–217. (In Russian)

Ilchev I. 1990. *B'lgariia i Antantata prez P'rvata svetovna voina* [Bulgaria and the Entente during the First World War]. Sofia: Nauka i izkustvo. 318 p. (In Bulgarian)

Kaliuzhnyi G.P. 2005. Ubiennye za bratoliubie [Killed for Brotherly Love]. In *Vil'ers O.A., Popov V.A. Vospominaniia russkoi babushki. Piatigorskaiia tragediia*. Moscow: Entsiklopediia sel i dereven'. 336 p. (In Russian)

Kashirin V.B. 2011. Vysshii komandnyi sostav armii stran Balkanskogo poluostrova v ot-senkakh i suzheniakh russkikh voennykh spetsialistov v nachale XX veka [The Supreme Com-mand of the Armies of the Countries of the Balkan Peninsula in the Estimates and Judgments of Russian Military Experts in the Early 20th Century]. *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh*. Ed. by R.P. Grishina, A.L. Shemiakin. Saint Petersburg: Aleteia. 344 p. P. 189–234. (In Russian)

Kashirin V.B. 2010. Pokhod v Dobrudzhanskuiu step': evolutsiia zamysla, plani-rovanie i podgotovka ekspeditsii za Dunai v 1916 godu [The Campaign in the Dobrudja Steppe: the Evolution of Design, Planning and Preparation of the Expedition over the Danube in 1916]. *STUDIA BALKANICA (K iubileiu R.P. Grishinai)*. Ed. by A.L. Shemiakin. Moscow: ISL RAN. 400 p. P. 139–185. (In Russian)

Khrstov P. 2017. *Prest'pleniata na general Radko Dimitriev* [Crimes of General Radko Dimitriev]. Ed. by Ts. Biliarski. Sofia: Aniko. 281 p. (In Bulgarian)

Kosik V.I. 1991. *Russkaia politika v Bolgarii. 1879–1886* [Russian Policy in Bulgaria. 1879–1886]. Moscow: B. i. 179 p. (In Russian)

Kravkov V.P. 2014. *Velikaia voina bez retushi. Zapiski korpusnogo vracha* [The Great War without Retouching. Notes of a Corps Doctor]. Moscow: Veche. 414 p. (In Russian)

Krasnyi terror v gody Grazhdanskoi voiny: po materialam Osoboi sledstvennoi komissii po rassledovaniiu zlodeianii bol'shevikov [The Red Terror during the Civil War: according to the Materials of the Special Commission of Inquiry to Investigate the Atrocities of the Bolsheviks]. 1992. Ed. by Fel'shtinskii Iu.G. London: Overseas Publications Interchange Ltd (OPI). 432 p. (In Russian)

Lopukhin V.B. 2008. *Zapiski byvshego direktora departamenta Ministerstva inostran-nykh del* [Notes of the Former Director of the Department of the Ministry of Foreign Affairs]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. 536 p. (In Russian)

Mamontov N.P. 1913. *S bolgarskimi voiskami ot Balkan do Chataldzhi* [With Bulgarian Troops from the Balkans to Chatalja]. Moscow: Tip. t-va Mamontova. 175 p. (In Russian)

Markov G. 2012. *B'lgariia v Balkanskiiia s'iuз sreshchu Osmanskata imperiia 1911–1913* [Bulgaria in the Balkan Union against the Ottoman Empire 1911–1913]. Sofia: Zakharii Stoi-anov. 566 p. (In Bulgarian)

Miliukov P. 1917. Konstantinopol' i Prolivy [Constantinople and the Straits]. *Vestnik Ev-ropy*. №2. P. 227–259. (In Russian)

Mitev T. 1981. Razreshavaneto na ofitersko-emigrantskiiia v"pros prez 90-te godini na XIX vek [Resolution of the Officer-Emigrant Question in the 90s of the 19th century]. *Voen-noistoricheski sbornik*. №1. P. 38–49. (In Bulgarian)

Mikhailov A.A., Mikhailov V.V. 2017. Bolgarskie ofitsery – vypuskniki rossiiskoi Nikolaevs-koi akademii General'nogo shtaba [Bulgarian Officers – Graduates of Russian Nikolaev Acad-

emy of the General Staff]. *Slavianskii al'manakh*. Vol. 3-4. P. 53-71. (In Russian) URL: https://inlav.ru/sites/default/files/editions/slav_alm_2017_3-4.pdf (accessed 23.09.2019)

Mikhov M. 1957. Novi dannii za deinostta na general Radko Dimitriev v Ruskata armia sled Fevruarskata revoliutsiia prez 1917 [New Data on the Activities of General Radko Dimitriev in the Russian Army after the February Revolution in 1917]. *Voennostoricheski sbornik*. №1. P. 122-126. (In Bulgarian)

Novye voennye pesni. Geroi Radko Dimitriev [New War Songs. Hero Radko Dimitriev]. 1914. Moscow: A.S. Balashov. 16 p. (In Russian)

Os'kin M.V. 2007. *Shturm Karpat. Zima 1915 goda* [Storm of the Carpathians. Winter of 1915]. Moscow: Tseikhgauz. 48 p. (In Russian)

Petrov L. 1991. General-leitenant Radko Dimitriev [Lieutenant General Radko Dimitriev]. *Armeiski pregled*. №12. P. 17-20. (In Bulgarian)

Pilenko A.A. 1913. *Okolo Bolgarskoi voiny. Dnevnik i sorok deviat' liubitel'skikh fotografii* [Near the Bulgarian War. Diary and Forty-Nine Photos]. Saint Petersburg: Vechnoe vremia. 218 p. (In Russian)

Polivanov A.A. 1924. *Iz dnevnikov i vospominanii po dolzhnosti voennogo ministra i ego pomoshchnika. 1907–1916* [From Diaries and Memoirs on a Position of the Minister of War and his Assistant. 1907–1916]. Moscow: Vysshii voennii redaktsionnyi sovet. 240 p. (In Russian)

Popov V. 1956. General Radko Dimitriev – zabelezhitelen b"lgarski polkovodets. Biografichni belezhki [General Radko Dimitriev is a Wonderful Bulgarian Colonel. Biographical Notes]. *Voennostoricheski sbornik*. №2. P. 82-106. (In Bulgarian)

Potrashkov S.V. 2015. General Radko Dimitriev vo glave 3-i armii Iugo-Zapadnogo fronta [General Radko Dimitriev at the Head of the 3rd Army of the South-Western Front]. *Drinovski sbornik (Drinovskii zbirnik)*. Vol. VIII. Kharkiv – Sofia. P. 287–293. (In Russian)

Potrashkov S.V. 2007. General Radko Dimitriev na frontakh Pervoi mirovoi voiny (1914-1917) [General Radko Dimitriev on the Fronts of the First World War (1914-1917)]. *Drinovski sbornik (Drinovskii zbirnik)*. Vol. I. Kharkiv – Sofia. P. 180-193. (In Russian)

Potrashkov S.V. 2017. Fevral'skaia revoliutsiia 1917 g. i sud'ba generala Radko Dimitrieva [February Revolution of 1917 and the Fate of General Radko Dimitriev]. *Drinovski sbornik (Drinovskii zbirnik)*. Vol. X. Kharkiv – Sofia. P. 320-326. (In Russian)

Ratiev A.L. 1999. *To, chto sokhranila mne pamiat'* [What Memory Left Me]. Sofia, Izd-vo Sofia, Un-t im. Sv. Klimenta Okhridskogo. 681 p. (In Russian)

Rodzianko M.V. 1929. *Krushenie imperii* [The Collapse of the Empire]. Leningrad: Priboi. 271 p. (In Russian)

Shkundin G. 2009. Ne zamochit' li nam Koburga? Bolgariia v rossiiskoi voennoi strategii i politike vesnoi 1916 goda [Could We Kill Coburg? Bulgaria in the Russian Military Strategy and Policy in the Spring of 1916]. *Rodina*. №6. P. 54-59. (In Russian)

Shkuro A.G. 2004. *Grazhdanskaia voina v Rossii: Zapiski belogo partizana* [The Civil War in Russia: Notes of a White Partisan]. Moscow: ACT, Tranzitkniga. 540 p. (In Russian)

Shul'gin V.V. 2002. *Poslednii ochevidets: Memuary. Ocherki. Sny* [The Last Witness: the Memoirs. Essays. Sleeps]. Ed. by N.N. Lisovoi. Moscow: OLMA-PRESS, Zvezdnyi mir. 588 p. (In Russian)

Sovremennyyi Skobelev doblestnyi geroi Radko Dimitriev i ego geroiskie podvigi v bitve s nemtsami [Modern Skobelev Valiant Hero Radko Dimitriev and his Heroic Deeds in the Battle with the Germans]. 1914. Moscow: Tipografia P.V. Bel'tsova. 16 p. (In Russian)

Sr"bskite intrigi i kovarstva sreshchu B"lgariia (1804–1914) [Serbian Intrigues and Insidiousness against Bulgaria (1804-1914)]. 2009. Ed. by Ts.V. Biliarski. Sofia: Aniko. 659 p. (In Bulgarian)

Todorov K. 1994. *Izpovedta na edna luda balkanska glava* [Confessions of a Crazy Balkan Head]. Sofia: Letopisi. 505 p. (In Bulgarian)

Tsachevski V. 2018. *Radko Dimitriev. P'lkovodets't* [Radko Dimitriev. General]. Sofia: Studia Transmedi. 430 p. (In Bulgarian)

Ududov A. 1976. General Radko Dimitriev v raiona na Riga prez 1916 g. [General Radko Dimitriev in the Riga Region in 1916]. *Izvestiia na Instituta za voenna istoriia*. Vol. 21. P. 139-141. (In Bulgarian)

Uzunov Khr. 1995. General Radko Dimitriev – voenen strategi i p'lkovodets [General Radko Dimitriev – Military Strategist and Commander]. *Izvestiia na Instituta za voenna istoriia*. Vol. 58. P. 236-251. (In Bulgarian)

Uzunov Khr. 1980. General-leitenant Radko Dimitriev [Lieutenant-General Radko Dimitriev]. *Voennoistoricheski sbornik*. №3. P. 181-188. (In Bulgarian)

Список литературы:

Азманов Д. 1999. Генерал Радко Димитриев. *Военноисторически сборник*. №4. С. 50–73.

Айрапетов О.Р. 2014. *Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Том 2: 1915 год – апогей*. Москва: Кучково поле. 624 с.

Айрапетов О.Р. 2015. *Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1916 год. Сверхнапряжение*. Москва: Кучково поле. 384 с.

Белий Ю. 2001. Радко Димитриев, български генерал на руска служба, и неговата трагедия. *Исторически преглед*. № 5–6. С. 188–196.

Болгарин с душою Скобелева. Доблестный герой, генерал Радко Димитриев и другие. 1914. Москва: Типография П.В. Бельцова. 16 с.

Бондаренко В. 2016. Русский некрополь на Шипке. Москва: ООО «Старая Басманная». 688 с.

Бонч-Бруевич М.Д. 1957. *Вся власть Советам. Воспоминания*. Москва: Военное издательство. 358 с.

Брусилов А.А. 2013. *Мои воспоминания*. Москва: Вече. 308 с.

Будённый С.М. 1958. *Пройдённый путь. Книга первая*. Москва: Воениздат. 448 с.

Герой настоящей Великой войны Радко-Димитриев. С портретом и собственноручной подписью. 1914. Петроград: Типография П. Усова. 9 с.

Гусев Н.С. 2014. Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн. *Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.* Отв. ред. В.П. Козлов. Москва: ИСЛ РАН. 347 с. С. 125–140.

Гусев Н.С. 2014. Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование. *Славянский альманах*. Вып. 1–2. С. 123–133. URL: https://www.academia.edu/11034354/Русские_и_болгары_после_Балканских_войн_взаимное_разочарование_Славянский_альманах_2014_Вып._1-2_.М._2014 (дата обращения 23.09.2019)

Гусев Н.С. 2017. Патриарх отечественной военной журналистики Вас.И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны. *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т.В. Волокитиной. Редколл.: Е.Л. Валева и др. Москва: Институт славяноведения. 440 с. С. 31–44.

Гусев Н.С. 2018. Разгон манифестаций в поддержку славян в России весной 1913 года. *Славяноведение*. № 3. С. 3–14.

Гусев Н.С. 2019. Штрихи к дореволюционной биографии академика Н.С. Державина. *Архивный поиск*. Выпуск 1: электронный сборник научных статей и публикаций. Отв. сост. Д.В. Аносов и др. Москва: Архив РАН. 532 с. С. 55–67.

Димитриев Р. 1922. *Трета армия в Балканската война 1912 година*. София: Армейския Военно-издателски Фонд. 320 с.

Дренски И. 1962. *Генерал Радко Димитриев. Биографичен очерк*. София: Държавно военно издателство. 198 с.

Енчевич М.Д. 2004. *Изповед на един родолюбец*. София: Фактум. 221 с.

Иванов А.А., Репников А.В. 2014. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав. *Новейшая история России*. 3(11). С. 197–217.

Илчев И. 1990. *България и Антантата през Първата световна война*. София: Наука и изкуство. 318 с.

Калужный Г.П. 2005. Убиенные за братолюбие. *Воспоминания русской бабушки. Пятигорская трагедия*. Вильерс О.А., Попов В.А. Москва: Энциклопедия сёл и деревень. 336 с. С. 3–9.

Каширин В.Б. 2011. Высший командный состав армий стран Балканского полуострова в оценках и суждениях русских военных специалистов в начале XX века. *Человек на Балканах глазами русских*. Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. Санкт-Петербург: Алетей. 344 с. С. 189–234.

Каширин В.Б. 2010. Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции за Дунай в 1916 году. *STUDIA BALKANICA (К юбилею Р.П. Гришиной)*. Отв. ред. А.Л. Шемякин. Москва: ИСл РАН. 400 с. С. 139–185.

Косик В.И. 1991. *Русская политика в Болгарии. 1879–1886*. Москва: Б.и. 179 с.

Кравков В.П. 2014. *Великая война без ретуши. Записки корпусного врача*. Москва: Вече. 414 с.

Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. 1992. Ред.-сост. Фельштинский Ю.Г. London: Overseas Publications Interchange Ltd (OPI), 432 с.

Лопухин В.Б. 2008. *Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел*. Санкт-Петербург: Нестор-История. 536 с.

Мамонтов Н.П. 1913. *С болгарскими войсками от Балкан до Чаталджи*. Москва: Тип. т-ва Мамонтова. 175 с.

Марков Г. 2012. *България в Балканския съюз срещу Османската империя 1911–1913*. София: Захарий Стоянов. 566 с.

Милюков П. 1917. Константинополь и Проливы. *Вестник Европы*. №2. С. 227–259.

Митев Т. 1981. Разрешаването на офицерско-емигрантския въпрос през 90-те години на XIX век. *Военноисторически сборник*. №1. С. 38–49.

Михайлов А.А., Михайлов В.В. 2017. Болгарские офицеры – выпускники российской Николаевской академии Генерального штаба. *Славянский альманах*. Вып. 3–4. С. 53–71. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/slav_alm_2017_3-4.pdf (дата обращения 23.09.2019)

Михов М. 1957. Нови данни за дейността на генерал Радко Димитриев в Руската армия след Февруарската революция през 1917. *Военноисторически сборник*. №1. С. 122–126.

- Новые военные песни. Герой Радко Дмитриев.* 1914. Москва: А.С. Балашов. 16 с.
- Оськин М.В. 2007. *Штурм Карпат. Зима 1915 года.* Москва: Цейхгауз. 48 с.
- Петров Л. 1991. Генерал-лейтенант Радко Дмитриев. *Армейски преглед.* №12. С. 17-20.
- Пиленко А.А. 1913. *Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий.* Санкт-Петербург: Вечернее время 218 с.
- Поливанов А.А. 1924. *Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916.* Москва: Высший военный редакционный совет. 240 с.
- Попов В. 1956. Генерал Радко Дмитриев – забележителен български полководец. *Биографични бележки. Военноисторически сборник.* №2. С. 82-106.
- Потрашков С.В. 2007. Генерал Радко Дмитриев на фронтах Первой мировой войны (1914–1917). *Дриновски сборник (Дриновський збірник).* Т. I. Харків – София. С. 180-193.
- Потрашков С.В. 2015. Генерал Радко Дмитриев во главе 3-й армии Юго-Западного фронт. *Дриновски сборник (Дриновський збірник).* Т. VIII. Харків – София. С. 287-293.
- Потрашков С.В. 2017. Февральская революция 1917 г. и судьба генерала Радко Дмитриева. *Дриновски сборник (Дриновський збірник).* Т. X. Харків – София. С. 320-326.
- Ратиев А.Л. 1999. *То, что сохранила мне память.* София: Изд-во Софийс. Ун-та им. Св. Климента Охридского. 681 с.
- Родзянко М.В. 1929. *Крушение империи.* Ленинград: Прибой. 271 с.
- Современный Скобелев доблестный герой Радко Дмитриев и его геройские подвиги в битве с немцами. 1914. Москва: Типография П.В. Бельцова. 16 с.
- Сръбските интриги и коварства срещу България (1804–1914).* 2009. Съст. Ц.В. Билярски. София: Анико. 659 с.
- Тодоров К. 1994. *Изповедта на една луда балканска глава.* София: Летописи. 505 с.
- Удудов А. 1976. Генерал Радко Дмитриев в района на Рига през 1916 г. *Известия на Института за военна история.* Т. 21. С. 139-141.
- Узунов Хр. 1980. Генерал-лейтенант Радко Дмитриев. *Военноисторически сборник.* №3. С. 181-188.
- Узунов Хр. 1995. Генерал Радко Дмитриев – военен стратег и полководец. *Известия на Института за военна история.* Т. 58. С. 236-251.
- Христов П. 2017. *Престъпленията на генерал Радко Дмитриев.* Съст. Ц. Билярски. София: Анико. 281 с.
- Цачевски В. 2018. *Радко Дмитриев. Полководецът.* София: Studia Transmedia. 430 с.
- Чакалов С. 2013. Записки болгарского кадета (1911-1921 годы). *Белоземigrанти в Болгарии. Воспоминания.* Под ред. В.В. Чумаченко и др. Москва: Новые печатные технологии; Синержи. 794 с. С. 655-781.
- Черепанов А.И. 1984. *Поле ратное моё.* Москва: Воениздат. 304 с.
- Шкундин Г. 2009. Не замочить ли нам Кобурга? Болгария в российской военной стратегии и политике весной 1916 года. *Родина.* № 6. С. 54-59.
- Шкуро А.Г. 2004. *Гражданская война в России: Записки белого партизана.* Москва: АСТ: Транзиткнига. 540 с.
- Шульгин В.В. 2002. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. Сост. Н.Н. Лисовой. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, Звёздный мир. 588 с.
- Янчев В. 2006. *Армия, обществен ред и вътрешната сигурност. Българския опит. 1878–1912.* София: ИФ-94. 308 с.

Сербский социум в начале XX века. «Милитаризация повседневности»

Я.В. Вишняков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В течение XIX и начала XX вв. Восточный вопрос и поиски путей его решения занимали центральное место в политике России и европейских государств. С его решением был тесно связан процесс становления молодых балканских стран. Сербия, чье формирование новой государственности типологически совпадает с изменением системы европейских международных отношений XIX – начала XX вв., играла не последнюю роль в событиях Восточного вопроса, претендуя при этом на роль югославянского «Пьемонта». Однако к началу XX в., как для Сербии, так для других стран региона именно война стала не только средством к обретению государственного суверенитета, но и главным способом решения внутригосударственных противоречий. На фоне воздействия на политические процессы Балкан Великих держав эти факторы вели к естественной милитаризации повседневности сербского социума. Наличие в обыденном сознании народа образа враждебного «другого» стало одним из главных способов внутренней консолидации страны, когда установки на войну, отодвигая ценности мирной жизни на второй план, создавали в государственном развитии Сербии особый базовый консенсус, а антропологическая роль военного фактора существенно влияла на глубинные процессы, происходившие в стране в начале XX в. В условиях современного этапа деструкции Балкан по этнополитической линии фактор милитаризации повседневности становится важным элементом исторической политики балканских стран и конструирования «нового прошлого». В этой связи понимание многих проблем и возможных сценариев развития балканской реальности увязано именно с этим феноменом. Таким образом, изучение влияния на политическую жизнь Сербии начала XX в. особых «внеконституционных» институций важно для широкого круга исследователей, в том числе и для системного анализа кризиса на территории бывшей СФРЮ.

Ключевые слова: Сербия, модернизация, милитаризация повседневности, «Начертание», Первая мировая война.

УДК: 329.75

Поступила в редакцию: 09.07.2019 г.

Принята к публикации: 10.09.2019 г.

С толь сложные и многомерные исторические события как войны, всегда обусловлены не одним, а целым рядом факторов. Переоценка, или, наоборот, недооценка хотя бы одного из них может кардинально поменять наши представления обо всей картине прошлого. Для понимания процессов становления и развития сербской государственности в XX в. изучение комплекса милитарных факторов особенно важно, поскольку со второй половины XIX в. страна приняла участие в шести войнах: 1876, 1877-1878 и 1885 гг., двух балканских войнах 1912-1913 гг., а также в Первой мировой войне 1914-1918 гг.

При упоминании об участии Сербии в событиях Великой войны в коллективной памяти сразу рождаются устойчивые, зачастую мифологизированные, стереотипы, объединённые понятием «Сербская Голгофа». Оно включает в себя не только героический исход сербской армии через горы Албании осенью-зимой 1915/1916 гг., но и такие находящиеся на слуху понятия, как «Сараевское убийство», «Церская и Колубарская битвы 1914 г.», «прорыв Салоникского фронта 1918 г.». В исторической памяти эта героика накладывается на общие сведения о распаде четырёх империй, российской революции 1917 г., создании Королевства сербов, хорватов и словенцев, Версальской системе и формировании новой системы международных отношений.

В серьёзных академических исследованиях мировая война воспевается как необычайно важное явление, последствия которого ключевым образом отразились на судьбе народов европейского континента, а «эпическое» или «героическое» видение её событий, в свою очередь, стало устойчивым воспитательным элементом в формировании общественной лояльности (Вишняков 2016). Именно поэтому такая концептуализация войны, в которой действующим лицом выступают обезличенные людские массы, присутствует не только в исторических и политологических сочинениях, но и в посвящённой войне художественной литературе и поэзии (Сенявская 1999). Этому «обезличиванию» способствует тотальный характер военных действий и вовлечённость в её события колоссальных масс населения, что связано не только с огромным числом мобилизованных из самых разных социальных страт, но и с ростом мировой военной промышленности, появлением новых военных технологий, коренным образом изменивших характер ведения боевых действий, превративших войну в массовое убийство «живой силы неприятеля».

Однако исследование мировых войн как явления – это изучение не только истории воюющих государств и народов, но и поведения обычного человека, которого, по выражению сербского историка М. Йовановича, буквально все, особенно политики, призывали «умереть за Родину» (Йованович 2002). При обращении к тематике участия Сербии в Первой мировой войне из поля зрения историков зачастую выпадали не только обыкновенные солдаты, на плечи которых и легла основная её тяжесть, но и мирное население, которое вынуждено было испытывать неимоверные страдания, связанные с боевыми действиями, эвакуацией, эпидемиями, австро-венгерским и болгарским террором. По спра-

ведливым словам исследователя Е.С. Сениявской, «"человек воюющий" – это особое явление, не только социальное, но и психологическое» (Сениявская 1999: 8).

Архетип «человек воюющий» сыграл особую роль в становлении сербской государственности, продемонстрировав, как «психология войны» может стать катализатором этого процесса (Пономарева 2005: 40). Фактор постоянного ожидания войны создал особые общественные ценности, а «тотальный характер войны отражался на коллективной и индивидуальной психологии» (Йованович: 2002: 156). Использование властными структурами идеи милитаризации повседневности, внедрение в сознание крестьянского социума враждебного образа «другого» стали способами внутренней консолидации страны. Установки на войну создавали в Сербии особый базовый консенсус, отодвигая ценности мирной жизни на второй план. Данный феномен не ускользнул от внимания российских очевидцев. «Воинственное настроение сербов не составляет коренного характера сербского народа, но воспитывается в нём и по необходимости поддерживается внешними обстоятельствами: неоконченностью политической роли, неустановленностью её территориальных и политических отношений. И такое состояние, очевидно, мешает развитию страны в смысле гражданственности. Рядом с воинственным героизмом вы не встречаете нигде мужества гражданского», – отмечал П.А. Ровинский по впечатлениям от поездки в Сербию в 1867 г. (Пономарева 2005: 109)¹. Полвека спустя, перед началом первой Балканской войны, российский дипломат В.Н. Штрэндтман сообщал, что сербы не украшают свою столицу, пребывая в уверенности, что дома всё равно будут разрушены врагом, а будущее зависит от «мудрости наших политических деятелей и храбрости нашего малочисленного войска, тех десяти пехотных и одной кавалерийской дивизии, которые мы можем противопоставить несметным неприятельским силам» (Штрэндтман 2014: 116). Эти слова совпадают с выводами Е.С. Сениявской о том, что «все основные, базисные элементы психологии человека, оказавшегося в роли комбатанта, формируются ещё в мирный период, а война лишь выявляет их с наибольшей определённой, акцентирует те или иные качества, связанные с условиями военного времени. Вместе с тем специфика этих условий вызывает к жизни новые качества, которые не могут возникнуть в мирной обстановке, а в военный период формируются в максимально короткий срок» (Сениявская 1999: 49).

В начале XX в. в Сербии этим базисным элементом психологии общества стал уникальный феномен: тесное, подчас неразрывное переплетение государственных, военных, парамилитарных структур, тайных обществ, частных инициатив, связанных идеей объединения всех сербов в едином государстве.

¹ П.А. Ровинский (1831–1916) был крупнейшим историком-славистом и филологом своего времени. С 1879 г. он практически постоянно проживал в Черногории, сначала как частное лицо, а затем как драгоман русской миссии. Одним из самых значительных его трудов стала книга «Черногория в её прошлом и настоящем», которая и сегодня остаётся самым всеобъемлющим произведением по истории этой страны.

Четническое движение, как путь к национальному идеалу, приобрело свои законченные формы, став при этом отличительной особенностью не только Сербии, но и Балкан (комиты в болгарской армии и андарты в греческой). В свою очередь, руководители отрядов четников, многие из которых были офицерами сербской армии, сформировали сильный механизм, существенно влиявший на политические ориентиры страны². В 1886 г. в Белграде было учреждено «Общество святого Савы», издававшее журнал «Братство», целью которого была просветительская деятельность в Старой Сербии и Македонии. В 1902 г. в Сербии возникла четническая организация, одним из руководителей которой был С. Симич. В Греции организация «Этники этерия» занималась аналогичной деятельностью, т.е. не только пропагандой, но и засылкой на территорию Македонии греческих добровольцев и созданием там вооружённых отрядов из числа местных греков. По словам Р.П. Гришиной, «главное, что объединяет и характеризует деятельность такого рода обществ на Балканах – их взаимосвязь с “материнскими” правительственными структурами и особенно с армией “родного” государства, на политику которого они начинают оказывать влияние вплоть до довлеющего» (Гришина 2008: 158).

Важным событием политической жизни страны стало убийство 29 мая 1903 г. офицерами белградского гарнизона правящей королевской четы – Александра и Драги Обреновичей. Незадолго до свержения Обреновичей в Белграде была основана организация «Словенский юг», формально как студенческое культурно-просветительское общество для содействия объединению всех южнославянских народностей. После майского переворота общество значительно укрепило свои позиции, активизировав деятельность в Албании, Македонии, Боснии и Герцеговине. Одним из основателей общества был Милан Прибичевич, брат известного сербского политика Светозара Прибичевича (в те времена редактора загребской газеты «Србобран», впоследствии лидера Демократической партии и одно время министра внутренних дел межвоенной Югославии). Среди других деятелей можно выделить капитана Я. Ненадовича, поручика А. Срба, полковника Ч. Поповича, соратника сербского премьера Пашича – Л. Йовановича, капитана М. Наумовича, чиновника Министерства иностранных дел Л. Нешича, майора М. Васича, Л. Йовановича-Чупу, написавшего проект устава организации, и доктора М. Годжевца, наряду со С. Симичем – видной фигуры в организации сербского четнического движения в Македонии и Старой Сербии. В тесных контактах с организацией состояли влиятельные сербские политики Л. Давидович, Я. Проданович, Л. Стоянович, Ж. Живанович, а также участники майского переворота генерал Й. Атанацкович, майор П. Пешич, поручик Ж. Рафаилович и Д. Димитриевич-Апис.

21 августа 1903 г. в Белграде прошёл многолюдный митинг в поддержку сербского населения Старой Сербии и Македонии, завершившийся основани-

² См. подробнее: (Вишняков 1999; 2001; 2014; 2016; Писарев 1990).

ем женской патриотической организации «Коло³ сербских сестёр» под руководством Славки Суботич, Милицы Добрич и Надежды Петрович.

На фоне аннексионного кризиса 1908-1909 гг. для создания четнического движения в Боснии и Герцеговине в Белграде на базе общества «Словенский юг» была образована организация «Народная оборона». Она насчитывала до 5000 человек, делилась на 223 филиала и имела значительное число сторонников за рубежом. Поскольку сербское правительство, по соглашению с Веной, было обязано не только прекратить содействие четническому движению, но и пресекать его, «Народная оборона» формально трансформировалась в культурно-просветительское общество. В 1911 г. часть офицерского корпуса, участников майского переворота 1903 г., создали тайную политическую организацию с характерным названием «Объединение или смерть», более известную как «Чёрная рука». Харизматичный Д. Димитриевич (Апис)⁴, В. Танкосич, Ч. Попович, Л. Йованович-Чупа стремились сплотить вокруг себя общество для реализации этих государственных и внешнеполитических задач⁵. С организацией были связаны многие государственные чиновники, в частности министр иностранных дел М. Милованович. Генерал С. Степанович, в 1911–1912 гг. военный министр королевства, был прямым ставленником «Чёрной руки».

Изучение истоков этого феномена позволяет прояснить причины превращения Балкан в регион непрерывной войны. Впервые особое «четническое» мировоззрение сербского общества проявилось в период Первого сербского восстания 1804–1813 гг. После обретения Сербией в 1878 г. полного государственного суверенитета конфронтационная психология общества, естественная для воюющей страны, отразилась как на особенностях становления и развития её государственных и военных институций, так на взаимоотношениях с соседями (Вишняков, Пономарева 2018).

Заметим, что в начале XX в. процесс строительства современной армии опережал изменения традиционных общественных структур страны. Не случайно в марте 1911 г. на одном из заседаний Скупщины премьер Н. Пашич произнёс: «Малые государства могут, конечно, сожалеть о том, что одним из условий поддержания мира великие державы считают боевую мощь; но раз это так, то и малые государства должны следовать этому основному принципу; они должны готовиться к войне, если желают обеспечить мир»⁶. Эта установка дала о себе знать уже со второй половины XIX в., когда сербская армия стала демонстрировать свою силу, в том числе и в контексте реализации внешнеполитических устремлений княжества. Например, после убийства в 1868 г. князя Михаила

³ Коло – сербский народный танец. В данном случае имеется в виду «объединение».

⁴ Д. Димитриевич родился в 1876 г. Закончив белградскую военную академию, стал офицером генерального штаба сербской армии. В начале XX в. Апис играл исключительную, скорее даже уникальную роль в сербской армии и политике, будучи подлинным вождём офицерского корпуса.

⁵ С «Чёрной рукой» была связана организация «Млада Босна», член которой Г. Принцип и произвёл роковой выстрел в Сараево.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Д. 3035. Л. 467.

Обреновича именно вмешательство военного министра Миливое Блазнаваца, который подкрепил свои аргументы демонстративным ударом по сабле, возвело на престол учившегося тогда в Париже 14-летнего Милана Обреновича, племянника Михаила. «Блазнавац был истый серб; народ знал о его злоупотреблениях, но любил его военные затеи, мечтая, что он из Сербии создаст такую силу, с которой можно будет целую Турцию разгромить и воссоздать царство Стефана Душана», – писал П.А. Ровинский (Русские о Сербии... 2006: 77).

Подчеркнём, что в Сербии национальное движение зародилось задолго до формирования гражданского общества или какого бы то ни было конституционного порядка. В.А. Шнирельман отметил по этому поводу, что «борьба за национальное возрождение и рост националистических движений, которые разворачиваются сейчас во всём мире, ставят на повестку дня новую актуальную проблематику, связанную с особенностями националистических идеологий и их практическим воплощением. Именно в этих условиях особое значение приобретает этноисторический миф, легитимирующий право данной группы на территорию, на развитие своей культуры и на политическое оформление вплоть до требования полного суверенитета» (Шнирельман 1999: 11). «Этноисторический миф», тесно связанный с процессом национальной мобилизации, наложился на становление и модернизацию политических и экономических основ государства, которые происходили в Сербии со второй половины XIX в. Обретение независимости естественным образом вызвало очередной всплеск идей «неославизма» среди новых политических лидеров страны, а представление о сербском государстве как о балканском «Пьемонте» стало одним из центральных вопросов государственной жизни. На этом фоне происходил переход от мифологического к рефлексивному типу общественного сознания, а «лежащий в основе всякого национализма этноцентризм стремился заполнить “вакуум сознания” индивидов и социальных групп при невозможности опираться на традиционные духовные ценности с наступлением новой индустриальной эпохи» (Сергеев 2001: 173).

Таким образом, со второй половины XIX в. в сознании сербской политической элиты национальные акценты стали не просто увязываться с задачами развития государства, но и превалировать над ними, а «стремление закрепить идею национального единения в центре человеческого воображения находило выражение в словах и войнах» (Бурбанк, Купер 2010: 326). Увлечённые этой идеей политические лидеры предприняли попытку с помощью системы убеждений, образов и стереотипов создать понятный обществу миф для последующей его индоктринации. Как подметил Макс Вебер: «Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (*Ekklesia*) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне “призванным” руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него» (Вебер 1990: 647).

Проект создания мифической «великой страны» обретал конкретные ирредентистские формы, создавая в обществе особое смысловое поле и став для по-

литической элиты апробированным средством идеологического воздействия на социум. Уместно процитировать Б. Андерсона: «... национализм с конца XVIII в. находился в процессе модульного перенесения и адаптации, приспособляясь к разным эпохам, политическим режимам, экономикам и социальным структурам. В итоге эта “воображаемая общность” проникла во все мыслимые современные общества» (Андерсон 2001: 175). Ещё в конце 1844 г. видный сербский политик Илия Гарашанин сформулировал долгосрочную программу «Начертание» по освобождению сербских земель и объединению их вокруг Белграда. Она провозглашала создание на базе княжества большого южнославянского государства с расширением его территории за счёт Боснии и Герцеговины, Черногории, северной Албании и получением выхода к Адриатическому морю. Сербское княжество должно было стать своеобразным югославянским «Пьемонтом»⁷. Эта цель, став ключевой в политике королевства, в значительной степени отразилась на формировании системы ценностей сербского общества, для которого ималогический вопрос «свой – чужой» стал тесно увязываться со стремлением возглавить процесс создания на Балканах сильного югославянского государства.

Как заметила историк Л.В. Кузьмичёва, «у сербов громадное преимущество в уже имеющейся автономии, собственных государственно-политических и культурных институтах и программах. Есть ядро, стало быть, возможна и роль Пьемонта. Поэтому обострение и началось не просто после поражения революции 1848–1849 гг., а после общеевропейского движения к объединению вокруг одного центра распылённых земель (Пруссия, Италия). Сербия была единственным вполне реальным центром югославянского объединения» (Кузьмичева 2009: 176).

В 1866–1868 гг. Белград стал центром антитурецких сил, что вылилось в попытку создания Балканского союза для совместного выступления против Османской империи и раздела между его участниками освобождённых земель Балканского полуострова. Были подписаны секретные договоры с Грецией, Румынией и Черногорией. Началась подготовка антитурецкого выступления в Боснии и Герцеговине, налаживались контакты и с австрийскими югославянами, в частности с лидером хорватской Народно-либеральной партии епископом Й. Штрессмайером⁸.

Однако попытки практического воплощения программы в 1860-е гг. потерпели неудачу. И дело было не только в том, что конкретные исторические условия не позволили это сделать⁹. Главная проблема состояла в том, что на Балканах, ввиду полиэтничности не могли сложиться условия для реализации программы построения государства на принципе «народ – территория – государство», хотя с начала XIX в. сербские политические лидеры интуитивно к тому стремились (Пономарева 2013: 83–85). По этой же причине сами понятия «серб-

⁷ См. подробнее (Никифоров 2015).

⁸ См. подробнее (Якшић, Вучковић 1963).

⁹ Эти планы не были реализованы, в том числе по причине убийства князя Михаила Обреновича весной 1868 г. в Топчидерском парке близ Белграда.

ство» и «югославизм» были условны, нечётко сформулированы. После событий 1875–1878 гг., когда мечты о создании под эгидой Сербии сильного югославянского государства потерпели неудачу, эти идеи оказались в глубоком кризисе, который продолжался до 1890-х гг.

Историк и политолог М. Хрох, определяя национализм как «позицию, которая ставит национальную идентичность во главе всех других социальных интересов и групповых принадлежностей» (Хрох 2010: 107), выделил три стадии развития национального движения: фаза А, «тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы»; фаза В, появление «активистов, которые отныне попытались завоевать как можно больше сторонников из числа представителей своей этнической группы для реализации планов по созданию будущей нации»; фаза С, когда формируется массовое движение (Хрох 2002: 125). М.В. Белов полагает, что при изучении балканских национальных движений, включая сербское, необходимо учитывать наложение фаз друг на друга и нарушение их последовательности. Движение «носит "вспышечный" или скачкообразный характер; приливы активности сменяются спадом и возвращением к непройдённой фазе становления. Чересполосная периодизация повстанческого движения приобретает вид слоёного пирога» (Белов 2007: 530). Стадиальная картина государственного развития Сербии как бы смазана, а лидеры формирующегося государства, переняв внешние формы западноевропейских общественно-политических доктрин, по словам политолога Энтони Смита, не смогли понять, что «этно-история – это не кондитерская, в которой националисты могут “набирать и смешивать”; она накладывает ограничение на всякое выборочное усвоение, обеспечивая особый контекст и модель событий, персонажей и процессов и устанавливая рамки, символические и институциональные, в которых происходит дальнейшее этническое развитие. Она представляет особое, но завершённое наследие, которое можно разделить, а затем подавать *à la carte*» (Смит 2004: 94–95). В подтверждение этих тезисов приведём слова известного американского журналиста Джона Рида, который в 1915 г. совершил поездку по Сербии. Сопровождавший его капитан сербской армии сказал: «Прежде чем поступить в комитаджи, нас посылали в университеты Берлина и Вены изучить организацию революций, особенно итальянской *Risorgimento*» (Рид 1928: 98). Из этого признания следует, что менталитет сербской элиты, в том числе и военной, впитал политические доктрины национального идеализма XIX в. вкупе с теорией насилия – одного из важных направлений русской народнической школы¹⁰.

Отметим ещё один немаловажный факт, способствовавший формированию в стране особой милитаризации повседневности: патриархальное состояние общества, его гомогенность и аграрный характер, основанные на традициях

¹⁰ Влияние идей русских народников на развитие революционного движения на Балканах блестяще показано в работах сербского историка Латинки Перович. См. например (Перовић 1993).

особой социальной структуры – задруги¹¹. К концу XIX – началу XX вв. сербская задруга из семейной структуры стала превращаться в производственный кооператив – основу экономики страны¹², что ключевым образом влияло на характер и особенности развития Сербии в рассматриваемый период. Традиции отражались и на формировании сербских вооружённых сил. Проведённые во второй половине XIX в. князем (с 1882 г. королём) Миланом Обреновичем военные реформы сделали сербскую армию похожей на европейские, но имели иное смысловое значение. Отношение к службе, менталитет сербского солдата был отличен от европейского, поскольку соблюдение воинской дисциплины накладывалась на «четническое» сознание крестьянина, «былого бунтовщика». «При таких условиях в сербской армии нет резкой грани между офицером и солдатом, которая существует в армиях других государств, отношения между ними самые простые, почти товарищеские», – писал известный российский военный историк Е.И. Мартынов (Русские о Сербии... 2006: 559). Д. Рид более конкретен: «В Сербии, по-видимому, нет глупой традиции, что такая фамильярность между офицерами и нижними чинами нарушает дисциплину. Сколько раз приходилось нам видеть в ресторанах, как штатский или унтер-офицер подходит к столу, где сидят офицеры, отдаёт честь, а затем пожимает всем руки и присаживается. И здесь сержант, который прислуживал за столом, сел с нами, чтобы пить кофе, и был специально представлен нам» (Рид 1928: 82). Сербский солдат, таким образом, не имел европейской военной выправки и не представлял из себя выдрессированный материал, беспрекословно выполнявший приказы командира. В ноябре 1914 г. некий пехотный майор в беседе с корреспондентом российской газеты «Речь» говорил: «Мы, сербы, не умеем отступать! Это верно! И в этом всё наше несчастье. Для нас война это непрерывное, безостановочное наступление. И тогда мы дерёмся как львы. Тогда мы велики! Тогда нет врага, который мог бы устоять перед нашими солдатами! Но стоит по каким-нибудь соображениям скомандовать отступление, стоит передвинуть солдат на несколько метров назад и конец всему. Мы пропали! Мы отступаем в беспорядке, мы нервничаем, мы негодуем на всех и на всё, мы обращаемся в капризных, беспомощных детей, и становится страшно за судьбу всей армии» (Вукичевич 1915: 83). Образную характеристику сербского солдата дал и П.А. Ровинский: «Я не знаю солдата более весёлого, более исполнительного, чем сербский солдат; его как будто вся жизнь дисциплинировала, он солдат по воле, по призванию. Поэтому, вольный и непокорный вне строя, серб делается безусловно покорным, как

¹¹ Задруга, будучи, по сути, большой патриархальной семьёй, состояла из 20–30 человек; как правило, несколько сыновей одного отца со своими семьями жили на одном большом дворе. П.А. Ровинский так описал задругу: «Тут в семействе жило вместе не более 10–12 человек, с детьми (кроме священника), но рядом двор принадлежал к этой же семье: собственно, это один двор, который недавно только перегородили надвое. Ещё две семьи, вышедшие из этого двора, поселились подальше. До разделения вместе жило душ до 30-ти, и составляли одну семейную общину задругу, которая имела одного выбранного поглаваря, или старейшину, общее неразделённое имущество и жила, и работала сообща, повинуюсь распоряжению одного и семейному совету» (Русские о Сербии... 2006: 97).

¹² Первая кооперативная земледельческая «задруга» была основана в марте 1894 г. (Вукичевич 1915: 26).

скоро вы успели поставить его в строй» (Русские о Сербии...2006: 77). Слова российского учёного, прекрасного знатока Сербии и Балкан, перекликаются с выводами военного корреспондента газеты «Раннее утро» Н.И. Гасфельда, побывавшего по заданию редакции на театре военных действий Первой Балканской войны и опубликовавшего свои заметки под именем Н. Шевалье: «Нетребовательность сербского воина поразительна: обутый в жиденькие онучи, свободно пропускающие воду, одетый во что бог послал особенно призванные из запаса, – с мешком вещевым под боком и ружьём через плечо, он шлёпает, не унывая, по ужасной грязи македонских дорог и никакая усталость, никакие лишения не пугают его» (Шевалье 1913: 85). Эта удивительная способность безропотно переносить любые лишения поражала ещё одного свидетеля Первой Балканской войны – И. Табурно «Вот, еле передвигая ноги, идёт пожилой солдат; всё лицо залито кровью. Он дальше идти не может. Около трёх километров прошёл уже он пешком. Садится. Мы выходим из экипажа. Доктор осматривает его, удивлённо качает головой. Пуля попала в лоб и вышла в затылок. Подозвали санитарный патруль с носилками. Раненого кладут на носилки, но как только он закинул голову, смерть наступила моментально. Ни одного стона раненых изумительное терпение!», – с восхищением писал российский военный корреспондент (Табурно 1913: 48–49).

Ярче всего эта внутренняя смысловая особенность вооружённых сил Сербии проявилась в Первую мировую войну, когда в 1914 г. сербская армия нанесла австрийцам ряд чувствительных поражений, вытеснив их с территории королевства. Заметим, что причины этих побед имели под собой не просто военную составляющую: победам сербского оружия содействовала гомогенность патриархального общества. Полковник Суботич, начальник Красного Креста в Нише, сказал Д. Риду об этом так: «Мы все в Сербии крестьяне, и это наша гордость. Воевода Путник главнокомандующий армией, бедный человек; отец его был крестьянином. Воевода Мичич [Мишич], одержавший победу и прогнавший австрийцев из нашей страны, крестьянин. Многие депутаты Скупщины нашего парламента крестьяне и заседают там в крестьянской одежде» (там же: 59). Восприятие войны в Сербии принципиально отличалось от реакции населения остальных воюющих стран. Тот же Д. Рид подчеркнул, что «каждый солдат из крестьян знает, за что он сражается. Ещё когда он был маленьким ребенком, мать приветствовала его: “Здравствуй, маленький мститель за Косово”» (Рид 1928: 66).

В качестве ещё одного примера приведём описание российским посланником Г.Н. Трубецким поездки престарелого короля Петра в солдатские окопы в ноябре 1914 г., в разгар нового австрийского наступления, чуть не приведшего Сербию к трагическому поражению: «Про меня рассказывают всякие небылицы, сказал он мне. Не верьте им. Я ничего особенного не сделал. Вы видите, что я стар и никуда не годен. Что удивительного в том, что я предпочёл бы умереть, чем видеть позор моей родины. Я поехал в окопы, и только это и сказал сол-

датам. Я им говорил: “Пускай, кто хочет, уходит по домам, а я останусь здесь и умру за Сербию”. Ах, если бы видели наших солдат! Какие это необыкновенные люди. Они плакали, целовали моё пальто. Все остались и сражались как львы. Сербам нужно, чтобы кто-нибудь смотрел на них, тогда они делают чудеса храбрости» (Трубецкой 1983: 77)¹³. Такое «семейное» восприятие народом своего монарха было естественным выражением отношения традиционного крестьянского общества к власти и государству, когда правитель выдвигался из своей среды и ей же мифологизировался. Именно поэтому мы не видим на сербском престоле представителей иностранных династий¹⁴. При этом отношение сербского крестьянства к собственному монарху отражало его традиционный менталитет. Д. Рид упоминал, что их возница, нахваливая своих лошадей, сказал, что жеребца он назвал Воевода Мичич [Ж. Мишич] в знак уважения к генералу, одержавшему решительные победы над австрийцами в 1914 г., а *кобылу* (курсив мой – Я.В.) Король Пётр (Рид 1928: 104). Изменить этот менталитет сербского солдата не смогли никакие лишения. Его показательно охарактеризовал русский посланник Г.Н. Трубецкой, описывая пребывание сербской армии в Скутари во время её отступления на Корфу в 1915 г.: «Как бледные тени, многие едва держались на ногах, несчастные бродили по улицам и ни разу мне не пришлось натолкнуться на выражение ропота. С поразительной покорностью судьбе эти люди медленно умирали, не решаясь протянуть руку за милостыней <...>. Все эти солдаты не так давно были зажиточными гордыми сербскими крестьянами, а теперь у них всё пропало, и, впад в самую крайнюю степень нищеты, они были как будто ошеломлены и не знали, что делать» (Трубецкой 1983: 219).

В России ситуация отличалась кардинально. Генерал и военный историк Ю.Н. Данилов отмечал, что в 1914 г., после объявления мобилизации, несмотря на внешне бурную поддержку Николая II и патриотический подъём, крестьянин, составлявший, как и в Сербии, основу русской армии, «шёл на призыв потому, что привык вообще исполнять всё то, что от него требовала власть; он терпеливо и пассивно нёс свой крест, пока не подошли великие испытания <...>. Даже коренное русское население было лишено сознания единства. “Мы вятские, тульские или пермские, до нас немец не дойдёт”, такими словами часто и надо сказать довольно правильно характеризовали у нас несознательное отношение крестьянства об общей опасности государства» (Данилов 1924: 112). То же в своих воспоминаниях писал С.Е. Трубецкой: «Всем было тяжело, никому не хотелось идти. Индивидуального сознания печальной необходимости войны почти не у кого не было (“мы калуцкие, нам море не нужна”). И вот все безропотно бросали всё и шли... Что же их побуждало к этому? Патриотизм? Только

¹³ Мужественное поведение Петра Карагеоргиевича, который, по словам российского посланника, показал «своим примером, что он предпочитает смерть народному позору», было замечено в России. Николай II наградил монарха орденом Андрея Первозванного с мечами, престолонаследнику Александру был вручён орден Св. Георгия третьей степени, а его брату Георгию – четвёртой.

¹⁴ См. подробнее: (Шемякин 2005; Белов 2005; 2006; 2007).

в исключительных случаях. Масса шла потому, что она чувствовала принуждение идти. А какова была реальная, физическая сила, стоящая за этим принуждением? Два, три урядника на огромную волость! Если бы люди на мгновение вышли из-под действия массового гипноза власти и чувства необходимости ей повиноваться, власть эта ничего не могла бы с ними поделать, и вся сложная постройка государственного здания рассыпалась бы в прах» (Князя Трубецкие 1996: 159). Неудачи на русско-германском фронте в 1915–1916 гг. усиливали эти настроения, что, вкупе с другими немаловажными факторами, делало кризис российской монархии неизбежным.

При исследовании проблем сербской истории нельзя не учитывать, что политическая вестернизация страны, активно начавшаяся после 1878 г., шла в отрыве от традиционных общественных структур, а реальная, особенно государственная, жизнь в Сербии, как показывают, в числе прочего, свидетельства русских путешественников и дипломатов, была далека от общепринятых в Европе поведенческих норм и социокультурных стандартов. Известная сербская исследовательница Л. Перович отметила по этому поводу, что «сербская модернизация отождествлена с европеизацией Сербии ... Задруга с её экономическими и социальными функциями, системой ценностей лежит в основании идеологии сербского социализма шестидесятых и семидесятых годов, или радикализма восьмидесятых годов XIX века. Квинтэссенция этой идеологии народное государство в противовес современному государству, которое вводит власть права, основывает институты и создаёт административное сословие – бюрократию» (Перович 2007: 19, 28). О глубоком внешнем разрыве между малой частью сербской интеллигенции и патриархальным крестьянством писал известный сербский историк М. Йованович. Оценивая глубинные последствия Первой мировой войны для Сербии, он указывал, что война не только стоила больших человеческих жертв, но и познакомила простых сербов с элементарными достижениями мировой цивилизации. Сербский солдат впервые увидел зубную щётку и термометр, а «сербский крестьянин, который пошёл на войну и принял участие в переходе через Албанию, мог увидеть в любительском театре на Салоникском фронте или в театрах Бизерты различные представления, среди которых и спектакль “Битва на Косово”, а также слушать оперу “Сельская честь” (*Cavaleria Rusticana*). Мог он увидеть и любительское исполнение китайского балета. На Салоникском фронте он присутствовал на демонстрации фильмов. Для него всё это было встречей с новой цивилизацией, которую не по его воле всё же принесла война» (Йованович 2002: 153–154)¹⁵.

Таким образом, «человек воюющий» стал для Сербии совершенно особым явлением, причём как социальным, так и психологическим. Этот коллективный

¹⁵ См. сборник «Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян» (Первая мировая война... 2004), где показано воздействие войны на менталитет балканского общества.

милитарный портрет серба влиял на все процессы модернизации сербского государства, происходившие после 1878 г. По замечанию Л.Д. Троцкого, который побывал в Сербии как корреспондент газеты «Киевская мысль»: «Трубят трубы, барабанщики отбивают такт <...> Лапти на ногах и эта зелёная веточка на шапке – при полном боевом снаряжении – придают солдатам какой-то трогательный вид. И ничто в данный момент не характеризует для меня так ярко кровавую бессмысленность войны, как эта веточка и эти мужицкие опанки» (Русские о Сербии... 2006: 500).

Об авторе:

Ярослав Валерианович Вишняков – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: vishnyakov@yandex.ru.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31138 ««Новое прошлое» и его роль в политических трансформациях: опыт стран Западных Балкан».

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 9, 2019
Accepted: September 10, 2019

Serbian Society at the Beginning of the 20th Century. “Militarization of Everyday”

Ya.V. Vishnyakov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-28-45

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: During the 19th and early 20th centuries, the Eastern question and the search for ways to solve it occupied a central place in the politics of both Russia and European states. With his decision was closely linked the process of formation of the young Balkan countries. Serbia, whose formation of a new statehood typologically coincides with a change in the system of European international relations of the 19th and early 20th centuries, played an important role in the events of the Eastern question, while claiming to be the Yugoslav “Piemont”. However, it was the war by the beginning of the twentieth century. It became,

both for Serbia and other countries of the region, not only a means of gaining state sovereignty, but also the main way to resolve its own interstate contradictions, which took place against the background of an external factor - the impact on the political processes of the Balkans of the Great Powers. These factors led to the natural militarization of the everyday life of Serbian society. The presence in the everyday consciousness of the people of the image of a hostile "other" became one of the main ways of internal consolidation of the country, when attitudes towards war, pushing the values of peaceful life to the background, created a special basic consensus in the state development of Serbia at the beginning of the 20th century, and the anthropological role of the military factor was essentially influenced the underlying processes that took place in the country at the beginning of the twentieth century. In the conditions of a new stage of destruction of the Balkans along the ethno-political line, the factor of militarization of everyday life again becomes an important element of the historical policy of the Balkan countries and the construction of a "new past". In this regard, the understanding of many problems and possible scenarios for the development of the current Balkan reality is linked to this phenomenon. Thus, the study of the impact on the political life of Serbia at the beginning of the twentieth century of special "extra-constitutional" institutions is important for a wide range of researchers, including for a systematic analysis of the crisis in the territory of the former SFRY.

Key words: Serbia, modernization, militarization of everyday life, "Inscription", World War I.

About the author:

Yaroslav V. Vishnyakov – Dr. of Science (History Sci.), Associate professor of the Department World and Russian History of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation. 76 Prospect Vernadskogo, room 3103, Moscow, Russian Federation, 119454. E-mail: vishnyakov@yandex.ru.

Acknowledgements:

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 19-011-31138 "The New Past" and its Role in Political Transformations: Experience of the Western Balkans"

Conflict of interests:

Author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Anderson B. 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma* [Imagined Community. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow. 288 p. (In Russian)
- Belov M.V. 2005. Serbskaya povstancheskaya gosudarstvennost' i ee ideologicheskoe obosnovanie [The Rebel Serbian State and its Ideological Justification.]. *Dvesti let novoj serbskoj gosudarstvennosti*. Sb. st. Saint-Petersburg. 406 p. P. 39–56. (In Russian)
- Belov M.V. 2006. Problema institucionalizacii i legitimacii vlasti v Serbii v 1804-1830 gg. [The Problem of Institutionalization and Legitimization of Power in Serbia in 1804-1830]. *Chelovek na Balkanah. Gosudarstvo i ego instituty. Grimasy politicheskoy modernizacii (poslednyaya chetvert' XIX nachalo XX v.)*. Sb. st. Saint-Petersburg. 357 p. P. 53–81. (In Russian)
- Belov M.V. 2007. *U istokov serbskoj nacional'noj ideologii. Mekhanizmy formirovaniya i specifika razvitiya. Konec XVIII seredina 30-h gg. XIX v.* [At the Origins of the Serbian National Ideology. Mechanisms of Formation and Specificity of Development. The Late 18th Century Mid 30th]. Saint-Petersburg. 540 p. (In Russian)

Burbank Dzh., Kuper F. 2010. *Traektorii imperii* [The Trajectories of the Empire]. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperij i nacionalizma*. Moscow. 428 p. P. 325-361. (In Russian)

Veber M. 1990. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow. 805 p. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V. 1999. Balkany. Hvatka «Chernoj ruki» [Balkans. The Grip of the "Black Hand"]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. № 5. P. 34-47. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V. 2001. «Naselenie Belgrada sovershenno terrorizirovano mestnymi vojskami». Voennyj perevorot 29 maya 1903 goda i ego posledstviya dlya politicheskoy zhizni Serbii ["The Population of Belgrade is Completely Terrorized by Local Troops." The Military Coup of 29 may 1903 and its Consequences for the Political Life of Serbia.]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. № 3. P. 68-77. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V. 2014. «Chernaya ruka» v serbskoj politike nachala HKH veka [«The Black Hand» in Serbian Politics of the Early Twentieth Century.]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. №10. P. 8-13. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V. 2016. *Voennyj faktor i gosudarstvennoe razvitiye Serbii nachala XX veka* [The Military Factor and the State Development of Serbia in the Early Twentieth Century]. Moscow: MGIMO-Universitet. 529 p. (In Russian)

Vishnyakov Ya.V., Ponomareva E.G. 2018. Serbiya na Balkanah. Izobretenie «porohovogo pogreba Evropy» [Serbia in the Balkans. The Invention of the " Powder Magazine of Europe"]. *Sovremennaya Evropa*. № 7. P. 108-122. (In Russian)

Vukichevich M.M. 1915. *Korol' Petr I i Serbiya* [King Peter I and Serbia]. Petrograd. 111 p. (In Russian)

Grishina R.P. 2008. Liki modernizacii v Bolgarii (beg truscoj po peresechennoj mestnosti) [Faces of Modernization in Bulgaria (Cross-Country Jogging)]. Moscow. 256 s. (In Russian)

Danilov Yu.N. 1924. *Rossiya v mirovoj vojne 1914-1915 gg.* [Russia in the World War 1914-1915]. Berlin. 396 p. (In Russian)

Jovanovich M. 2002. «Umeret' za Rodinu». Pervaya mirovaya vojna, ili stolknovenie «obychnogo cheloveka s total'noj vojnoj» ["Die for the Motherland." The First World War, or the Clash of the "Ordinary Man with Total War"]. *Poslednyaya vojna imperatorskoj Rossii*. Sb. St. Pod red. O.R. Ajrapetova. Moscow. 264 p. P. 136-157. (In Russian)

Knyaz'ya Trubeckie. 1996. *Rossiya vospryanet* [Russia Will Rise]. Moscow. 544 P. (In Russian)

Kuz'micheva L.V. 2009. Serbo-horvatskie sblizheniya i konflikty v XIX-nachale XX v. [Serbo-Croatian Rapprochements and Conflicts in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries.] *Konflikty i kompromissy v istorii mirovyh civilizacij*. Sb. st. Moscow. 467 p. P. 172-182. (In Russian)

Nikiforov K.V. 2015. «Nachertanie» Ilii Garashanina i vneshnyaya politika Serbii v 1842-1853 gg. [The "Mark" of Elijah Garashanin and the Foreign Policy of Serbia in 1842-1853]. Moscow. 256 p. (In Russian)

Pervaya mirovaya vojna v literaturah i kul'ture zapadnyh i yuzhnyh slavyan [World War I in the Literature and Culture of the Western and Southern Slavs]. 2004. Moscow. 470 p. (In Russian)

Perovich L. 2007. Serbiya v modernizacionnyh processah XIX- XX vekov [Serbia in the Modernization Processes of the 19-20 centuries]. *Chelovek na Balkanah. Sociokul'turnye izmeneniya processa modernizacii na Balkanah (seredina XIX seredina XX v.)*. Saint Petersburg. 376 p. P. 16-40. (In Russian)

Pisarev Yu.A. 1990. *Tajny pervoj mirovoj vojny. Rossiya i Serbiya v 1914-1915 gg.* [Secrets of the First World War. Russia and Serbia in 1914-1915]. Moscow: Nauka. 222 p. (In Russian)

- Ponomareva E.G. 2005. Hronopoliticheskoe izmerenie modernizacionnyh processov v sovremennoj Serbii [Chronopolitical Dimension of Modernization Processes in Modern Serbia]. *Polis*. № 3. P. 34–43. (In Russian)
- Ponomareva E.G. 2013. Balkany kak zona (dez)integracii [Balkans as a Zone of (Dis)Integration]. *Razvitie i ekonomika*. №5. P. 82–95. (In Russian)
- Rid D. 1928. *Vdol' fronta* [Along the Front]. Moscow, Leningrad. 324 p. (In Russian)
- Russkie o Serbii i serbah: pis'ma, stat'i, memuary* [Russians on Serbia and the Serbians: Letters, Articles, Memoirs]. 2006. Sost. A.L. Shemyakin, A.A. Silkin. Saint-Petersburg. T. 1: Pis'ma, stat'i, memuary / Sost., vstup. st., zakl. A.L. Shemyakina; komm. A.A. Silkina, A.L. Shemyakina. 684 p. (In Russian)
- Senyavskaya E.S. 1999. *Psihologiya vojny v HKH veke. Istoricheskij opyt Rossii* [Psychology of War in the Twentieth Century. Historical Experience of Russia]. Moscow. 383 p. (In Russian)
- Sergeev E.Yu. 2001. «Inaya zemlya, inoe nebo...» *Zapad i voennaya elita Rossii (1900-1914)* ["Another Earth, Another Sky..." the West and the Military Elite of Russia (1900-1914)]. Moscow. 282 p. (In Russian)
- Smit E. 2004. *Nacionalizm i modernizm* [Nationalism and Modernism]. Moscow. 466 s. (In Russian)
- Taburno I. 1913. *O serbskih bitvah (vpechatleniya ochevidca vojny serbov s turkami 1912 g.)* [About Serbian Battles (Impressions of the Eyewitness of War of Serbs with Turks of 1912)]. Saint Petersburg. 144 p. (In Russian)
- Trubeckoj Gr. N. 1983. *Russkaya diplomatiya 1914-1917 gg. i vojna na Balkanah* [Russian Diplomacy 1914-1917 and the War in the Balkans]. Monreal'. (In Russian)
- Hroh M. 2002. Ot nacional'nyh dvizhenij k polnost'yu sformirovavshejsya nacii: process stroitel'stva nacii v Evrope [From National Movements to a Fully Formed Nation: the Process of Nation-Building in Europe]. *Nacii i nacionalizm*. Moscow. 416 p. P. 121-145. (In Russian)
- Hroh M. 2010. Istoricheskie predposylki «nacionalizma» v central'no- i vostochnyh stranah [Historical Background of "Nationalism" in Central and Eastern Countries]. *Nacionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope. Neudavshijsya nacionalizm mnogonacional'nyh i chas-tichnyh nacional'nyh gosudarstv*. T. 1. Moscow: ROSSPEN. 432 p. P. 107–121. (In Russian)
- Sheval'e N. 1913. *Pravda o vojne na Balkanah. Zapiski voennogo korrespondenta* [The Truth about the War in the Balkans. War Correspondent's Notes]. Saint-Petersburg. (In Russian)
- Shemyakin A.L. 2005. Narod i vlast' v nezavisimoy Serbii [The People and the Power in Independent Serbia]. *Dvesti let novoj serbskoj gosudarstvennosti*. Saint Petersburg. 406 p. P. 175–200. (In Russian)
- Shnirel'man V.A. 1999. Nacional'nye simvol'y, etnoistoricheskie mify i etnopolitika [National Symbols, Ethno-Historical Myths and Ethno-Politics]. *Makedoniya: problemy istorii i kul'tury*. Moscow. P. 9-24. (In Russian)
- Shtrandtman V.N. 2014. *Balkanskije vospominaniya* [Balkan Memories]. Moscow. 504 s. (In Russian)

Литература на русском языке:

- Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва. 288 с.
- Белов М.В. 2006. Проблема институализации и легитимации власти в Сербии в 1804-1830 гг. *Человек на Балканах. Государство и его институты. Гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX начало XX в.)*. Сб. ст. Санкт-Петербург. 357 с. С. 53–81.

Белов М.В. 2005. Сербская повстанческая государственность и её идеологическое обоснование. *Двести лет новой сербской государственности*. Сб. ст. Санкт-Петербург. 406 с. С. 39–56.

Белов М.В. 2007. *У истоков сербской национальной идеологии. Механизмы формирования и специфика развития. Конец XVIII – середина 30-х гг. XIX в.* Санкт-Петербург. 540 с.

Бурбанк Дж., Купер Ф. 2010. Траектории империи. Мифы и заблуждения в изучении империй и национализма. Москва. 428 с. С. 325–361

Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. Москва. 805 с.

Вишняков Я.В. 1999. Балканы. Хватка «Черной руки». *Военно-исторический журнал*. № 5. С. 34–47.

Вишняков Я.В. 2001. «Население Белграда совершенно терроризировано местными войсками». Военный переворот 29 мая 1903 года и его последствия для политической жизни Сербии. *Военно-исторический журнал*. № 3. С. 68–77.

Вишняков Я.В. 2014. Чёрная рука в сербской политике начала XX века. *Военно-исторический журнал*. №10. С. 8–13.

Вишняков Я.В. 2016. *Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века*. Москва: МГИМО-Университет. 529 с.

Вишняков Я.В., Пономарева Е.Г. 2018. Сербия на Балканах. Изобретение «порохового погребца Европы». *Современная Европа*. № 7. С. 108–122.

Гришина Р.П. 2008. *Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности)*. Москва. 256 с.

Вукичевич М.М. 1915. *Король Петр I и Сербия*. Петроград. 111 с.

Данилов Ю.Н. 1924. *Россия в мировой войне 1914-1915 гг.* Берлин. 396 с.

Йованович М. 2002. «Умереть за Родину». Первая мировая война, или столкновение «обычного человека с тотальной войной». *Последняя война императорской России*. Сб. Ст. Под ред. О.Р. Айрапетова. Москва. 264 с. С. 136–157.

Князья Трубецкие. 1996. *Россия воспрянет*. Москва. 544 с.

Кузьмичёва Л.В. 2009. Сербо-хорватские сближения и конфликты в XIX – начале XX в. *Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций*. Сб. ст. Москва. 467 с. С. 172–182.

Никифоров К.В. 2015. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842-1853 гг. Москва. 256 с.

Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. 2004. Москва. 470 с.

Перович Л. 2007. Сербия в модернизационных процессах XIX-XX веков. *Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.)*. Санкт-Петербург. 376 с. С. 16–40.

Писарев Ю.А. 1990. *Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914-1915 гг.* Москва: Наука. 222 с.

Пономарева Е.Г. 2005. Хронополитическое измерение модернизационных процессов в современной Сербии. *Полис*. № 3. С. 34–43.

Пономарева Е.Г. 2013. Балканы как зона (дез)интеграции. *Развитие и экономика*. № 5. С. 82–95.

Рид Д. 1928. *Вдоль фронта*. Москва, Ленинград. 324 с.

Русские о Сербии и сербах: письма, статьи, мемуары. 2006. Сост. А.Л. Шемякин, А.А. Силкин. Санкт-Петербург. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. 684 с.

Сенявская Е.С. 1999. *Психология войны в XX веке. Исторический опыт России*. Москва. 383 с.

Сергеев Е.Ю. 2001. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России (1900-1914). Москва. 282 с.

Смит Э. 2004. *Национализм и модернизм*. Москва. 466 с.

Табурно И. 1913. *О сербских битвах (впечатления очевидца войны сербов с турками 1912 г.)*. Санкт-Петербург. 144 с.

Трубецкой Гр. Н. 1983. *Русская дипломатия 1914-1917 гг. и война на Балканах*. Монреаль.

Хрох М. 2002. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. *Нации и национализм*. Москва. 416 с. С. 121-145.

Хрох М. 2010. Исторические предпосылки «национализма» в центрально- и восточных странах. *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств*. Т. 1. Москва: РОССПЭН. 432 с. С. 107-121.

Шевалье Н. 1913. *Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента*. Санкт-Петербург.

Шемякин А.Л. 2005. Народ и власть в независимой Сербии. *Двести лет новой сербской государственности*. Санкт-Петербург. 406 с. С. 175-200.

Шнирельман В.А. 1999. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика. *Македония: проблемы истории и культуры*. Москва. С. 9-24.

Штрандтман В.Н. 2014. *Балканские воспоминания*. Москва. 504 с.

Литература на сербском языке:

Јакшић Г., Вучковић В. 1963. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила (први балкански савез). Београд. 576 с.

Перовић Л. 1993. Српско-руски револуционарни везе. Београд. 219 с.

Московский договор СССР – ФРГ и «Письмо о германском единстве». От конфликта к компромиссу

А.М. Филитов

Институт всеобщей истории Российской академии наук

В статье рассмотрены ход и результаты советско-западногерманских переговоров, которые привели к заключению Московского договора от 12 августа 1970 г., ставшего важным фактором разрядки международной напряжённости на европейском континенте. Особое внимание уделено проблеме генезиса так называемого «Письма о германском единстве», на принятии которого советской стороной упорно настаивали представители ФРГ. В статье раскрывается гибкая тактика советской делегации, которую возглавлял министр иностранных дел СССР А.А. Громыко: учитывая, в частности, позицию ГДР, дипломаты выступали против включения в текст договора каких-либо положений, касающихся объединения Германии, однако при этом оставляли открытой перспективу такого объединения в будущем. Определённый реализм и готовность к компромиссу проявили и западногерманские переговорщики, среди которых особая заслуга принадлежит личному эмиссару канцлера Брандта Э. Бару. На основе этих компромиссов была выработана общая позиция сторон по заключению и последующей ратификации Московского договора. В статье должное внимание уделено «фактору США» в советско-западногерманских отношениях. Формально декларируя положительное отношение к «новой восточной политике» ФРГ, на деле американская сторона пыталась её всячески скомпрометировать и осложнить процесс подготовки Московского договора. Отмечена также некоторая непоследовательность дипломатии ФРГ в отходе от прежних политических догм, в первую очередь от претензий на единоличное представительство всех немцев.

Главный вывод статьи заключается в том, что результате сложного и порой конфликтного советско-западногерманского переговорного процесса его участникам удалось преодолеть реальное противоречие между принципом нерушимости границ и правом на национальное самоопределение. В нынешней международной ситуации, когда это противоречие сторонниками конфронтации искусственно обостряется, опыт, накопленный при выработке и согласовании положений Московского договора, имеет актуальное практическое значение. Работа написана на основе ранее не вводившихся в научный оборот первоисточников из Архива внешней политики Российской Федерации, а также опубликованных западногерманских документов.

Ключевые слова: Московский договор, Письмо о германском единстве, московская миссия Бара, А.А. Громыко, В. Брандт, В. Шеель.

УДК 327.82

Поступила в редакцию: 15.11.2019 г.

Принята к публикации: 10.12.2019 г.

Специальных исследований по истории Московского договора до настоящего времени не имеется. Определённые аспекты данной проблематики нашли отражение в работах Н.В. Павлова (Павлов 2006), И.Ф. Максимычева (Максимычев 2014) и А.М. Филитова (Филитов 2015; 2017а; 2017б). В зарубежной литературе одну из первых сбалансированных оценок взаимодействия ФРГ и СССР в период разрядки представил М. Ушнер (Uschner 1991). В разной степени феномен Московского договора раскрыт в монографиях Й. фон Данненберга (Dannenberg 2008), Шт. Кройцбергера (Creuzberger 2009), В.-Д. Липперта (Lippert 2011), Г. Нидхардта (Niedhardt 2014), сборнике трудов под редакцией К. Финк (Fink, Schaefer 2009). Единственной в зарубежной историографии работой о происхождении Московского договора с использованием российских первоисточников остается статья В. Линка (Link 2001). Что касается автора этих строк, данная статья продолжает серию его работ, опубликованных ранее – в российско-германском учебном пособии, а также в российских научных журналах.

12 августа 1970 г. в Екатерининском зале Кремля председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин и канцлер ФРГ В. Брандт в торжественной обстановке подписали межгосударственный договор, который стал существенным вкладом в процесс разрядки международной напряжённости в Европе. Этому акту предшествовали довольно длительные (с 8 декабря 1969 г.) переговоры, носившие поначалу весьма конфронтационный характер. Исходные позиции сторон, казалось, не оставляли почвы для компромисса. Утверждённые Политбюро ЦК КПСС директивы для советской делегации, которую возглавил министр иностранных дел А.А. Громыко, определяли в качестве центрального «вопрос о признании ФРГ существующих в Европе границ, включая границу между ГДР и ФРГ и границу по Одере-Нейсе». В тексте директив подчёркивалось: «Если ФРГ будет пытаться поднимать в той или иной форме вопрос о воссоединении двух германских государств, решительно отклонять такую постановку вопроса, как не имеющую отношения к предмету переговоров»¹. Что касается западногерманской стороны, то, судя по содержанию высказываний её переговорщиков (вначале это был посол ФРГ в Москве Г. Аллардт, а с 30 января 1970 г. личный эмиссар канцлера В. Брандта Эгон Бар), их позиция была прямо противоположной. Вопрос о границах жёстко увязывался с почти ультимативным требованием к советской стороне согласиться на включение в планируемый документ ряда положений, не соответствовавших сложившимся на тот момент европейским реалиям. Наиболее упорно при этом представители ФРГ пытались втянуть советских партнёров в обсуждение той самой проблемы воссоединения, которую по сути следовало решать не с Советским Союзом, а с правительством другого германского государства – Германской Демократической Республики (кстати сказать, определение конкретных условий восстановления германского

¹ АВП РФ, Ф. 0757, Оп. 14, П. 54, Д. 10. Л. 26-30.

единства, ставшего фактом двадцать лет спустя, стало результатом именно договорённости между самими немцами; роль четырёх держав заключалась лишь в определении международного статуса объединённой Германии, создании гарантий, чтобы она вновь не стала угрозой для дела мира и безопасности). На протяжении нескольких заседаний шла бесплодная полемика, в ходе которой представители ФРГ пытались подкрепить свою точку зрения различными аргументами, которые, в свою очередь, встречали не менее аргументированную критическую реакцию с советской стороны.

Попытку найти взаимоприемлемую развязку Бар предпринял на заседании, состоявшемся 17 февраля 1970 г. В советской записи беседы зафиксирован его комплимент по поводу политики СССР в германском вопросе (по его словам, с конца Второй мировой войны она «была направлена на достижение единства Германии»²) и следующее заявление: «Когда с советской стороны говорится, что вопрос об объединении Германии не имеет отношения к соглашению о неприменении силы, то в этом, признал Бар, есть известная логика. Но он просил бы ещё раз обдумать, не могли бы стороны найти соответствующую формулу, которая в той или иной степени затрагивала вопрос об объединении. Возможно, это положение содержалось бы не в самом соглашении о неприменении силы, а, скажем, соответствующих письмах, которыми могли бы обменяться стороны, или по данному вопросу была бы достигнута устная договорённость. Подобная договорённость вносила бы необходимую ясность в данный вопрос и позволяла бы сторонам проводить политику в соответствии со своими целями в вопросах объединения Германии, не навлекая на себя упрёка, что они действуют в нарушение соглашения о неприменении силы. Бар выразил убеждение, что это, как ему кажется, не такая сложная проблема, чтобы её нельзя было решить»³.

На самом деле, проблема оказалась достаточно сложной, однако решить её в конце концов удалось, что сделало возможным и заключение Московского договора 12 августа 1970 г. и его вступление в силу в июне 1972 г. Решение её отличалось от тех формул, которые были предложены Баром в беседе с Громыко 17 февраля 1970 г. Не было ни «обмена письмами», ни «устной договорённости», имела место лишь передача советской стороне одностороннего заявления со стороны ФРГ с изложением её позиции по национальному вопросу. Речь идёт

² Интересно сравнить советскую и западногерманскую записи беседы того же Бара с советским дипломатом В.М. Фалиным 14 марта 1970 г., когда речь зашла вновь об истории обсуждения германского вопроса. Согласно советской записи, Бар заявил: «Начиная с 1945 года, СССР, в противоположность некоторым другим державам, всегда официально выступал как сторонник германского единства». Сам Бар записал своё высказывание по-иному: «Трудно понять, почему Советский Союз не может в какой-то форме вновь выразить подтверждение своей прежней политики в отношении Германии». Ср.: АВП РФ, Ф. 0757, Оп. 15, П. 56, Д. 5. Л. 6; Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland. 1970. Bd.1. München. 2001. Dok. 120. S. 482 (далее – AzAP). В последнем случае комплиментарный мотив в отношении СССР приглушён, а критический – в отношении «некоторых» (читай – западных) держав – отсутствует вовсе. Искушённый западногерманский политик, очевидно, решил подстраховаться от обвинений в наличии «просоветских» и «антизападных» настроений, не без основания полагая, что материалы переговоров могут «утечь» в СМИ – как это и случилось на самом деле.

³ АВП РФ, Ф. 0757, Оп. 15, П. 56, Д. 3. Л. 87.

о «Письме о германском единстве», международно-правовое качество которого долгое время было предметом жёсткой полемики дипломатов, политиков, юристов-международников и, разумеется, историков. Упомянутое выше высказывание Бара стало отправным пунктом в генезисе этого документа.

Судя по советской записи беседы, Громыко никак не отреагировал на инициативу Бара. Однако, это не означало, что он не оценил её новизны и содержащейся в ней возможности для взаимоприемлемого компромисса. Отношение к ней он достаточно внятно сформулировал в ходе своей беседы с руководителями СЕПГ/ГДР, состоявшейся 24 февраля 1970 г.: «...министр иностранных дел изложил подход советской стороны к вопросам о германском мирном договоре и объединении Германии в связи с настойчивыми попытками Бара включить их в рамки возможной советско-западногерманской договорённости. Общее впечатление таково, что в ФРГ понимают невозможность провести свои взгляды по этим вопросам и изыскивают способы как-то отметить и спасти лицо. Поэтому в последней беседе Бар высказывался за то, чтобы упомянуть объединение вне контекста соглашения, в каком-либо «устном протоколе», т.е. в необязывающей для Советского Союза форме»⁴. В немецкой записи этой беседы позитивная оценка высказываний Бара выглядит ещё более акцентированно: «Следует признать, что это определённое крупное отступление от их первоначальной позиции – идея, что мы должны устно договориться о том, что каждая сторона может остаться при своём мнении. Это практически отказ от требования зафиксировать это письменно в соглашении»⁵.

Ни советская, ни немецкая записи беседы не фиксируют какой-либо прямой реакции на инициативу Бара в том виде, как её изложил Громыко, со стороны представителей ГДР. Однако, косвенным ответом на неё можно считать следующую реплику главы немецкой делегации В. Ульбрихта: «Около месяца в печати ГДР не употребляется выражение “два” или “оба” германских государства, так как это возбуждает иллюзии относительно единства нации и внутригерманских отношений. Мы говорим теперь только “отношения между ГДР и ФРГ”, “переговоры между суверенной ГДР и суверенной ФРГ”»⁶. Ещё ранее в ходе беседы он назвал «фантастикой» идею «единой национальной крыши» (*Phantasiedach der Nation*)⁷. Звучало это весьма странно, особенно в свете того, что ещё в октябре 1969 г. на заседании Политбюро ЦК СЕПГ Ульбрихт говорил о том, что «ныне существуют два государства немецкой нации»⁸, а в декабре 1969 г. на совещании руководителей государств-членов Варшавского договора делегация ГДР представила проект договора с ФРГ, в преамбуле которого фигурировала

⁴ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 93. Д. 4. Л. 31.

⁵ Dokumente zur Deutschlandpolitik. VI. Reihe/Bd 1. 21. Oktober 1969 bis 31. Dezember 1970. Bearb. von Daniel Hoffman. München. 2002. Dok. 86. S. 300. Далее DzD.

⁶ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 93. Д. 4. Л. 38.

⁷ Это высказывание Ульбрихта отсутствует в советской записи беседы. Оно представлено только в записи немецкой стороны. См.: DzD. Dok. 86. S. 309.

⁸ DzD. Dok. 10. S. 29.

всё та же формула о «двух германских государствах немецкой нации» (Филитов 2017: 84-86). Под давлением других делегаций (прежде всего, польской) проект подвергся коренной ревизии, и упомянутая формула была снята. Почему спустя немногим более месяца руководство ГДР пошло ещё дальше в отрицании всякой общности с другим германским государством — об этом можно только гадать. Как бы то ни было, советской стороне приходилось учитывать этот факт, что явно суживало её опции в переговорах с Баром. В данном случае, очевидно, что руководство ГДР дало понять: для него неприемлемо упоминание проблемы воссоединения и единства Германии в любом советско-западногерманском документе, в любом смысле и в любом виде – письменном или устном.

Такого рода «вето» со стороны ГДР могло завести советско-западногерманские переговоры в полный тупик, если бы не новая инициатива Бара. На заседании 10 марта эмиссар канцлера, согласно советской записи беседы, «замечтил, что он понимает неприемлемость для советской стороны предложения о какой-либо ссылке на объединение в соглашении между СССР и ФРГ. Однако при конкретном упоминании границ вопрос о единстве всё же возникает. Может быть, спросил он, для советской стороны будет приемлем обмен какими-то письмами в связи с вопросом объединения *или западногерманская сторона в одностороннем порядке направит письмо, в котором говорилось бы о том, что соглашение о неприменении силы не будет препятствовать мирным устремлениям к созданию единой демократической Германии. Это письмо не являлось бы частью соглашения. Оно было бы поясняющим заявлением одной стороны, которое другая сторона не должна была ни подтверждать, ни отвергать, даже не подтверждать его получение. Данное письмо могло бы и не публиковаться, но давало бы возможность в случае необходимости заверить общественное мнение, что обязательства ФРГ, взятые ей по соглашению с СССР, не противоречат положениям по вопросу объединения, зафиксированным в конституции ФРГ, да и в конституции ГДР*» (курсив наш – А.Ф.)⁹.

Это была, конечно, существенная уступка со стороны ФРГ, ещё большее «отступление от первоначальной позиции», чем то, о котором говорил Громыко в беседе с руководством ГДР 24 января. Ответ Громыко, данный на следующем заседании – 13 марта, звучал, однако, обескураживающе: «Для советской стороны неприемлемо, чтобы к соглашению между СССР и ФРГ по вопросу о неприменении силы прилагались дополнительные документы, которые могли бы вызвать потребность в новых документах, что создавало бы ненужные осложнения. Не успели бы высохнуть чернила, как началось бы толкование этих дополнительных актов и документов. Ведь советская сторона не предлагает направлять ФРГ какие-либо письма. Самым лучшим, на наш взгляд, был бы отказ от того, чтобы как-то фиксировать свои взгляды относительно будущего ФРГ и ГДР и целей их политики»¹⁰.

⁹ АВП РФ. Ф. 0742. Оп.15. П. 56. Д. 3. Л. 107.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 56. Д. 3. Л. 114-115.

Чем объяснялась негативная реакция Громыко на новую инициативу Бара, контрастировавшая с более позитивной (хотя и заочной) реакцией на предыдущую, хотя эта новая ещё менее связывала советскую сторону? Имеющиеся документы на этот вопрос не отвечают, и речь может идти лишь о предположениях. Идея одностороннего западногерманского документа, о котором бы никто не знал, кроме двух договаривающихся сторон (что-то вроде *non-rarere*), говоря языком дипломатии), вполне могла импонировать советским представителям, но как сочеталось «обещание» не публиковать данное «письмо» с тем объяснением, что оно нужно правительству ФРГ для влияния на общественное мнение в стране? Как же оно могло повлиять на таковое, если бы осталось скрытым от общественности? В ходе беседы 13 марта Бар даже усилил идею секретности, заявив: «западногерманская сторона не считает, что в случае направления ею письма могут возникнуть какие-либо недоразумения и полемика», поскольку «мы не собираемся публиковать его. Мы его подшили бы в дело»¹¹. В искренности этих заверений с полным основанием можно было усомниться, а это порождало недоверие ко всей данной инициативе Бара.

При всём том, думается, советская сторона недооценила содержавшегося в ней позитивного потенциала и упустила время для оптимального решения вопроса о договоре. Только на заседании 12 мая, открывшем третий и последний тур переговоров Бар – Громыко, последний отступил от её однозначно негативной оценки, заявив: «Вопрос о письме можно было бы ещё раз обдумать, если бы были найдены более определённые и чёткие формулировки относительно границ, если основной, территориальный вопрос получит своё должное отражение»¹². Уступка с советской стороны явно запоздала: «формулировки относительно границ» со стороны Бара стали действительно «более определёнными и чёткими», но совсем не в том смысле, которые имел в виду Громыко. Если ранее Бар порой употреблял в данном контексте слово «признание», то теперь дошёл до заявлений, что ФРГ юридически вообще не признает никаких границ, включая и западные. О причинах такого ужесточения позиции ФРГ документы опять-таки умалчивают, и опять-таки возможный ответ может быть лишь в плане предположений. Сам Бар сослался на позицию Польши, которая, как он заявил, «не была бы довольна, если бы в соглашении ФРГ с Советским Союзом содержалось конкретное упоминание о границе по линии Одер-Нейсе»¹³. Более релевантна была его ссылка на позицию западных держав. Союзники по НАТО и особенно США с большим подозрением относились к «новой восточной политике» социал-либеральной коалиции, и это оказывало своё влияние. Вот что пишет по этому поводу автор, явно симпатизирующий политике Брандта – Бара: «В США царил большое возбуждение. Быстрый темп переговоров

¹¹ АВП РФ. Ф. 0742. Оп.15. П. 56. Д. 3. Л. 117.

¹² АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 56. Д. 3. Л. 133.

¹³ АВП РФ. Ф. 0742. Оп.15. П. 56. Д. 3. Л. 136.

в Москве и их содержательный аспект наблюдали там с явным неудовольствием... Никсон и Киссинджер желали держать все нити процесса будущего урегулирования отношений Запад – Восток в своих руках и жёстко контролировать возможные тенденции немцев к нейтрализму. Поэтому они использовали свои давно налаженные контакты с немецкими консерваторами, организовав масштабный манёвр с целью помешать (переговорам). В мае 1970 г. из сейфов боннского МИДа внезапно исчезли материалы московских переговоров. Газете «Бильд-Цейтунг» и другим органам печати были подброшены эти «тайные бумаги Бара», что вызвало бурю возмущения. Согласно высказыванию бывшего политика СвДП Менде, за всем этим стояли американцы» (Uschner 1991: 85). Возможно, если бы советская сторона до визита Брандта в США (он состоялся 10-11 апреля 1970 г.) приняла в принципе идею Бара о «письме» в увязке с признанием границ, то это признание, вероятно, обрело бы более твёрдые очертания.

Ещё более ужесточилась линия поведения делегации ФРГ, когда её возглавил прибывший в Москву министр иностранных дел В. Шеель. В ответ на вновь поднятый последним вопрос об объединении, А.А. Громыко заявил (на заседании 29 июля 1970 г.): «Позиция советской стороны правительству ФРГ излагалась много раз. Конечно, было бы правильнее вообще не касаться этого вопроса ни прямо, ни косвенно. Мы долго колебались в связи с этим вопросом, и вначале у нас не было намерения принимать предложение западногерманской стороны – направить нам одностороннее письмо, о чём было сказано г-ну Бару. Затем мы этот вопрос как бы подвесили, чтобы посмотреть, насколько серьёзными будут намерения западногерманской стороны по всем обсуждавшимся проблемам. И когда стало ясно, что намечается какой-то баланс в учёте интересов, мы пришли к выводу, что если со стороны ФРГ будет предпринято направление письма в одностороннем порядке, то это дело западногерманской стороны» («мы закроем на это глаза» – согласно немецкой записи этой беседы¹⁴).

Шеель эту уступку советской стороны явно не оценил и попытался ревизовать уже достигнутую договорённость по пограничному вопросу. Согласно советской записи беседы, он «сослался на конституцию ФРГ и обязательства по известным международным соглашениям, которые, по его словам, не обеспечивают неограниченной гибкости ФРГ в вопросе о границах. ... ФРГ не может и не хотела бы исключить возможности изменения границ в Европе по согласию и даже их исчезновения. ... Мы настаиваем на этом, иначе мы не были бы искренними, ибо проводимая ФРГ политика интеграции Европы направлена на исчезновение границ. ... ФРГ не имеет намерений ставить под вопрос какие-либо границы в Европе... Но мы также не можем и не хотели бы исключать возможности того, что в один прекрасный день граница между ФРГ и ГДР по договорённости сторон исчезнет».

¹⁴ См. AzAP. 1970. Bd. 2. Dok. 340. S. 1277.

Увязка вопроса о границах с вопросом о перспективах европейской интеграции звучала, конечно, крайне искусственно¹⁵, и в своём ответе Громыко на неё даже не отреагировал. Зато по вопросу о возможном изменении границ он озвучил весьма гибкую позицию: «в Федеративной Республике ... раздаются голоса, а что, дескать, будет, если ГДР и ФРГ договорятся об объединении. Это — не вопрос договора, который мы собираемся заключить, и обсуждать это бесполезно. В практике международных отношений есть немало примеров, когда государства договариваются даже об изменении границ, об их корректировке, допустим по причине необходимости их лучшей охраны. Разумеется, никто не может запретить этого, если они поступают так по согласию, добровольно... По договорённости государства могут принимать решения относительно границ или установления даже одной общей границы. Так было, например, с ОАР и Сирией, когда они объединились и одно государство. Но это вопросы другого порядка»¹⁶.

Приводя пример с объединением двух ближневосточных государств, А.А. Громыко, конечно, не имел в виду, что аналогичным образом будут развиваться отношения между ФРГ и ГДР (кстати, к моменту московских переговоров государственное объединение Египта и Сирии фактически перестало существовать, оставалось только название – Объединённая Арабская Республика, а вскоре исчезло и оно). Однако, главное было в том, что советская сторона лишь раз подтвердила, что она в принципе не будет возражать против объединения, коль скоро такой вопрос станет актуальным. Для Шееля это, по-видимому, оказалось достаточным, и он прекратил свои попытки дальнейшего нажима на советскую сторону.

5 августа 1970 г. А.А. Громыко направил в ЦК КПСС – высший орган принятия политических решений в СССР – на утверждение согласованные с западно-германской стороной тексты договора между СССР и ФРГ и «Договорённости о намерениях сторон». В пакете документов фигурировал и перевод «Письма о немецком единстве» с характерным заголовком: «Текст одностороннего письма западногерманской стороны, которое не будет требовать ответа или даже подтверждения факта его получения с нашей стороны»¹⁷.

На следующий день, 6 августа, ЦК КПСС утвердил представленный МИДом проект, 7 августа тексты согласованных документов были парафированы министрами обеих стран, а 12 августа состоялось их подписание главами правительств.

В период от подписания Московского договора до его ратификации бундестагом ФРГ в мае 1972 г. шла острая борьба между сторонниками и противниками разрядки. Среди аргументов, которые выдвигались последними,

¹⁵ В немецкой записи беседы соответствующая фраза Шееля отсутствует. См.: AzAR. 1970. Bd. 2. Dok. 340. S. 1278.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 56. Д. 4. Лл. 38-39.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 58. Д. 15. Лл. 3-5.

были и те, что касались германской национальной проблемы. Утверждалось, в частности, что неупоминание её в тексте договора свидетельствует не только о желании СССР увековечить раскол Германии, но и о готовности социал-либеральной коалиции смириться с этим расколом, совершая таким образом акт национальной измены. С другой стороны, некоторые представители правительства ФРГ по-своему трактовали достигнутый компромисс, представляя дело так, что договор не внёс ничего нового в германский вопрос, и оно вправе продолжать прежний курс на единоличное представительство всех немцев и на изоляцию ГДР.

Что касается последней позиции, она была также далеко не последовательной. В официальном заявлении Совета министров ГДР Московский договор, разумеется, получил самую высокую оценку, но в нём исподволь фигурировала якобы логически вытекающая из него идея «два государства — два народа»¹⁸; с другой стороны, в закрытых аналитических документах проводилась мысль, что СССР не только принял к сведению «Письмо о германском единстве», но и по существу солидаризировался с ним¹⁹. Такой сложный расклад идейно-политических «фронтов» предъявлял крайне высокие требования к советской дипломатии. С этой задачей она справилась, проявляя разумное сочетание принципиальной твёрдости и необходимой гибкости. Эти качества, в частности, ярко проявились в состоявшейся 13 декабря 1971 г. беседе с прибывшим с визитом в СССР руководителем оппозиционного блока ХДС/ХСС Р. Барцелем, которую провёл глава советской дипломатии А.А. Громыко. Приведём несколько его высказываний из советской записи беседы: «Г-н Барцель затронул здесь вопрос об объединении и интересовался, почему письмо федерального правительства по этому вопросу не стало составной частью договора между СССР и ФРГ. Наш ответ на этот вопрос прост. Если бы стоял вопрос о включении этого письма в договор или любого положения об объединении, то не было бы договора. Это осознали обе стороны... У нас нет ни одного официального документа, где бы говорилось, что надежды на мирное объединение или выражение мнения на этот счет будут истолковываться как агрессия в смысле Устава ООН. Другое дело, если кто-либо вынашивал бы планы поглощения ГДР, нарушения её границ. На этот счёт мы делали всякие предупреждения... Что же касается объединения, то эта тема, как уже говорилось, вовсе не затронута договором. Мы полагаем, что вы должны были бы оценить уже тот факт, что мы ни в ходе переговоров, ни в связи с подписания договора не настаивали на фиксации в нём в негативном аспекте этой темы»²⁰.

Позиция СССР в отношении немецкой национальной проблемы была таким образом изложена с предельной ясностью: нет никакого запрета ни на её

¹⁸ Neues Deutschland. 15. August 1970.

¹⁹ DzD. VI. Reihe/Bd 1. Dok. 86. S. 309.

²⁰ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 16. П. 60. Д. 3. Лл. 48-51.

обсуждение, ни на её возможное позитивное решение, недопустимы лишь попытки монопольного определения его условий одной стороной при игнорировании другой. Между тем даже после заключения Московского договора в деятельности официальных представителей ФРГ продолжала проявляться претензия на единоличное представительство всех немцев²¹, так что отметить недопустимость такого подхода было далеко не лишним. Это принесло свои плоды: посол ФРГ в СССР удостоился достаточно резкой оценки со стороны своего министра²² и был вскоре отозван, а спекуляции в связи с пресловутым «письмом» постепенно сошли на нет.

Впрочем, противники разрядки не сдавались, и последняя «битва» по поводу этого документа разыгралась уже после ратификации Московского договора, когда встал вопрос об обмене ратификационными грамотами – последнем завершающим актом перед вступлением договора в силу. Как выяснилось, западногерманская сторона намеревалась приложить текст всё того же «письма» к своей ратификационной грамоте, которая должна была быть вручена советскому послу. Получив от последнего эту информацию, министр выступил с экстренным обращением в ЦК КПСС: «необходимо настаивать на снятии этой ссылки, поскольку речь идёт об одностороннем документе западногерманской стороны». Поскольку в МИД ФРГ настаивали на своём плане, Громыко выступил с предложением обратиться по этому поводу лично к канцлеру В. Брандту, указав, что в случае игнорирования советского пожелания будут поставлены под вопрос не только обмен ратификационными грамотами, но и подписание заключительного протокола четырёхстороннего соглашения по Западному Берлину, в чем особенно была заинтересована немецкая сторона. Далее события разворачивались следующим образом: «После нашего обращения к В. Брандту западногерманская сторона сообщила, что она готова ограничиться в ратификационной грамоте лишь ссылкой на закон ФРГ о ратификации договора и не будет упоминать в ней письма В. Шееля. При таком варианте правительство ФРГ ожидает, что совпосол устно заявит о том, что ратификационный закон ФРГ известен Советской стороне. Учитывая, что в ратификационном законе бундестага кроме самого договора между СССР и ФРГ одобряется также письмо Шееля и обмен нотами между ФРГ и тремя западными державами по вопросам мирного урегулирования и прав четырёх держав, нам необходимо обезопасить себя от такой трактовки, будто советская сторона косвенно одобряет акты и документы ФРГ, к которым Советский Союз не имеет отношения. Эта задача может быть решена внесением в текст советской ратификационной грамоты следующего

²¹ В ходе беседы со статс-секретарём МИД ФРГ Франком 28 февраля 1972 г. советский посол в Бонне В.М. Фалин привёл многочисленные факты такого рода, включая практику посольства ФРГ в СССР рассылать письма в советские учреждения от лица «Германского посольства» и даже отвечать «Германское посольство слушает...» на телефонные звонки. См. См. AzAP. 1972. Bd. 1. Dok. 44. S. 199-209.

²² По поводу одной из депеш этого дипломата Шеель отозвался весьма недипломатичным образом. См.: См. AzAP. 1972. Bd. 1. Dok. 67. S. 306-307.

дополнительного положения: «Никакой упоминаемый в ратификационной грамоте другой стороны или прилагаемый к этой грамоте документ в той части, в какой он имеет односторонний характер и к которой Советский Союз непричастен, не меняет объёма прав и обязательств сторон по договору и не имеет обязывающей силы для Союза Советских Социалистических Республик». В качестве крайней запасной позиции предусмотреть следующее: советскую грамоту передать в обычной форме без указанного дополнения. Однако при обмене ратификационными грамотами совпосол сделает официальное заявление, по своему содержанию аналогичное этому дополнению, а также отметит, что ратификационный закон известен советской стороне».

Эта сложная процедура (подкреплённая, кстати, ссылкой на имевшийся прецедент) не понадобилась: в итоге конфликт был урегулирован благодаря тому, как отмечал А.А. Громыко, что «западногерманская сторона пошла навстречу нам относительно содержания своей ратификационной грамоты Договора... В новом варианте западногерманской ратификационной грамоты не содержится ссылок на письмо В. Шееля и другие односторонние акты или документы ФРГ, и их текст не прилагается к грамоте. МИД СССР считает приемлемой ратификационную грамоту ФРГ в её новой редакции»²³.

Обмен ратификационными грамотами Московского договора и подписание заключительного протокола четырёхстороннего соглашения по Западному Берлину прошли, как и планировалось, 3 июня 1972 г. Оба документа вступили, таким образом, в силу. Дорога к дальнейшему позитивному развитию советско-западногерманских отношений была открыта, что в конечном счёте сделало возможным и решение национальной проблемы немцев.

Как уже отмечалось выше, характер достигнутого при заключении Московского договора компромисса вызывал и вызывает различные толкования. Приведём и прокомментируем лишь два примера соответствующих высказываний: «С советской стороны не хотели соглашаться на фиксацию точки зрения Бонна относительно будущего немецкого единства. Эгон Бар и его сотрудник Занне предприняли шаги в том направлении, чтобы устранить эту проблему путём передачи Письма о немецком единстве в особом порядке. Ситуация разрядилась. 11 августа 1970 года Брандт прервал свой отдых в Норвегии и прилетел в Москву, где был принят с большими почестями. 12 августа 1970 г. он и советский премьер-министр Косыгин подписали в Екатерининском зале Кремля Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией. В это же время уполномоченный сотрудник западногерманского посольства передал Письмо о немецком единстве секретарю советского Министерства иностранных дел («оставил у вахтёра», как потом острили по этому поводу). Косыгин два года замалчивал факт наличия этого письма и

²³ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 17. П. 65. Д. 17. Лл. 127-136. Первое обращение А.А. Громыко в ЦК КПСС по данному поводу датировано 27 мая, последнее – 2 июня 1972 г.

заявил об этом уже на заседании Верховного совета в ходе процедуры ратификации (договора)» (Uschner 1991: 86-87).

И второе, более лаконичное: «Право немцев на восстановление их единства официально не фигурировало в договорных документах. Однако немецкая претензия на воссоединение достаточным образом фиксировалась в «Письме о германском единстве», которое Советский Союз формально принял к сведению в качестве побочной договорённости (*Nebenabsprache*)» (Creuzberger 2009: 113-114).

В обоих случаях имеют место некоторые неточности. Упомянутый документ действительно был передан в МИД СССР, естественно, не «вахтёру», но и не «секретарю», а в закрытом конверте сотруднице экспедиции, которая зарегистрировала его в числе обычной входящей корреспонденции. Пока не шла речь о ратификации Московского договора, не было никакой необходимости придавать гласности заявление правительства ФРГ, к которому советская сторона не имела никакого отношения. Когда же начался процесс ратификации, то текст письма, по настоятельной просьбе западногерманской стороны, был роздан депутатам, и они с ним ознакомились. Заметим, наконец, что с докладом о договоре выступил не А.Н. Косыгин, а А.А. Громыко. В опубликованном отчёте об обсуждении вопроса о ратификации договора с ФРГ на совместном заседании комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР было отмечено: министр «информировал затем о письме Министерства иностранных дел ФРГ, полученном советской стороной в день подписания договора — 12 августа 1970 г., в котором излагаются взгляды западногерманской стороны по вопросам самоопределения. Депутаты ознакомились с текстом письма»²⁴. Можно согласиться, что советская сторона действительно приняла к сведению данное Письмо, но именно как одностороннее выражение точки зрения правительства ФРГ, никоим образом не в виде двусторонней «побочной договорённости». Кстати, заметим, первый из цитируемых нами авторов ни о какой «договорённости» и не говорит! С другой стороны, весьма сомнителен его исходный тезис о том, что советская сторона выступала против того, чтобы ФРГ зафиксировала свою точку зрения по вопросу единства германской нации. Выше уже приводились высказывания А.А. Громыко, опровергающие этот тезис.

Из документа более позднего периода приведём высказывание, отражающее мнение рядового сотрудника МИДа по поводу одного из завершающих событий в процессе нормализации обстановки в центре Европы: «Ещё один из вопросов, который возникает при оценке последствий приёма ГДР и ФРГ в ООН, состоит в том, не увековечивает ли факт приёма этих государств в ООН раздел Германии на две самостоятельные части. Кстати, этот вывод всё чаще встречается на страницах буржуазной прессы. Однако, представляется, что приём двух германских государств в ООН несколько не препятствует усилиям этих стран

²⁴ См.: В интересах мира и сотрудничества. *Известия*. Московский вечерний выпуск 12.04.1972. С. 3.

по объединению и воссоединению Германии на мирной демократической основе. И в будущем, если развитие отношений между ними пойдёт именно по этому пути, вопрос о представительстве единой Германии мог бы быть решён на основе уже имеющихся в практике ООН прецедентов (например, при образовании Объединённой Арабской Республики и др.)»²⁵.

Рисовать такую перспективу в обстановке 70-х и даже 80-х годов граничило с фантастикой и требовало, вероятно, определённой смелости. Тем не менее, характерно, что документ, содержащий столь «еретические» для своего времени мысли, был без комментария направлен руководством Представительства СССР в ООН в центральный аппарат МИД СССР. Очевидно, что в советском внешнеполитическом аппарате было достаточно сильно распространено мнение, что политика разрядки, воплощением которой стали «новая восточная политика» и «восточные договоры» ФРГ, отнюдь не исключала будущего объединения двух германских государств, а напротив, создавала базу для такого решения германского вопроса. История подтвердила правильность этой точки зрения.

Об авторе:

Алексей Митрофанович Филитов – д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета. 119334 Россия, Москва, Ленинский пр., 32 а.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: November 15, 2019
Accepted: December 10, 2019

Treaty of Moscow between USSR and Federal Republic of Germany and the «Letter of the German Unity»: from Conflict to Compromise

A.M. Filitov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-46-60

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

²⁵ См.: «Некоторые политические и юридические последствия приёма Германской Демократической Республики в члены Организации Объединённых Наций». *АВП РФ*. Ф. 0742. Оп. 18. П. 116. Д. 22. Лл. 68-74. Данную «краткую справку, подготовленную первым секретарём Представительства тов. Фёдоровым В.Н.», заместитель Постоянного представителя СССР при ООН В.С. Сафрончук направил заведующему Договорно-правовым Отделом МИД СССР О.Н. Хлестову 23 июля 1973 г.

Abstract: The article considers the course and results of the Soviet-West German negotiations that led to the conclusion of the Moscow Agreement of August 12, 1970, which became an important factor in defusing international tensions on the European continent. Special attention is paid to the problem of the genesis of the so-called "Letter on German unity", the adoption of which the Soviet side stubbornly insisted on the representatives of Germany. The article reveals the flexible tactics of the Soviet delegation, which was headed by the Minister of foreign Affairs of the USSR A.A. Gromyko: taking into account, in particular, the position of the GDR, the diplomats opposed the inclusion in the text of the Agreement of any provisions relating to the unification of Germany, but left open the prospect of such unification in the future. Some realism and willingness to compromise showed and West German negotiators, among whom special credit belongs to the personal emissary of Chancellor Brandt E. Bahr. On the basis of these compromises, a common position of the parties on the conclusion and subsequent ratification of the Moscow Agreement was worked out. The article pays due attention to the "US factor" in Soviet-West German relations. Formally declaring a positive attitude to the "new Eastern policy" of Germany, in fact the American side tried to compromise it in every possible way and complicate the process of preparing the Moscow Agreement. There is also some inconsistency in the German diplomacy in departing from previous political dogmas, primarily from the claims to the sole representation of all Germans. The main conclusion of the article is that as a result of the complex and sometimes conflicting Soviet-West German negotiation process, its participants managed to overcome the real contradiction between the principle of inviolability of borders and the right to national self-determination. In the current international situation, when this contradiction is artificially aggravated by the supporters of confrontation, the experience gained in the development and coordination of the provisions of the Moscow Agreement is of actual practical importance. The work is written on the basis of previously not entered into scientific circulation of primary sources from the Archive of foreign policy of the Russian Federation, as well as published West German documents.

Key words: Moscow Agreement, Letter on German unity, Moscow Bar mission, A.A. Gromyko, V. Brandt, V. Scheel.

About the author:

Alexey M. Filitov – Doctor of History, Chief Research Associate, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Professor in Russian State University for Humanities (RGGU), 119334, Moscow, Russia, Leninski Prospekt 32 a.

Conflict of Interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Creuzberger St. 2009. *Westintegration und Neue Ostpolitik. Die Aussenpolitik der Bonner Republik*. Berlin-Brandenburg. 192 S.
- Dannenberg, J. von. 2008. *The Foundations of Ostpolitik. The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR*. Oxford. 320 p.
- Lippert, W.D. 2011. *The Economic Diplomacy of Ostpolitik: Origins of NATO's Energy Dilemma*. New York/Oxford. 260 p.
- Link W. 2001. Die Entstehung des Moskauer Vertrages im Lichte neuer Archivalien. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2. Hf. S. 295-315.
- Fink, C., Schaefer B. (eds.) 2009. *Ostpolitik, 1969-1974. European and Global Responses*. Cambridge (Mass.). 289 p.

Niedhardt G. 2014. *Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975*. München. 131 S.

Uschner M. 1991. *Die Ostpolitik der SPD – Sieg und Niederlage einer Strategie*. Berlin. 232 S.

Faulenbach B., Filitov A. 2015. *Moskovskiy dogovor 1970 g. / Rossiya – Germaniya. Vekhi sovместnoy istorii v kollektivnoy pamyati*. Pod red. A.O. Cubar'jana, H. Möllera, V.V. Ishchenko, H. Altrichtera [Moscow Treaty 1970 / Russia – Germany. Milestones of Shared History in Collective Memory]. Moscow. P. 293-304 (In Russian).

Filitov A.M. 2015. Треугольник Москва – Вашингтон – Бонн в конце 60-х – начале 70-х гг. XX века [Triangle Moscow – Washington – Bonn in the late 60's – early 70's. 80 century]. *Voprosy istorii*. N.12. P. 98–113 (In Russian).

Filitov A.M. 2017. СССР и «новaya vostochnaya politika» FRG [The USSR and FRG's "New Ost-Politik"]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 3(54). P. 123-140. (In Russian).

Maksimychев I.F. 2014. *Rossia – Germaniia. Voina i mir. Ot mirovykh voyn k evropeiskoi bezopasnosti* [Russia – Germany. War and Peace. From World Wars to European Security]. Moscow: Knizhnyi mir Publ. 512 p. (In Russian).

Pavlov N.V. 2006. *Istoriya sovremennoy Germanii* [History of Modern Germany]. Moscow. 512 p. (In Russian).

Литература на русском языке:

Максимычев И.Ф. 2014. Россия – Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. Москва.

Павлов Н.В. 2006. *История современной Германии*. Москва. 512 с.

Фауленбах Б., Филитов А. 2015. Московский договор 1970 г. Россия – Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти. Под ред. А.О. Чубарьяна, Х. Мёллера, В.В. Ищенко, Х. Альтрихтера. Москва. с. 293-304.

Филитов А. 2015. Треугольник Москва – Вашингтон – Бонн в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. *Вопросы истории*. № 12. С.98-113

Филитов А.М. 2017. СССР и «Новая восточная политика» ФРГ. *Вестник МГИМО-Университета*. 3(54). С. 123-140. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-123-140

Филитов А.М. 2017. Треугольник Москва – Берлин – Бонн и политика европейской разрядки в 1969-1970 гг. *Вопросы истории*. №1. С. 83-96

«Китайский шок Никсона» в зеркале японской внутренней политики

В.В. Нелидов

Институт востоковедения РАН

«Китайский шок Никсона» (заявление президента США Р. Никсона от 15 июля 1971 г. о состоявшейся поездке в КНР его помощника по национальной безопасности Г. Киссинджера и скором визите туда самого американского президента) стал одним из переломных моментов в истории внешней политики Японии и способствовал переходу Токио к более независимому от Вашингтона курсу на международной арене. На примере реакции Японии на это событие в статье раскрываются характерные особенности процесса принятия внешнеполитических решений в послевоенной Японии и демонстрируется их влияние на японскую внешнюю политику периода «системы 1955 года» (продолжительный период непрерывного пребывания у власти консервативной Либерально-демократической партии в 1955-1993 гг.). Показана децентрализованность внешнеполитического процесса, выражавшаяся в ограниченности полномочий премьер-министра по выработке внешнеполитического курса, наличии существенных внутриведомственных противоречий в МИД Японии, фракционности правящей партии и высокой степени зависимости политического курса от общественного мнения. Автор утверждает, что эти особенности принятия внешнеполитических решений во многом предопределили реакцию японского правительства на «китайский шок Никсона». Учитывая историческую значимость «системы 1955 года» для современной японской политики, выводы статьи представляют интерес для понимания логики внешней и внутренней политики Японии всего послевоенного периода.

Ключевые слова: Япония, внешнеполитический процесс, «шок Никсона», нормализация японо-китайских отношений, японо-американские отношения, Либерально-демократическая партия Японии.

Значимость «шока Никсона» для внешней политики Японии

Японская внешняя политика послевоенного периода зачастую оценивается как пассивная: Токио, как правило, реагировал на уже сложившуюся ситуацию, не проявляя собственной инициативы и не действуя на

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 28.03.2019 г.

Принята к публикации: 10.10.2019 г.

опережение. Однако если в первые десятилетия холодной войны Япония, действительно, почти во всех ситуациях следовала в фарватере курса США², то к 1970-1980-м гг. в её дипломатии наметилась готовность к более активному отстаиванию своих интересов. Важным рубежом в этом процессе трансформации внешней политики японского государства оказались события 1971-1972 гг., сопровождавшие установление дипломатических отношений между Японией и Китайской Народной Республикой.

15 июля 1971 г. президент США Ричард Никсон в телеобращении сообщил о недавно состоявшейся поездке в Пекин советника по национальной безопасности Генри Киссинджера и о предстоящем в скором времени собственном визите в КНР. На тот момент законным представителем всего Китая США признавали гоминьдановское правительство на Тайване и не поддерживали дипломатических отношений с Пекином. То, что США стали на путь нормализации отношений с Китайской Народной Республикой, оказалось неожиданностью и для всего мирового сообщества, и для Японии, вследствие чего заявление американского президента осталось в истории как «китайский шок Никсона».

Из всех стран-союзниц США самое глубокое и долговременное влияние этот «шок» оказал на Японию, главного стратегического партнёра США в Восточной Азии. То обстоятельство, что американская администрация не сочла необходимым заранее оповестить Токио, вызвало в японской столице возмущение и обиду³. Реакцией японского руководства стали инициативы по налаживанию контактов с Пекином, увенчавшиеся в 1972 г. установлением дипломатических отношений Японии с КНР (дипломатические отношения между США и КНР были установлены лишь с 1979 г.).

В долгосрочной перспективе «шок Никсона» стал одной из причин качественного изменения внешнеполитического курса Японии. Сохранив ориентацию на японо-американский военно-политический союз, Токио обратился к «многосторонней дипломатии», подразумевающей большую самостоятельность и отступление от безусловного следования за США во всех международных вопросах. Наглядными примерами этого могут послужить и установление Токио в начале 1970-х гг. дипломатических отношений со странами социалистического лагеря – МНР, ГДР, СРВ (причём с Социалистической Республикой Вьетнам отношения были нормализованы уже в 1973 г., практически сразу же после вывода американских войск из Вьетнама), и сохранение дипломатических отношений Токио и Тегерана после исламской революции в Иране в 1979 г.

¹ Эту особенность японской политики видный американский политолог Кент Калдер назвал феноменом «реактивного государства» (Calder 1988: 518).

² Существенным исключением можно считать нормализацию советско-японских отношений в 1956 г., осуществлённую, несмотря на противодействие со стороны Вашингтона.

³ «Шоком Никсона» называют также заявление Никсона от 15 августа 1971 г. об отмене золотого стандарта доллара и введении десятипроцентной пошлины на импорт японских товаров. Иногда оба заявления фигурируют в литературе как «шоки Никсона». В настоящей работе под «шоком Никсона» понимается заявление от 15 июля 1971 г.

Методология

Реакция официального Токио на «шок Никсона» ставит перед исследователем ряд вопросов. Почему Япония не предприняла конкретных действий по официальным каналам для нормализации отношений с Китаем до июля 1971 г.? Почему она не сумела предугадать американо-китайское сближение? И, несмотря на это, почему в установлении дипломатических отношений с Пекином японская дипломатия опередила американскую? Получить убедительные ответы на эти вопросы в рамках реалистического и неореалистического подходов теории международных отношений, при трактовке государств как взаимодействующих с международной средой однотипных субъектов со сходной мотивацией, не представляется возможным. В научный анализ необходимо ввести внутреннюю мотивацию внешней политики, которая определяется спецификой функционирования политической системы государства в целом и внешнеполитического процесса (то есть процесса принятия внешнеполитических решений) в частности. Именно такая задача – изучение внешней политики с учётом, в том числе, и факторов, характеризующих существующую внутри государства структуру принятия внешнеполитических решений – ставится в рамках «неоклассического реализма», оформившегося в качестве отдельного направления в конце 1990-х гг. (Rose 1998), и настоящая статья стремится внести свой вклад в решение этой задачи.

Подобные факторы особенно важны применительно к Японии эпохи «системы 1955 года», то есть периода длительного непрерывного пребывания у власти консервативной Либерально-демократической партии (ЛДП) в 1955-1993 гг. При наличии множества внутрипартийных фракций и сильной оппозиции, с учётом особой роли бюрократии, влияния на политический процесс СМИ и общественного мнения даже сильные премьер-министры не могли принимать важные решения единолично и подчас сталкивались с более серьёзным сопротивлением своим инициативам, чем это было в других демократических странах – ситуация, во многом сохраняющаяся и в постбиполярный период⁴.

При наличии значительного количества публикаций, посвящённых внешней политике послевоенной Японии (см. напр. Кистанов 1995; Cooney 2007; Hook et oth. 2005; Togo 2010, Курияма 2016), в советской и российской историографии нет специальных исследований, в которых бы на конкретных примерах рассматривалось влияние внутривнутриполитических факторов на принятие внешнеполитических решений в Японии в период «системы 1955 года». Работы по данной теме зарубежных авторов зачастую носят описательный характер (см. напр. Yoshii 2008, Сёдзи 2011). Между тем в последние годы растёт интерес к сопряжённым с предметом анализа данной статьи проблемам концептуали-

⁴ Общий обзор дискуссии относительно специфики принятия внешнеполитических решений в Японии на современном этапе см. в (Pugliese 2017: 1-3).

зации внешнеполитического процесса современной Японии (см. напр. Внешнеполитический процесс... 2011; Стрельцов 2010; Hagan et oth. 2001; Pugliese 2017) и функционирования политической «системы 1955 года» в целом (см. напр. Стрельцов 2016; Campbell, Scheiner 2008).

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить характерные черты внешнеполитического процесса в Японии на примере конкретного кейса – последствий «китайского шока Никсона» – и показать влияние этих особенностей на процесс принятия внешнеполитических решений. Для достижения этой цели автор рассмотрел взаимодействие различных игроков японской политической арены (премьер-министра и правительства, правящей ЛДП и оппозиционных партий, Министерства иностранных дел, средств массовой информации, бизнеса) и проанализировал их вклад в формирование внешнеполитического курса японского государства.

Внутриполитические аспекты японо-китайских отношений до «китайского шока Никсона»

Вопрос о возможности и желательности нормализации отношений с КНР поднимался в японских политических кругах задолго до того, как новость о американо-китайском сближении стала достоянием общественности в июле 1971 г., а симпатии к коммунистическому Китаю разделяли политики разных политических ориентаций. К примеру, известный своими антикоммунистическими взглядами Ёсида Сигэру⁵ ещё в 1951 г. в беседах с выполнявшим роль главного переговорщика американской стороны при подготовке текста будущего Сан-Францисского мирного договора Джоном Фостером Даллесом утверждал, что американская политика сдерживания Китая неверна, потому что союз СССР и КНР окажется недолговечным, и что Япония может помочь «увести» Китай от коммунистической идеологии. Американский политолог Чалмерс Джонсон полагает, что «письмо Ёсиды» от 24 декабря 1951 г.⁶, в котором японский премьер подтверждает, что Япония признаёт тайваньское, но не пекинское правительство, могло быть составлено Даллесом, а С. Ёсида лишь подписал его.

На протяжении двух последующих десятилетий сторонниками нормализации отношений с Китаем были многие консервативные политики «школы Ёсиды», включая премьер-министров Икэда Хаято, Сато Эйсаку и Танака Какуэй (Johnson 1986: 403-404), хотя в большинстве случаев они не делали это центральной частью своей политической программы, чтобы не провоцировать

⁵ Ёсида Сигэру – один из влиятельных лидеров консервативного лагеря, премьер-министр Японии в 1946-1947 гг. и в 1948-1954 гг. Здесь и далее японские личные имена в полном варианте приводятся так, как это принято в японском языке: сначала фамилия, потом имя. При сокращённом написании инициал имени ставится перед фамилией (Ёсида Сигэру, но С. Ёсида). Японские личные имена не склоняются.

⁶ Yoshida's Letter to Dulles. Text of Letter from Prime Minister Shigeru Yoshida to Ambassador John Foster Dulles, dated December 24, 1951, released to press January 16, 1952. 1952. *Far Eastern Survey*. 21(4). P. 38-39.

сопротивления со стороны своих протайваньски настроенных однопартийцев. Большинство консервативных деятелей, поддерживая ориентацию Японии на союз с США, выступали за сохранение статус-кво (дипломатические отношения с гоминьдановским правительством без признания Китайской Народной Республики).

В рядах ведущих оппозиционных партий левого лагеря – Социалистической (СПЯ) и Коммунистической (КПЯ) партий Японии – также не было единства по вопросу об отношениях между Японией и КНР⁷. В СПЯ фракция Сасаки Кодзо поддержала «культурную революцию» вплоть до признания ценности её уроков для своей борьбы. Такую позицию леворадикального крыла партии осудила структурно-реформистская фракция Эда Сабуро, в связи с чем китайская сторона обвинила представителей правого крыла СПЯ в «сговоре с империализмом и современным ревизионизмом» (Lee 1970: 230-232).

КПЯ со второй половины 1960-х гг. находилась в состоянии острого конфликта с Коммунистической партией Китая: КПЯ обвиняла Мао Цзэдуна во враждебном марксизму-ленинизму догматизме и великодержавном шовинизме, а китайская сторона клеймила КПЯ как отступников, ревизионистов, приспешников японской и американской реакции. Конфликт не ограничился риторикой: КНР изъяла компании, связанные с КПЯ, из списка «дружественных фирм», через которые осуществлялась ограниченная торговля с Японией, что нанесло финансовый урон японской компартии. КПЯ исключила из своих рядов тех, кто был настроен благожелательно по отношению к Пекину, в т.ч. нескольких видных членов Центрального комитета. В 1967 г. конфликт накалился до такой степени, что в пекинском аэропорту хунвэйбины избили членов делегации КПЯ. КПК пыталась внести раскол в ряды КПЯ, поддерживая существовавшие в Японии немногочисленные маоистские партии – КПЯ (Левую) и Японскую рабочую партию. Отношения между КПЯ и КПК были восстановлены лишь в 1998 г. (Berton 2004: 362-365).

В этих условиях энергичнее левых партий за сближение с коммунистическим Китаем выступали журналисты, учёные и иные общественные деятели «прогрессивного» лагеря (среди них можно назвать литературного критика Накадзима Кэндзо, писателя Хотта Ёсиэ, политолога Намбара Сигэру), зачастую апеллируя к вине Японии за совершённые против Китая военные преступления. К тому же большинство левых интеллектуалов резко негативно относились к американскому военному присутствию, так что антиамериканская риторика Пекина встречала у них понимание (Ogata 1965: 392-393).

⁷ Некоторые партийные лидеры определённо заявляли об идеологической близости с китайскими товарищами. В частности, председатель СПЯ Асанума Инэдзиро во время визита в Пекин весной 1959 г. заявил, что «американский империализм – общий враг Японии и Китая». См. Фудзияма А. Сэйдзи вага мити. 1976. *Мой путь в политике*. Токио: Асахи симбунсэ. С. 175-176.

Развитию двусторонних связей во многом способствовала торговля. В рамках концепции «сэйкэй бунри» («отделение политики от экономики») в 1962 г. страны заключили торговое «соглашение Ляо – Такасаки»⁸, и уже в 1964 г. товарооборот Японии с материковым Китаем превысил объём торговли с Тайванем (Mendel 1972: 26), а в 1965 г. Япония сменила СССР в качестве ведущего торгового партнёра КНР (Johnson 1986: 406). Как уже упомянуто, торговля велась через «дружественные фирмы» – как правило, небольшие компании, заручившиеся рекомендацией организаций, имевших контакты с пекинскими властями (Ogata 1988: 12).

Усилению пропекинских тенденций в общественном мнении Японии способствовала также целенаправленная политика самих властей КНР. Ещё в 1964 г. основные японские газеты заключили с Пекином соглашение об обмене корреспондентами. Однако в связи с последовавшими требованиями китайской стороны к манере освещения событий к 1970 г. в КНР остались только корреспонденты леволиберальной газеты «Асахи», чьи репортажи, по выражению американского политолога К. Калдера, «были неотличимы от официальных китайских СМИ» (Johnson 1986: 409-410).

Отношение японского общества к Китаю в годы, предшествовавшие «китайскому шоку Никсона», было противоречивым. С одной стороны, коммунистический Китай воспринимался как потенциальная угроза. Сохранялось укоренившееся с конца XIX – начала XX вв. пренебрежительное отношение к отсталому по сравнению со стремительно модернизированной Японией Китаю. С другой стороны, были распространены и симпатии, обусловленные исторической, географической и культурной близостью двух стран (о чём свидетельствует японское выражение «одна письменность, одна раса») (Ogata 1965: 390-391).

Прокитайские настроения в японском обществе прослеживаются в итогах опросов общественного мнения. Так, в ходе опроса, проведённого в феврале 1970 г., 44% респондентов высказались за признание КНР, 20% предпочитали бы сохранять статус-кво (признавать законным представителем всего Китая тайваньское правительство), и 37% затруднились ответить. При этом в первой группе респондентов 78% (34% от общего числа участников опроса) считали, что отношения с правительством Гоминьдана следует сохранить, и лишь 6% (менее 3% от общего числа ответивших) допускали разрыв дипотношений с Тайванем (Mendel 1972: 26).

Симпатии к КНР открыто выражали не только прогрессивно настроенные политики, общественные организации и СМИ, но и некоторые члены консервативного лагеря – в немалой степени потому, что нормализация отношений

⁸ Названо по именам Ляо Чэньчжи, высокопоставленного деятеля КПК и председателя Комитета солидарности со странами Азии и Африки, и Такасаки Тацуносукэ, видного деятеля правящей в Японии ЛДП. Ляо Чэньчжи и Т. Такасаки возглавляли делегации сторон на переговорах, по итогам которых было заключено указанное соглашение.

с Пекином способствовала бы ослаблению зависимости Токио от Вашингтона. Характерно, что в общественных дискуссиях торговлю с Китаем называли «независимая торговля», а связи с Китаем – «независимой дипломатией» (Ogata 1965: 397). К «пропекинскому лобби» правящей партии относились видные консервативные политики Исибаси Тандзан, Такасаки Тацуносукэ, Мацумура Кэндзо, Фуруи Ёсими, Тагава Сэйити, Фудзияма Айитиро. Последний, будучи министром иностранных дел в 1957–1960 гг., когда главным вопросом внешнеполитической повестки Японии было заключение нового Договора безопасности с Соединёнными Штатами, предпринимал и усилия по налаживанию японо-китайских экономических связей (Johnson 1986: 405-406; Ogata 1988: 12). Организационно «пропекинские» силы ЛДП были оформлены как Исследовательский совет по вопросам Азии и Африки (основан 28 января 1965 г.). Более того, 9 декабря 1970 г. усилиями А. Фудзиямы на базе Лиги депутатов парламента за развитие японо-китайской торговли была образована межпартийная Лига депутатов парламента за восстановление отношений с Китаем.

Таким образом, к началу 1970-х гг. в парламенте укрепились силы, выступавшие за нормализацию отношений с КНР по всему спектру. При этом «пропекинское лобби» ЛДП, заинтересованное в развитии торговли с КНР, поддерживало тесные связи с предпринимательским сообществом. Так, выходцами из деловых кругов были Т. Такасаки, в военные годы занимавший пост председателя Компании развития тяжёлой промышленности Маньчжурии и А. Фудзияма, в 1961-1962 и 1965-1966 гг. – глава Агентства экономического планирования.

Премьер-министр Сато Эйсаку, возглавлявший правительство Японии в 1964-1972 гг., отдавал себе отчёт в том, что нормализация отношений с Пекином – вопрос времени. 22 января 1971 г. он впервые использовал официальное название «Китайская Народная Республика», заявив в парламенте, что нормализация двусторонних отношений стоит в повестке дня. Кроме того, он одобрил создание экспертной Группы по изучению международных отношений, которая занялась выработкой нового курса по отношению к Китаю (Johnson 1986: 411-412).

Тем не менее, до июля 1971 г. правительство Японии занимало выжидательную позицию. Свою роль играли и нежелание действовать независимо от Вашингтона, и позиция американского руководства, почти ничем не выдававшего своего намерения пойти на сближение с Пекином. В такой скрытности можно усматривать проявление свойственной Р. Никсону манеры принимать ключевые внешнеполитические решения непосредственно в Белом доме. Но нельзя исключать, что американская администрация намеренно оставила Токио в неведении, либо в «наказание» за невыполненное обещание сократить экспорт в США японского текстиля (Ноеу 2015: 148), либо из нежелания допустить утечку информации (Yoshii 2008: 137).

Тем не менее, некоторые признаки возможных перемен в подходе США к отношениям с КНР прослеживались и до июля 1971 г. Так, в октябре 1967 г. в журнале *Foreign Affairs* Р. Никсон, тогда ещё будущий президент Соединённых

Штатов, писал: «... в долгосрочной перспективе мы просто не можем позволить себе навсегда оставить Китай за пределами семьи наций»⁹. В своей инаугурационной речи 20 января 1969 г. Никсон заявил: «Пусть все нации знают, что при этой администрации наши каналы связи будут открыты»¹⁰. В июле-августе 1969 г. американский президент говорил о намерении установить контакты с Пекином с лидерами Пакистана и Румынии, а 8 августа 1969 г. госсекретарь У. Роджерс заявил о намерении США улучшить отношения с Китаем в своей речи в Национальном пресс-клубе в Канберре (Ogata 1988: 21-22).

В японском внешнеполитическом ведомстве существовали разногласия по вопросу о политике Японии в отношении КНР. Отдел Китая азиатского департамента министерства уже во второй половине 1960-х гг. фиксировал признаки возможных перемен в американской внешней политике и выступал за налаживание отношений с Пекином на фоне укрепления экономических связей с Тайванем. В подготовленной в январе 1971 г. докладной записке этот отдел рекомендовал принять меры по налаживанию конфиденциальных контактов между Токио и Пекином, оповещая об этих контактах Вашингтон. В ответ на это департамент Америки подготовил свой документ, в котором подчёркивалось, что конкретных признаков потепления китайско-американских отношений не просматривается. В итоге поддержку руководства МИД получила именно позиция департамента Америки, разделявшаяся также департаментами ООН и информации и культуры, а предложения китайского отдела были проигнорированы (Ноеу 2015: 140-142).

Подобной негибкости японской дипломатии способствовало то, что внешнеполитическое ведомство и не ставило перед собой задачи детально изучать внешнюю политику американских союзников, выявляя перемены в позиции по КНР. По воспоминаниям японского дипломата Окадзаки Хисахико, информационный департамент МИД занимался анализом внешней политики «враждебных стран» (КНР и СССР), но не Соединённых Штатов. А занимавший в то время пост секретаря премьера-министра Кусуда Минору позже отмечал, что МИД сосредоточил внимание на проблеме Окинавы в ущерб анализу отношений США со странами Азии (там же: 140-142; 151).

Внутриполитические последствия «шока Никсона»

Американская сторона заранее не оповестила руководство Японии ни о состоявшейся поездке в Китай Г. Киссинджера, ни о грядущем визите в КНР Р. Никсона. Премьер-министр Сато получил эту информацию за несколько ми-

Nixon R. Asia After Viet Nam [Электронный ресурс]. *Foreign Affairs*. 1967, October. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1967-10-01/asia-after-viet-nam> (accessed 04.11.2019).

Nixon R. Inaugural Address. January 20, 1969 [Электронный ресурс]. *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=1941> (accessed 04.11.2019).

нут до телеобращения Никсона, когда в Японии уже наступило утро 16 июля, во время заседания кабинета министров (там же: 147). «Кошмар японских дипломатов» – американо-китайская встреча за спиной у Японии – стал реальностью¹¹. Ситуацию усугубил грянувший месяц спустя, 15 августа 1971 г., второй «шок Никсона» – отмена привязки доллара к золоту и введение 10%-ной пошлины на импортные товары¹², что особенно болезненно отразилось на японской экономике, ориентированной на экспорт товаров в США.

Настроения в японском МИДе описал его сотрудник: «То, что США опередили Японию в открытии контактов с Китаем, вызывало негодование. И народ не принял бы ситуацию, при которой Япония не смогла бы опередить США в достижении нормализации отношений» (Ogata 1988: 37).

Однако в сложившейся ситуации премьер Сато собирался действовать в высшей степени осторожно, чтобы не ставить под удар отношения Токио с Вашингтоном и Тайбэем. Выступая в парламенте 21 июля 1971 г., японский премьер выразил надежду, что Пекин, готовый принять Р. Никсона, примет с визитом и его. Ответа китайских властей не последовало (Yoshii 2008: 133) – наглядное свидетельство того, что Япония была заинтересована в установлении дипломатических отношений с КНР больше, чем КНР – с Японией.

В то же время на японского премьер-министра усилилось давление внутри страны. Значительная часть японского общества настоятельно требовала налаживания отношений с КНР (Johnson 1986: 403), и безынициативность кабинета оборачивалась для правительства Сато потерей доверия избирателей. К скорейшей нормализации отношений с Пекином подталкивала и международная ситуация. После того, как КНР заняла место Тайваня в ООН (согласно принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25.10.1971 резолюции 2758), непризнание КНР означало, что у Японии не было дипломатических отношений с одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Учитывая традиционно важное место, занимаемое этой международной организацией в приоритетах японской внешней политики, такое положение было неприемлемо для руководства страны.

Предварительным условием установления полноценных отношений с КНР было решение вопроса о связях с Тайванем. КНР априорно отвергала вариант, которому отдавали предпочтение большинство японцев – поддержание Токио отношений и с Тайбэем, и с Пекином. Именно из-за тайваньского вопроса даже после «шока Никсона» МИД Японии не мог выработать единой позиции по курсу действий на китайском направлении. Основная часть высокопоставленных

¹¹ Интабю: Кусуда Минору си (Сато: Эйсаку сюсё: сэки хисёкан) [Интервью. Кусуда Минору (личный секретарь премьер-министра Сато Эйсаку)]. 16.11.1995, с. 9. [Электронный ресурс]. *The National Security Archive*. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/japan/kusuda.pdf> (дата обращения: 04.11.2019).

¹² Richard Nixon. Address to the Nation Outlining a New Economic Policy: "The Challenge of Peace." August 15, 1971. [Электронный ресурс]. *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=3115> (accessed 04.11.2019).

дипломатов полагала, что следует действовать осторожно, ввиду отсутствия гарантий, что грядущий визит Никсона в Китай приведёт к нормализации американо-китайских отношений. На активных действиях по налаживанию контактов с Пекином настаивало меньшинство сотрудников МИДа, в первую очередь, из департамента Азии.

Выработке консолидированной политической линии препятствовала также характерная для «системы 1955 года» фракционность японских политических партий, ярко проявлявшаяся в правящей ЛДП. Большинство членов «пропекинского лобби» ЛДП относились к фракциям, стоявшим в оппозиции к премьер-министру, и не всегда были готовы помогать ему установить контакты с КНР. Так, упомянутый выше С. Тагава отказался выступить посредником при организации так и не состоявшейся встречи Э. Сато с Ваном Гуофэном, заместителем директора Общества китайско-японской дружбы, прибывшим в Токио в августе 1971 г. на похороны видного деятеля пропекинского крыла ЛДП Мацумура Кэндзо. С. Тагава полагал, что Киси Нобусукэ, родной брат Э. Сато, занимавший пост премьер-министра в 1957-1960 гг., проводил «открыто антикитайскую политику» и что Э. Сато продолжал его «недружественный курс» в отношении КНР (Ноеу 2015: 153-155).

Самой серьёзной попыткой Э. Сато наладить контакт с Пекином стало так называемое «письмо Хори», отправленное в ноябре 1971 г. от имени генерального секретаря ЛДП Хори Сигэру премьеру Госсовета КНР Чжоу Эньлаю¹³. В Пекин это послание доставил мэр Токио Минобэ Рёкити – левый политик, которого японская пресса окрестила «Минобэндзя», по аналогии с японским чтением фамилии Киссинджера – «Киссэндзя». Миссия Минобэ не увенчалась успехом: Чжоу Эньлай отверг возможность диалога с Э. Сато, отметив при этом свою готовность вести диалог с преемником действующего премьер-министра Японии (Johnson 1986: 412).

Со второй половины 1971 г. интерес к налаживанию связей с Китаем начали проявлять и лидеры ЛДП, прежде державшиеся в стороне от «пропекинского лобби». Первым из партийных деятелей такого уровня приглашение в Китай получил Мики Такэо, глава одной из крупных фракций ЛДП, носившей название «Сэйсаку кэнкю:кай» (в дословном переводе – «Совет по исследованию политики»). За переговоры с КНР в целях заключения мирного договора высказался и известный своими националистическими взглядами Накасонэ Ясухиро, в тот период также возглавлявший одну из фракций и занимавший пост председателя партийного Совета по общим вопросам. Более сдержанную в сравнении с однопартийцами позицию заняли оба наиболее вероятных претендента на место премьер-министра после Э. Сато – Фукуда Такэо и Танака Какуэй. Т. Фукуда избегал опрометчивых высказываний в силу своего статуса министра

¹³ Хори сёкан [Письмо Хори]. 25.10.1971. [Электронный ресурс]. National Graduate Institute for Policy Studies (GRIPS). URL: <http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPOCH/19711025.O1J.html> (accessed 04.11.2019).

и иностранных дел в кабинете Сато и с учётом доминирования протайваньски настроенных политиков в своей фракции. К. Танака возглавлял Министерство международной торговли и промышленности, которое было настроено к КНР позитивнее МИДа, но решительные высказывания в пользу нормализации отношений с КНР могли отнять у него голоса на грядущих выборах председателя партии (Ogata 1988: 46).

Борьба за пост премьер-министра вступила в открытую фазу после того, как 15 мая 1972 г. США вернули Японии Окинаву, а 17 июня 1972 г. Э. Сато заявил об уходе в отставку. От своей первоначальной поддержки Т. Фукуда он отказался (Павленко 2006: 42), когда в борьбу за пост председателя ЛДП (в условиях господства ЛДП в парламенте ее председатель, по сути, автоматически становился главой правительства) включился К. Танака, состоявший в одной фракции с Э. Сато. В число претендентов входили также Охира Масаёси и Мики Такэо.

Избрание председателя партии сопровождалось сложными политическими манёврами, причём косвенным образом на этот процесс смогла повлиять и китайская сторона. Т. Мики (активный сторонник нормализации отношений на условиях Пекина) собирался поддержать Т. Фукуда, но из поездки в Пекин он вынес впечатление, что в случае победы этого кандидата КНР вряд ли пойдёт на нормализацию отношений с Японией. В Пекине Чжоу Эньлай считал, что Танака скорее, чем другие кандидаты, согласится на нормализацию двусторонних отношений на приемлемых для Пекина условиях. Через делегацию партии Комэйто, посетившую КНР в мае 1972 г., он конфиденциально сообщил японской стороне, что в качестве премьер-министра К. Танака будет принят в китайской столице (Ogata 1988: 46-47).

Нормализация отношений с КНР

Опираясь на сформировавшуюся в ЛДП коалицию своих сторонников и провозгласив лозунг «не упустить корабль в Китай» (Johnson 1986: 413), К. Танака победил на выборах председателя ЛДП, стал премьер-министром и 7 июля 1972 г. сформировал правительство. После первого заседания кабинета министров он заявил, что процесс нормализации отношений с КНР будет ускорен, а новый министр иностранных дел М. Охира выразил готовность отправиться в Пекин лично или организовать визит в китайскую столицу премьер-министра. Уже 9 июля 1972 г. Чжоу Эньлай приветствовал формирование в Японии нового кабинета и его готовность двигаться в сторону скорейшей нормализации отношений с Китаем (Ogata 1988: 47).

В отсутствие официальных каналов связи роль посредников между двумя странами по-прежнему выполняли деятели оппозиционных партий и представители «пропекинского лобби» в ЛДП. Один из лидеров СПЯ Сасаки Кодзо, посетивший Пекин в середине июля 1972 г., сообщил китайской стороне о готовности К. Танака заняться вопросом об отношениях с Тайванем. Китайское

руководство передало японскому правительству свои условия нормализации двусторонних отношений через Такэири Ёсикацу, председателя партии Комэйто, побывавшего в Китае в июле 1972 г. по поручению К. Танака (Накамура 2012: 756). Хотя Ё. Такэири неоднократно встречался с К. Танака и М. Охира перед поездкой, ему так и не удалось однозначно выяснить, каковы именно конкретные условия, на которых японское правительство готово пойти на нормализацию. Правительству приходилось считаться с тем, что в ЛДП всё ещё существовало серьёзное сопротивление идее отказа от дипломатических отношений с Тайванем. Поэтому в Пекине на встречах с Чжоу Эньлаем и другими представителями китайского руководства Ё. Такэири лишь высказал своё видение мнения японских правящих сил по вопросу о нормализации японо-китайских отношений¹⁴. Сформулированную китайской стороной позицию Ё. Такэири изложил в документе, получившем название «меморандума Такэири» («*Такэири мэмо*»), который позже через премьера Танака и министра иностранных дел Охира был передан в МИД Японии¹⁵. Успеху миссии Ё. Такэири способствовала смена правительства в Токио: в отличие от своего предшественника, К. Танака пользовался расположением Пекина. Кроме того, в глазах китайских руководителей Ё. Такэири был посредником убедительным (с учётом тесных контактов с высшим руководством Японии) и надёжным (в плане обеспечения секретности переговоров) (Ogata 1988: 47-48).

Добиваясь поддержки как пропекинских, так и протайваньских групп в ЛДП, 24 июля 1972 г. К. Танака учредил Совет по нормализации японо-китайских отношений из 312 членов под председательством Косака Дзэнтаро. Этот орган согласовал условия ведения переговоров с китайской стороной, оговорив: «ввиду тесных отношений между Японией и Китайской Республикой, переговоры [с КНР] должны проводиться с учетом сохранения этих отношений» (там же: 51) – без уточнения, относится ли эта оговорка к дипломатическим отношениям с тайваньским правительством.

В ходе нескольких визитов возглавляемая Д. Косака делегация ЛДП разъяснила китайской стороне сложности с согласованием внутри партии, которые приходится преодолевать премьер-министру. Кроме того, обсуждение с китайской стороной подготовленного МИД Японии проекта совместного коммюнике происходило во время секретных поездок в Пекин представителей «пропекинского лобби» Ё. Фуруи и С. Тагава (там же: 51-52). Самые глубокие разногласия между сторонами вызывали взаимосвязанные вопросы о трактовке положений Сан-Францисского договора и о прекращении состояния войны между двумя

¹⁴ Протокол первой встречи Ё. Такэири и Чжоу Эньлая (на японском языке). 27.07.1972. [Электронный ресурс]. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/118833> (дата обращения: 04.11.2019).

¹⁵ Text of the Chinese proposal conveyed through Takeiri. 1988. Ogata S. *Normalization with China. A Comparative Study of U.S. and Japanese Processes*. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California. P. 49.

странами¹⁶. Наконец, после продолжительных согласований в Китай прибыл премьер-министр Танака, и 29 сентября 1972 г. было обнародовано принятое по итогам переговоров совместное коммюнике¹⁷.

Документ, провозглашавший установление дипломатических отношений между странами, был расценен в Японии как победа «многосторонней дипломатии» К. Танака, сумевшего добиться нормализации отношений с КНР всего через 14 месяцев после «шока Никсона». По наиболее чувствительному для обеих сторон тайваньскому вопросу было принято компромиссное решение: с Тайбэем Токио разорвал дипломатические отношения, но сохранил экономические и прочие связи. О разрыве дипломатических отношений с Тайванем М. Охира объявил на пресс-конференции после подписания совместного коммюнике, в котором таковое намерение не было декларировано.

Тем не менее, специфика японского внешнеполитического процесса привела к уступкам китайской стороне при нормализации двусторонних отношений. В частности, это выразилось во включении в коммюнике «антигегемонистской» статьи 7, согласно которой в советско-китайском противостоянии японская сторона фактически встала на сторону КНР. Но значимость этого обстоятельства Токио полностью осознал только шесть лет спустя, во время подготовки японо-китайского договора о мире и дружбе¹⁸ (Johnson 1986: 414).

Премьер-министр Японии стремился ускорить нормализацию отношений с Пекином по двум причинам: во-первых, принимая во внимание настрой общества, а во-вторых – из опасений возможного противодействия со стороны «про-тайваньского лобби» в ЛДП. Спешка помешала тщательному анализу текста совместного коммюнике и политических последствий его подписания (Ogata 1988: 54-55).

Реакция официального Токио на «китайский шок Никсона» и последовавший процесс нормализации японо-китайских отношений демонстрируют ряд особенностей принятия внешнеполитических решений в Японии периода «системы 1955 года»:

– двойственное положение главы правительства. Свобода действий премьер-министра была ограничена и касалась не столько определения стратегических целей внешней политики, сколько выбора способов их достижения. Э. Сато не мог инициировать нормализацию отношений с Пекином, пока в пра-

¹⁶ Протокол первой встречи между министром иностранных дел Охира и министром иностранных дел Цзи Пэн-феем (на японском языке). 26.09.1972. [Электронный ресурс]. *Wilson Center Digital Archive*. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/118838> (дата обращения: 04.11.2019).

¹⁷ Joint Communiqué of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China. September 29, 1972. [Электронный ресурс]. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html> (accessed 04.11.2019).

¹⁸ Наличие в японо-китайском коммюнике «антигегемонистской статьи» стало одной из причин попытки СССР улучшить отношения с Японией в 1972-1973 гг., выразившейся, в частности, в визите А.А. Громыко в Токио в январе 1972 г., за которым последовали визиты в Москву М. Охира в октябре 1972 г. и К. Танака в октябре 1973 г. Более подробное изучение значимости рассмотренных событий с точки зрения советско-японских отношений выходит за рамки тематики настоящей статьи.

вающей партии и во внешнеполитическом ведомстве превалировали проамериканские и протайваньские настроения. Но после «шока Никсона» и у него, и у сменившего его К. Танака фактически не оставалось альтернативы курсу на скорейшую нормализацию отношений с КНР.

– ограниченные политическая роль и функциональные возможности Министерства иностранных дел, задачи которого сводились к техническому и информационному обеспечению внешней политики (эта ситуация сохраняется по сей день) (Внешнеполитический процесс... 2011: 314). Сверх того, эффективность работы министерства снижала внутриведомственная борьба: проигнорировав предположения своих сотрудников, руководство МИДа не спрогнозировало сближение между США и КНР, а после «шока Никсона» заняло выжидательную позицию, опасаясь нанести ущерб отношениям Японии с Соединёнными Штатами и Тайванем. Функция министра иностранных дел ограничивалась проведением в жизнь курса, заданного премьер-министром.

– межфракционная борьба внутри правящей ЛДП, применительно к японо-китайским отношениям между «пропекинским» и «протайваньским» лобби. В то же время в налаживании связей с официальным Пекином роль левой оппозиции, СПЯ и КПЯ, была незначительной по идеологическим причинам. «Прогрессивные» силы ограничились посреднической функцией при установлении контактов между правительствами двух стран, а до 1971 г. – в организации японо-китайской торговли через систему «дружественных фирм».

Заслуживают особого внимания также разнообразные неформальные каналы связи и формируемые *ad hoc* механизмы согласования позиций. Так, именно контакты «пропекинского лобби» ЛДП с китайским руководством помогали поддерживать торговлю на достаточно высоком уровне даже в отсутствие дипломатических отношений. А создание консультативных структур под конкретные задачи было методом, часто используемым политическим руководством, чтобы прийти к консенсусным решениям.

Рамки возможных действий высшего руководства, по сути, задавало общественное мнение, давление которого после «шока Никсона» не оставляло правящим кругам иного выбора, кроме как пытаться как можно скорее добиться нормализации дипломатических отношений с КНР. В случае же с японо-китайскими отношениями к этому добавилось и косвенное влияние со стороны Пекина, которое не только способствовало формированию в Японии более благоприятного отношения к КНР, но даже послужило одним из факторов избрания премьер-министром К. Танака, настроенного по отношению к Пекину более благожелательно, чем его конкурент Т. Фукуда.

Децентрализованность системы принятия решений в целом и внешнеполитического процесса в частности оказала влияние на образ действий японской дипломатии по выстраиванию отношений с КНР. Официальный Токио действовал по ситуации: до «шока Никсона» не решаясь отойти от линии США, а после того, как американо-китайское сближение «развязало руки» японской дипло-

матии – взяв курс на скорейшую нормализацию отношений. Но благодаря наличию широкой поддержки в японском обществе, японское руководство смогло добиться этой цели, пусть и с уступками китайской стороне, существенно раньше, чем это сделали США.

Об авторе:

Владимир Владимирович Нелидов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра японских исследований ИВ РАН (Москва 107031, ул. Рождественка, д. 12). E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: 28.03.2019

Accepted: 10.10.2019

The “Nixon China Shock” in the Mirror of Japanese Domestic Politics

Vladimir V. Nelidov

DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-61-77

Institute of Oriental studies RAS

Abstract: The “Nixon China Shock” (the July 15, 1971 statement by the U.S. President R. Nixon about the recent trip of his National Security Advisor H. Kissinger to the PRC and about the President’s upcoming visit there) became one of the pivotal points in the history of Japanese foreign policy and contributed to Tokyo becoming more independent from Washington in its diplomatic course. Using the case of Japan’s reaction to this event, the article explores the characteristic features of the foreign policy making process in post-war Japan and demonstrates the considerable influence of these features on the character of Japanese foreign policy of the so-called “1955 System” period (the prolonged and continuous dominance of the conservative Liberal Democratic Party in 1955-93). The paper shows the decentralization of the foreign policy making process, expressed in the limited ability of the Prime Minister to determine foreign policy, the presence of considerable internal contradictions in the MoFA of Japan, the factionalism of the ruling party, and the high degree of dependency of the government’s policy course on the public opinion. It proves that these factors were one of the reasons for Japan’s political leadership avoiding decisive actions to normalize relations with the PRC before the “Nixon shock”, cautious that it might damage its relations with the U.S. and unable to discern the signs of upcoming U.S.-Chinese détente, and after this event, vice versa, making every effort to normalize its relations with Beijing as soon as possible, reaching this goal even before their American partners did. Given the historical importance

of the “1955 System” for contemporary Japanese politics, the article’s conclusions are significant for the understanding of the logic of Japan’s domestic politics and foreign policy of the entire post-war period.

Key words: Japan, foreign policy making process, “Nixon shock”, Japan-China normalization, Japan-U.S. relations, Liberal Democratic Party of Japan.

About the author:

Vladimir V. Nelidov, PhD (History), lecturer, research fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12 Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia). E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru.

Conflict of interest

Author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Berton P. 2004. The Chinese and Japanese communist parties: three decades of discord and reconciliation, 1966-1998. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 37. P. 361-372.
- Calder K.E. 1988. Japanese Foreign Economic Policy Formation: Explaining the Reactive State. *World Politics*. 40(4). P. 517-541.
- Campbell J.C., Scheiner E. 2008. Fragmentation and Power: Reconceptualizing Policy Making under Japan’s 1955 System. *Japanese Journal of Political Science*. 9(1). P. 89-113.
- Cooney K.J. 2007. *Japan’s Foreign Policy since 1945*. Armonk, New York: M.E. Sharpe, Inc. 295 p.
- Hagan J.D., Everts P.P., Fukui H., Stempel J.D. 2001. Foreign Policy by Coalition: Deadlock, Compromise, and Anarchy. *International Studies Review* 3(2). P. 169-216.
- Hoey F. 2015. *Sato, America and the Cold War: US-Japanese relations, 1964-72*. New York: Palgrave Macmillan. 245 p.
- Hook G. et al. 2005. *Japan’s international relations: politics, economics and security*. 2nd ed. London and New York: Routledge. 623 p.
- Johnson C. 1986. The Patterns of Japanese Relations with China, 1952-1982. *Pacific Affairs*. 59(3). P. 402-428.
- Lee C. 1970. Factional Politics in the Japan Socialist Party: The Chinese Cultural Revolution Case. *Asian Survey*. 10(3). P. 230-243.
- Mendel D.H. 1972. Sino-Japanese Relations in Crisis. *China Report*. 8(4). P. 18-27.
- Ogata S. 1965. Japanese Attitude toward China. *Asian Survey*. 5(8). P. 389-398.
- Ogata S. 1988. *Normalization with China. A Comparative Study of U.S. and Japanese Processes*. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California. 113 p.
- Pugliese G. 2017. Kantei diplomacy? Japan’s hybrid leadership in foreign and security policy. *The Pacific Review*. 30(2). P. 152-168.
- Rose G. 1998. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*. 51(1). P. 144-172.
- Togo K. 2010. *Japan’s Foreign Policy, 1945-2009: The Quest for a Proactive Policy*. Leiden and Boston: Brill. 484 p.
- Yoshii M. 2008. The Creation of the “Shock Myth”: Japan’s Reactions to American Rapprochement with China, 1971-1972. *The Journal of American-East Asian Relations*. Vol. 15. P. 131-146.

Vneshnepoliticheskij protsess v stranakh Vostoka [Foreign Policy Process in Countries of the East]. 2011. Ed. by Streltsov D.V. Moscow: Aspekt Press 336 p. (In Russian)

Kistanov V.O. 1995. *Yaponiya v ATR. Anatomiya ehkonomicheskikh i politicheskikh ot-noshenij* [Japan in the Asia Pacific Region. Anatomy of Economic and Political Relations]. Mos-cow: Vostochnaya literature. 336 p. (In Russian)

Kuriyama T. 2016. *Sengo Nihon gaiko: Kiseki to kadai* [Post-War Japanese Diplomacy: Trajectory and Issues]. Tokyo: Iwanami shoten. 271 p. (In Japanese)

Nakamura T. 2012. *Sho:wa shi* (1945-89) [History of the Showa Era (1945-89)]. Vol. 2. Tokyo: Toyo keizai shimposha. 897 p. (In Japanese)

Pavlenko P.A. 2006. *Liberal'no-demokraticeskaya partiya v politicheskoy sisteme sovremen-noj Yaponii* (1955-2001) [Liberal Democratic Party in the Political System of Contemporary Japan]. Moscow: AIRO-XXI. 268 p. (In Russian)

Shoji T. 2011. [Struggle around Composing the Bill. The Foreign Ministry and the Process of Composing the United Nations Peace Cooperation Bill]. *Japanese Political Science Review*. 62(2). P. 206-227. (In Japanese)

Streltsov D.V. 2010. [Foreign Policy Process in Contemporary Japan]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(10). P. 245-256. (In Russian)

Streltsov D.V. 2016. [The System of Dominant Party in Japan: Some Lessons from Historical Experience]. *Japanese Studies in Russia*. № 3. P. 70-85. (In Russian)

Литература на русском языке:

Внешнеполитический процесс в странах Востока. 2011. Под ред. Стрельцова Д.В. Москва: Аспект Пресс. 336 с.

Кистанов В.О. 1995. *Япония в АТР. Анатомия экономических и политических от-ношений*. Москва: Восточная литература. 336 с.

Павленко П.А. 2006. *Либерально-демократическая партия в политической системе современной Японии (1955-2001)*. Москва: АИРО-XXI. 268 с.

Стрельцов Д.В. 2010. Внешнеполитический процесс в современной Японии. *Вест-ник МГИМО-Университета*. 1(10). С. 245-256.

Стрельцов Д.В. 2016. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта. *Японские исследования*. № 3. С. 70-85.

Евроатлантическая безопасность в треугольнике США – ЕС – Россия и фактор Трампа

М.М. Панюжева

Институт США и Канады РАН

В статье рассматриваются ключевые аспекты взаимоотношений между США, ЕС и Россией в сфере безопасности с учётом избрания президента США Д. Трампа под популистскими лозунгами, смены западных элит и эрозии договорных механизмов. Цель статьи – выявить перспективы отношений в треугольнике США – ЕС – Россия. Исследовательский интерес заключается в выстраивании новой модели евроатлантической безопасности и многовекторной стратегии для России. Исследуются особенности системы евроатлантической безопасности с начала 1990-х – до середины 2000-х гг.; концепта евроатлантической безопасности в 2008 – 2009 гг.; отношений США, ЕС и России при Б. Обаме и Д. Трампе.

В результате комплексного анализа автор обосновывает ряд выводов. Во-первых, поскольку архитектура безопасности при опоре на НАТО не обеспечивает стабильность, необходимо усиление взаимодействия США, ЕС и России перед лицом новых вызовов – стереотипы холодной войны не могут постоянно воспроизводиться. В статье акцентируется необходимость поиска нестандартных решений и предлагаются разные сценарии развития отношений США, Евросоюза и России, которые будут носить поливариантный характер. Во-вторых, в канун 30-летия установления отношений с Россией европейские лидеры склоняются к сбалансированному диалогу, отмене санкций и новой архитектуре безопасности, а ЕС остаётся основным экономическим партнёром РФ. В-третьих, «транзакционный» подход Трампа подтолкнул европейцев укреплять оборонную интеграцию и искать компромисс с Россией. С его победой в 2020 г. могут появиться основания для нормализации отношений. В-четвёртых, в полицентричном мире система евроатлантической безопасности перестаёт быть замкнутой на трансатлантических связях. Важно переосмыслить данный концепт в сторону сотрудничества с вне-региональными странами. В-пятых, поскольку сложная игра в формате «диалог – сдерживание» продолжится, Россия должна ориентироваться в установках партнёров, продумывать разные стратегии действия, формировать общую повестку, преодолевая внутренние препятствия к диалогу. В многовекторную стратегию следует включить контроль логики «неустойчивого сдерживания», механизмы для консультаций, «свежие» инициативы, широкоформатные дискуссии и вовлечение новых игроков (ЕАЭС, БРИКС).

В итоге разрыв российско-западных отношений не очевиден, имеются возможности для сближения. Чем неопределённее становятся трансатлантические отно-

УДК: 327.54

Поступила: 30.10.2019 г.

Принята к публикации: 18.11.2019 г.

шения, тем больше ЕС и США нуждаются в России. Автор полагает, что требуется серьёзная трансформация системы евроатлантической безопасности, чтобы она отражала, не только американское видение, но и европейские, и российские озабоченности. В статье также содержится призыв к научному и экспертному сообществу активно включаться в обсуждение проблем евроатлантической безопасности и подготовку предложений по сотрудничеству.

Ключевые слова: система евроатлантической безопасности, европейская безопасность, трансатлантические отношения, атлантизм, европеизм, смена элит, европейская армия, глобальная стратегическая нестабильность, полицентричный мир, новый мировой порядок.

После окончания холодной войны в политико-академической среде сложился консенсус относительно сложной, полицентричной, несбалансированной международной системы с многомерной динамикой (Современные... 2014: 51). Эксперты-международники трактуют происходящие изменения по-разному. Часть исследователей (В.Г. Барановский, А.А. Громыко, А.В. Торкунов) говорят о формировании новой полицентричной международно-политической системы (Барановский 2017: 71-72; Громыко 2018а: 141-142). Речь идёт о перестройке глобального управления с учётом нового распределения сил. Противоположной точки зрения придерживаются Г. Киссинджер (Киссинджер 2015), М. Мандельбаум (Mandelbaum 2006), Дж. Най (Nye 2017), А.М. Слотер (Slaughter 1997), Р. Хаас (Haas 2008), Ф. Закария (Zakaria 2008). Они писали о кризисе либерального миропорядка, вступлении в новую эру усиливающейся нестабильности и рисков. В.Я. Иохин констатирует, что глобализация сменяется фрагментацией мира на мегарегионы с новыми центрами (Иохин 2018: 51). Эта концепция мегарегионального миропорядка всё больше получает распространение в академических кругах.

Сторонники версии, связанной с кризисом либерального миропорядка, убеждены, что избрание президента Дональда Трампа в США, выступавшего под популистскими и антиглобалистскими лозунгами, произошло именно на фоне осознания негативных последствий глобализации. Взамен идеологии либерализма, открытого рынка и «мира без границ» Трамп предлагает смещение акцентов на развитие национальной экономики. А.А. Громыко признаёт, что с приходом Трампа ширится дискуссия о судьбе либерального миропорядка во главе с США и перспективах «западного мира» (Громыко 2018b).

Присоединяясь к данной дискуссии, следует отметить, что, во-первых, кризис либерального миропорядка наступил задолго до прихода к власти президента США Д. Трампа. Обусловлен он неспособностью Запада сглаживать неравномерность глобального развития, узостью западной модели мира, эрозией международно-правовой базы (Мегатренды... 2011: 19-35). Во-вторых, особенности внешней политики Трампа (критика международных организаций, выход

из многосторонних договорённостей) привнесли новый непредсказуемый элемент в отношения с союзниками и конкурентами. Между тем администрация Трампа не выдвигает новых идей объединения мира, кроме собственного военно-силового лидерства¹, чем усугубляется кризис глобального доминирования Запада. В-третьих, международная система продолжит трансформироваться. При этом миропорядок не сводится к либеральному порядку (Мегатренды... 2011: 69-84).

Также следует отметить, что само понятие «евроатлантическая безопасность» с недавних пор является достаточно расхожим, но трактуемым по-разному. В данной работе используется следующее определение – состояние защищённости США, Европы и России от дестабилизирующих угроз (Барановский 2010). Ранее наиболее часто употребляемым понятием выступала «система европейской безопасности». В широком смысле под ней подразумевается совокупность совместно принимаемых мер всеми заинтересованными государствами по обеспечению мира и безопасности в Европе, контролю над вооружениями (Современные... 2014: 154). Система европейской безопасности отличается мозаичностью, высокой плотностью многосторонних институтов (ОБСЕ, ЕС, Совет Европы, НАТО, СНГ, ОДКБ) и разнонаправленными трендами – логика холодной войны, взаимозаменяемость и конкуренция².

В узком смысле это понятие означает безопасность стран Западной Европы в рамках организации Североатлантического договора. Система европейской безопасности стала меняться с подписанием Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., который запустил общеевропейский процесс – многосторонний диалог и сотрудничество. США и СССР пошли на меры укрепления доверия в военной сфере, тем самым усиливая договорную базу, казавшуюся довольно прочной в тот момент (Богатуров, Аверков 2012: 191-196).

С распадом биполярного мира европейцы предпринимают попытки выйти из-под опеки США и обрести собственный военно-политический потенциал. С 2000-х гг. у понятия «евроатлантическая безопасность» впервые появляется новое значение – военное сотрудничество между НАТО и Евросоюзом в области кризисного реагирования.

В 2008 г. Россия предложила широкую трактовку евроатлантической безопасности, допустив возможность участия всех желающих стран и организаций, однако с этой идеей не согласились, прежде всего, США и страны Восточной Европы. С 2009-2010 гг. концепт переформатировался под нужды трансатлантического сообщества. Планы о формировании глобального партнёрства

¹ Zakaria F. 2019. The Self-Destruction of American Power. *Foreign Affairs*. September, 21. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/2019-06-11/self-destruction-american-power> (accessed 22.09.2019).

² Караганов С.А., Бордачев Т.В. 2009. К новой архитектуре евроатлантической безопасности. Доклад российских экспертов к конференции дискуссионного клуба «Валдай». URL: http://www.svor.ru/public/docs_2009_12_8_1350640661.pdf (дата обращения: 22.09.2019).

между США и ЕС разрушились в результате ливийского кризиса. В 2014 г. украинский конфликт также разрушил возможность совместного обеспечения безопасности между США, Европой и Россией. В тот момент заговорили о «новой холодной войне». Концепт евроатлантической безопасности, соответственно, перестал всерьёз рассматриваться в научных и политических кругах. На Западе Россия стала восприниматься одной из главных угроз, а также объектом политики сдерживания.

Новый президент США Д. Трамп так же, как и его предшественник Б. Обама, не смог осуществить «перезагрузку» отношений с Россией, но перевёл трансатлантические отношения с ЕС в прагматичное русло, отдав предпочтение двусторонним контактам (Панюжева 2018).

Необходимость включения России в евроатлантическую систему безопасности становится всё более очевидной. Информационным поводом для переосмысления евроатлантической системы безопасности стало и прекращение действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и испытание Соединёнными Штатами крылатой ракеты наземного базирования дальностью более 500 км. 2 и 18 августа 2019 г. соответственно. Распад режима контроля над вооружениями ещё более ухудшает состояние евроатлантической безопасности, а обострение сложных российско-американских отношений может привести к повышению роли ядерного оружия, новой гонке вооружений и подтолкнёт Европу к созданию собственной армии.

Объединённая Европа пока не может быть признана в качестве самостоятельного военно-политического субъекта. С начала 1990-х гг. стало ясно, что ЕС не устраивает натоцентричная система европейской безопасности. Европа оказалась неготовой принимать американские условия и отказаться от стратегической самостоятельности. Поэтому закономерен разворот Европы в сторону диалога с Россией и признание Макроном окончания эпохи доминирования Запада и необходимости «глубокого переосмысления» отношений с Москвой³. Американская сторона также стала демонстрировать готовность вернуться к диалогу. Таким образом, концепция построения европейской безопасности с участием России вновь реанимируется в 2019 г.

В статье уточняется концепт евроатлантической безопасности путём раскрытия логики взаимодействия США, ЕС и России. Исследовательская задача данной статьи заключается в том, чтобы определить, какие параметры следует учесть при построении новой концептуальной модели равной и неделимой евроатлантической безопасности при соблюдении интересов всех участников.

Серьёзный анализ американско-европейских отношений можно найти в публикациях В.И. Батюка (Батюк 2009), О.В. Приходько (Приходько 2004) и

³ Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs. Le 27 Août, 2019. Elysee.. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> (accessed 15.09.2019).

М.А. Троицкого (Троицкий 2004). В их работах делается акцент на разнице в стратегических культурах и подходах к решению международных проблем. Обоснованным выглядят тезисы о двусторонней асимметрии в силовом потенциале и столкновении двух моделей мира – американский глобализм и миссионерский европеизм. В этой связи следует выделить коллективную монографию «Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века», выполненную научными сотрудниками ИСКРАН (Проблемы... 2007).

Активно изучаются проблемы будущей евроатлантической безопасности в МГИМО, ИМЭМО, ИЕ РАН, РИСИ, РСМД, Международном дискуссионном клубе «Валдай», Фонде Карнеги. Исследования этих научных центров важны с точки зрения осмысления основных параметров будущей системы евроатлантической безопасности при участии России⁴.

Концепции европеизма и атлантизма в политике стран Евросоюза рассматриваются в коллективной монографии сотрудников ИМЭМО РАН под редакцией Н.К. Арбатовой (Европеизм... 2009). В работе показаны различия восприятия евроатлантической безопасности у стран-членов Евросоюза. Некоторые аспекты военно-политических отношений США и Франции изучались Е.О. Обичкиной (Обичкина 2004) и К.П. Зуевой (Зуева 2004).

В докладе Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности В.Г. Барановского подробно рассматривалась архитектура евроатлантической безопасности на основе сотрудничества США, Европы и России (Барановский 2010). Автор отошёл от изучения трансатлантических отношений в узких рамках НАТО, включив в них Россию.

Среди зарубежных исследований важными являются публикации политологов-неоконсерваторов: Дж. ван Уденарена (Van Oudenaren 2005), Ч. Краутхаммера (Krauthamme 2002-2003), Г. Киссинджера (Киссинджер 2015), подчёркивающих лидерство США в вопросах евроатлантической безопасности.

Другой позиции придерживаются либералы: Ф. Гордон и Дж. Шапиро (Gordon, Shapiro 2004), Д. Кеохейн (European 2009), Р. Хаас (Haas 2008), Ч. Купчан⁵, Дж. Най (Най 2004) выступают за равноправные отношения США и Европы в рамках международных институтов, поддержку Вашингтоном усилий ЕС в области безопасности.

Таким образом, концепция формирования системы евроатлантической безопасности с участием США, Евросоюза и России ещё размыта и нуждается в доработке. Видится необходимым не только систематизировать представлен-

⁴ Материалы научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность». 2012. РСМД. Москва: Проспект. 65 с.; Тимофеев И. 2017. Формула евроатлантической безопасности: стабильное сдерживание и его альтернативы. Валдай.: <http://ru.valdaiclub.com/files/16864/> (дата обращения: 22.09.2019).

⁵ Kupchan Ch. 2007. Europe and America in the Middle East. CFR. Vol. 106. No. 698. URL: <http://www.cfr.org/world/europe-america-middle-east/p12761> (accessed 22.09.2019).

ные материалы, но и определить дальнейшую траекторию развития военно-политических отношений США – ЕС – России.

С учётом вышесказанного, гипотеза автора заключается в том, что система евроатлантической безопасности в перспективе перестанет быть замкнутой исключительно на развитие трансатлантических отношений в рамках НАТО или взаимодействие США – Евросоюз, НАТО – Евросоюз. Она потребует реформирования и расширения круга участников диалога за счёт стран Большой Европы, в особенности, России, и внерегиональных стран (Китай, Индия и Иран), при соблюдении их интересов (Панюжева 2016: 73). В свою очередь расширение евроатлантического региона окажет прямое влияние на международную систему. Следует учитывать фактор смены западных элит и приход лидеров, готовых к конструктивному диалогу: протекциониста Д. Трампа, реформатора Э. Макрона, евроскептика Б. Джонсона и т.д.

Рассмотрение данной проблематики осуществляется на основе системного подхода, предусматривающего изучение международных отношений как системы, элементы которой взаимосвязаны, а сама она зависит от взаимодействия с внешней средой и от внутрисистемных процессов. С помощью системного подхода рассматривались в качестве целостного явления процессы развития отношений между США, ЕС и Россией в сфере безопасности. Историко-генетический метод использовался для последовательного рассмотрения причинно-следственных связей и закономерностей отношений между США, ЕС и Россией, а системный подход позволил представить отношения США и ЕС как целостную систему, совокупность взаимодействующих объектов, и проанализировать их функционирование. Для обоснования выдвинутой гипотезы был проведён критический анализ новейших отечественных и зарубежных исследований. Компаративный анализ применялся для сопоставления различных фактов, этапов взаимодействия акторов, их позиций и оценок.

Основные параметры евроатлантической безопасности с начала 1990-х до середины 2000-х гг.

С распадом биполярности стали постепенно формироваться новые параметры системы европейской безопасности. Причём оставались открытыми вопросы о том, будет ли это европейская или евроатлантическая безопасность, каков окажется состав участников и какие организации будут её обеспечивать.

В ретроспективе система европейской безопасности включала западноевропейские страны и США – мощного внерегионального игрока. На протяжении холодной войны доминировала концепция атлантизма, где НАТО являла собой основной механизм коллективной безопасности. При этом Франция в противовес пыталась продвигать идею Европы от Лиссабона до Урала – военно-политическое, экономическое, культурное объединение европейских стран (Панюжева 2016: 64-65).

Окончание холодной войны, казалось, приведёт к стабильному развитию Европы, что связывалось с подписанием Договора об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ) и Парижской хартии для новой Европы в 1990 г.

В Декларации «О модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы на XXI век» (1996 г.) и «Хартии европейской безопасности» (1999 г.) просматривалась возможность превращения Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в мощную евроатлантическую организацию по вопросам безопасности, в которой Европа, Россия, США и Канада выступили бы равноправными партнёрами (Богатуров, Аверков 2012: 213-216). Однако после 1999 г. встречи на высшем уровне в рамках ОБСЕ прекратились, и диалог по общеевропейской безопасности оказался заблокированным: военно-политические функции были закреплены за Евросоюзом и Североатлантическим альянсом, хотя исключительно западноцентричная модель так и не была создана.

Во-первых, США сделали ставку на НАТО как главный механизм евроатлантической безопасности и переориентировали её на противостояние новым угрозам, географическое и функциональное расширение зоны действия. Во-вторых, ЕС запустил Европейскую политику безопасности и обороны (ЕПБО) как независимую структуру безопасности в 2000-х гг. Для Москвы развитие отношений в рамках ЕПБО могло стать средством укрепления российских позиций (Панюжева 2016: 73-74). В целях выстраивания диалога в сфере безопасности были подписаны Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Россией (1994), Основополагающий акт Россия – НАТО (1997) и Декларация об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе (2000). Однако вскоре эти правовые механизмы потеряют свою значимость для сторон.

Становление Общей внешней политики и политики безопасности у ЕС спровоцировало кризис концепции атлантизма: США пытались продвигать «европейскую опору» НАТО, а сторонники сильной Европы – проект европейской системы безопасности (Еврокорпус; «Петерсбергская декларация»; силы быстрого реагирования) (Панюжева 2016: 64-66). С момента появления ЕПБО речь стала идти о евроатлантических отношениях по линии ЕС и НАТО. После же начала Иракской войны спор вокруг европейской безопасности перерос в спор о мироустройстве, по сути, между американским однополярным проектом или европейским многополярным (Панюжева 2016: 67).

Препятствуя военной самостоятельности ЕС, Вашингтон запустил новый механизм для оперативного сотрудничества НАТО и ЕС – соглашения «Берлин плюс» (2003): ЕС получил доступ к системам командования и средствам планирования НАТО, но проблемы разграничения компетенций и членства не были решены.

Новое руководство России в 1990-х гг., «младореформаторы», ориентировались на «демократическую солидарность» с Западом. Европейская система безопасности на основе ОБСЕ представлялась им «общим европейским домом»

от Ванкувера до Владивостока. Москва сократила военный потенциал и выступила за укрепление общеевропейских институтов, но функции ОБСЕ приняли на себя НАТО и ЕС, поэтому усилия Москвы сосредоточились на собственных интеграционных структурах: СНГ, Союзное государство России и Беларуси, ЕврАзЭС, ОДКБ, которые, тем не менее, стали элементами системы европейской безопасности.

События в Югославии вызвали рост взаимного недоверия в Европе. Москву всё больше не устраивало расширение НАТО на восток, размещение американских вооружённых сил и системы ПРО на территории новых членов Альянса. Запад навязывал правила игры и стремился ограничить влияние России в обход основных принципов европейской безопасности, зафиксированных на саммитах ОБСЕ. К кризису доверия добавилась эрозия системы контроля над вооружениями в связи с выходом США из Договора о противоракетной обороне (2002) и проблемами вступления в силу Договора о СНВ-2.

В феврале 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности Президент России В.В. Путин подчеркнул, что Россия будет отстаивать национальные интересы, указал на угрозу гонки вооружений и разработку новых наступательных вооружений, призвав партнёров к равноправному диалогу. Однако Запад не принял аргументы и вернулся к несколько модифицированной политике «сдерживания» в отношении России. В 2019 г. Договор об обычных вооружениях и вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ) прекратил своё существование. Европа и США фактически отвергли модель евроатлантической безопасности на основе ОБСЕ и последовали по пути консолидации собственных структур безопасности.

Итак, после распада СССР система европейской безопасности претерпела существенные изменения и развивалась в русле концептуального спора атлантизма и европеизма. Основные игроки (США, ЕС и Россия) не смогли согласовать механизмы евроатлантической безопасности. Среди ключевых идей рассматривались расширяющееся евроатлантическое пространство без России (американский проект); «Европа-держава» (французский проект); «Большая Европа» – «от Лиссабона до Владивостока» на базе ОБСЕ (российская инициатива). По всей вероятности, США опасались остаться за рамками «общеевропейского дома» и сделали ставку на расширение Североатлантического альянса. В то время как Западная Европа тяготела к диалогу с Москвой и укреплению ОВПБ, в Восточной Европе были убеждены, что Россия не является частью Европы, и раздувался миф об имперском ревизионизме.

Концепт «евроатлантической безопасности» в 2008-2009 гг.

Новый этап развития отношений в треугольнике США – ЕС – Россия был связан с попытками согласовать интересы и разработать концепт «евроатлантической безопасности». Ввиду кризиса системы европейской безопасности пре-

зидент Д.А. Медведев выступил с инициативой по её укреплению в Берлине в июне 2008 г. После конфликта в Грузии и масштабной информационной войны против России наступило временное затишье. План Медведева – Саркози стал первым примером взаимодействия ЕС и России в области кризисного урегулирования.

В рамках Международной конференции по вопросам мировой политики в Эвиане 8 октября 2008 г. Д.А. Медведев выдвинул идею заключения договора о европейской безопасности (ДЕБ) между США, ЕС и Россией. Затем проект договора был представлен на саммите Россия – ЕС в Ницце 29 ноября 2009 г. и направлен в НАТО, ОДКБ, СНГ и ОБСЕ. Параллельно на неформальной встрече министров иностранных дел ОБСЕ был запущен «Корфусский процесс» по реформированию организации.

По существу, идея Д.А. Медведева предполагала международно-правовое закрепление принципа *неделимой и равной* евроатлантической безопасности. Этот термин означает не нанесение ущерба безопасности друг друга⁶. Участники брали на себя юридическое обязательство не укреплять свою безопасность за счёт безопасности других. В широком смысле подразумевалось единое евроатлантическое сетевое пространство безопасности. Вместо принятия западных ценностей априори Россия выступила за равноправное сотрудничество на внеблоковой основе, но не дождалась конструктивных предложений.

Вашингтон смог инспирировать идею о попытке России расколоть НАТО и ЕС и усилиться на постсоветском пространстве. Большинство претензий касалось юридически обязывающего договора, повышения роли ОБСЕ и фокуса на проблемах «жёсткой» безопасности. В итоге госсекретарь Х. Клинтон даже заявила, что вопросы европейской безопасности и так обсуждаются в ОБСЕ и Совете Россия – НАТО (СРН). А после принятия Совместного заявления СРН о стратегическом партнёрстве от 20 ноября 2010 г. обсуждение ДЕБ и вовсе было де-факто заблокировано.

Очевидно, что Евросоюз и США оказались не готовым заключить соглашение по европейской безопасности, а у России не было достаточно рычагов влияния: она не признавала ключевую роль НАТО в этой системе.

Между тем ряд экспертов, в том числе из Фонда Карнеги за международный мир и ИМЭМО РАН, предложили идею построения Евроатлантического сообщества безопасности для противодействия новым вызовам в XXI в.⁷. В целом, эта идея также нуждалась в доработке, так как на тот момент ни одна из сторон не была готова к столь радикальным шагам. Ещё одно предложение – учредить Евроатлантический форум по безопасности и принять 15-летнюю

⁶ Проект Договора о европейской безопасности. 29 ноября 2009 // Kremlin. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6152> (дата обращения: 22.09.2019).

⁷ На пути к Евроатлантическому сообществу безопасности. Евроатлантическая инициатива в области безопасности. Фонд Карнеги. 2009. URL: https://carnegieendowment.org/files/EASI_FinalReport_Rus.pdf (дата обращения: 22.09.2019).

программу в области ядерного разоружения, ПРО, высокоточного, космического и обычного вооружения и кибербезопасности – было выдвинуто экспертами из Инициативы по борьбе с ядерной угрозой, Фонда Карнеги, РСМД, ИМЭМО РАН и ИСКРАН⁸.

Несмотря на хорошо проработанную стратегию формирования общей политики безопасности, это предложение требует сближения разных позиций участников, поэтому только часть идей в отдалённой перспективе может быть постепенно реализована.

По итогам научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность» в РСМД в 2013 г. концепт всеобъемлющей системы евроатлантической безопасности представлялся как объединение усилий всех государств региона, создание новых институтов и поиск взаимоприемлемых решений⁹.

Формирование новой системы европейской безопасности возможно благодаря улучшению отношений России и НАТО в сфере стратегического вооружения и преодолению «системных ловушек». Сотрудничество на экспертном уровне оказывает благотворный эффект, поскольку обеспечение евроатлантической безопасности – фундаментальная научная задача.

Развитие отношений США – ЕС – России в сфере безопасности при Б. Обаме (2009-2016 гг.)

Новый этап в отношениях между США, Евросоюзом и Россией начался с избранием президентом Б. Обамы в 2009 г. Европа ждала разворота в сторону новой многосторонности, и Обама подтвердил, что США нуждаются в сильной Европе, выступив за увеличение военных способностей партнёров («умная оборона»).

Примечательно, что госсекретарь Х. Клинтон в выступлении о будущем европейской безопасности в 2010 г. признала три подхода к её организации: французский (усиление ЕПБО), американский (НАТО), российский (ДЕБ). Но в практическом плане она выделила евроатлантические отношения США – ЕС – НАТО и трансатлантические отношения в рамках НАТО (Панюжева 2016: 72). Показательно, что российский фактор не был вписан в глобальный или евроатлантический контекст.

«Перезагрузка» отношений США и России выразилась в подписании Договора о СНВ-3 и соглашения в области мирной атомной энергии, создании двусторонней президентской комиссии, транзите контингента и грузов в Аф-

⁸ Building Mutual Security in the Euro-Atlantic Region. NTI. 2013. URL: https://media.nti.org/pdfs/BMS_Long_Report_FINAL.pdf (accessed 22.09.2019).

⁹ Материалы научно-практической конференции «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность». 2012. РСМД. Москва: Проспект, 65 с.

ганистан, но вскоре сменилась разногласиями (ПРО, сирийский кризис, «закон Магницкого»). В течение первой половины 2010 г. диалог по ДОВСЕ проходил за закрытыми дверями.

Выполнение дорожных карт ЕС и России и создание Комитета по политике и безопасности также не произошло. Тем временем ЕС укрепил место в архитектуре европейской безопасности благодаря общей политике безопасности и обороны. Поскольку в отношениях США и ЕС наметилась тенденция сближения, президент Франции Саркози попытался укрепить ЕПБО и обновить НАТО через возвращение страны в военные структуры альянса и создание франко-немецкого штаба, передовых групп, программ вооружения с Великобританией (Панюжева 2016: 74).

В это время США, ЕС и Россия ещё признавали важность преодоления разногласий через дискуссию о механизмах общей безопасности, тем не менее, ни одна из инициатив (ДЕБ, реформа ОБСЕ, совместная ПРО, Мезебергская инициатива, партнёрство Россия – НАТО, ОДКБ – НАТО) не была принята.

У России и Запада имелись разные подходы к евроатлантической безопасности – институциональный и функциональный. Москву не рассматривали равным партнёром и пытались приобщить к общим ценностям или наказать через санкции или расшатывание ситуации в регионах. Поэтому в российской внешней политике укрепляется вектор на усиление евразийской интеграции, сотрудничество с Китаем и глобальным Югом (БРИКС). К тому же, идея евроатлантической безопасности стала уступать в повестке арабским протестам и сирийскому кризису.

В 2011 г. США, НАТО и ЕС подписали соглашение в области кризисного реагирования и предупреждения конфликтов, где Россия не упоминалась¹⁰. В последующем «глобальное партнёрство» между США и ЕС так и не возникло. Европейцы столкнулись с недостаточной поддержкой США в кампании в Ливии в 2011 г. и Мали в 2013 г., переносом фокуса в АТР и выводом двух американских бригад из Европы, что убедило европейцев укреплять свой военно-политический потенциал.

Украинский конфликт 2014 г. бросил вызов евроатлантической безопасности. Был заморожен политический диалог и запущена санкционная спираль. Давление на Россию оказывалось в военно-политической, энергетической и информационной областях. Администрация спешно укрепляла военное присутствие НАТО на востоке через Инициативу по обеспечению европейской безопасности (англ. *The European Reassurance Initiative, ERI*).

Москва в ответ разместила мощные средства ПВО на границах и разработала высокоточное оружие. При этом риск военной конфронтации в воздухе, в Балтийском и Чёрном море, Тихом океане возрос. Россия обвинила США в на-

¹⁰ Remarks with EU High Representative for Foreign Policy Catherine Ashton. May 17, 2011. The U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/05/163569.htm> (accessed 22.09.2019).

рушениях ДРСМД – в испытании ПРО по ракетам-мишеням средней и меньшей дальности и ударных беспилотников. С сентября 2015 г. успешные военные действия Москвы в Сирии на стороне правительственных войск и освоение боевой техники серьёзно изменили отношения в треугольнике США – Европа – Россия.

При Б. Обаме Россия сначала рассматривалась в качестве стратегического партнёра, а к концу второго срока считалось главной угрозой евроатлантической безопасности наряду с терроризмом. В июле 2016 г. лидеры НАТО и ЕС подписали декларацию, содержащую план действий¹¹. В сентябре на неформальной встрече министров обороны стран ЕС и НАТО обсуждалась обновлённая европейская стратегия в области обороны и безопасности. Процесс выстраивания механизмов взаимодействия ЕС и НАТО шёл под лозунгом противостояния «гибридным вызовам» России.

Итак, к концу президентства Обамы наметился провал в строительстве евроатлантической безопасности и ухудшении российско-американских отношений до состояния «новой холодной войны». Россия усматривала причину в системных проблемах европейской безопасности, эволюция которой была сложной и противоречивой.

Несмотря на то, что США неустанно работали над наполнением содержанием концепта американского глобального лидерства, европейцы осознали важность укрепления собственного военного потенциала в свете экономического и миграционного кризисов, волны террористических атак, решения о выходе Великобритании из ЕС.

Фактор Трампа для Евроатлантики в 2017 – 2019 гг.

Непредсказуемый курс Д. Трампа отличается тем, что трансатлантические отношения США и ЕС рассматриваются в качестве бизнес-проекта или транзакционной сделки, а не как краеугольный камень американской внешней политики. Европейская политика США формируется для решения приоритетной задачи «снова сделать Америку великой»¹².

Несомненно, личность Трампа оказывает влияние на отношения с Европой и Россией. Европа впервые столкнулась с поведением президента США, выходящим за рамки дипломатической практики. Трамп выстраивал ситуативное взаимодействие взамен долгосрочных отношений (Панюжева 2018: 52–56). Профессор Гарвардского университета Стивен Уолт обозначил критичный подход Трампа к ЕС и НАТО как противоречивый и близорукий¹³.

¹¹ Joint declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission and the Secretary General of NATO. July 8, 2016. European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/21481/nato-eu-declaration-8-july-en-final.pdf> (accessed 22.09.2019).

¹² The National Security Strategy of the United States of America. December 2017. *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 22.09.2019).

¹³ Stephen W. 2018. The EU and NATO and Trump – Oh MY! *Foreign Policy*. July, 2. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/07/02/the-eu-and-nato-and-trump-oh-my/> (accessed 22.09.2019).

Общее мнение было высказано Марком Леонардом, директором Европейского совета по международным отношениям, который оценил действия Д. Трампа как подрывающие «старый либеральный мировой порядок, основанный на правилах»¹⁴. Он пришёл к выводу, что для Европы настало время выработать новую стратегию.

В Европе непредсказуемая политика Трампа с его выходом из многосторонних соглашений, требованием увеличить оборонные расходы (2% ВВП) и пошлинами на сталь и алюминий вызвала сомнения в надёжности американских гарантий безопасности и трансатлантической солидарности¹⁵.

Европейцы оказались не готовы ни к национально-протекционистской политике Трампа, ни к решению Великобритании выйти из Евросоюза. Перемены в евро-атлантических отношениях застали их врасплох. Лидерам Франции и Германии просто не импонирует подход «Америка прежде всего», поскольку он мало совместим со ставкой на многосторонность.

С приходом Трампа проблема недостаточного вклада союзников вновь актуализировались. На пресс-конференции с генсекретарем Й. Столтенбергом 12 апреля 2017 г. и на саммите НАТО в Брюсселе 25 мая 2017 г. Трампу под нажимом вашингтонской элиты пришлось подтвердить приверженность трансатлантическим связям без ссылки на статью 5 и призвать увеличить расходы до 2 % ВВП, включая 20% – на основные виды вооружений¹⁶.

Чтобы сблизиться с союзниками, администрация Трампа представила Москву источником нестабильности в Европе на саммите НАТО и Мюнхенской конференции в 2017 г. В стратегии национальной безопасности США ситуация упрощённо объяснялась тем, что РФ стремится «ослабить надёжность американских обязательств перед Европой, подорвать трансатлантическое единство»¹⁷.

Трамп пытался принудить европейцев к двусторонним сделкам и разжигать противоречия. К примеру, на фоне ухудшения отношений с Берлином состоялся визит в США французского президента Э. Макрона 13 июля 2017 г.¹⁸

С целью укрепить американские гарантии европейской безопасности администрация увеличила финансирование военного присутствия – с 3,4 до 6,5 млрд. долл. (Панюжева 2018: 56), развернула две танковые бригады пехотной

¹⁴ Marc L. 2018. Europe for Itself. *Projet-syndicate*. July 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-and-eu-foreign-policy-by-mark-leonard-2018-07?barrier=accesspaylog> (accessed 22.09.2019)

¹⁵ Remarks by President Donald Tusk on EU-NATO cooperation. July, 10 2018 // European Council. Council of the European Union. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/07/10/remarks-by-president-donald-tusk-on-eu-nato-cooperation/> (accessed 22.09.2019).

¹⁶ Readout of President Donald J. Trump's Meeting with European Union Leaders. May 25, 2017. // US Mission to the European Union. URL: <https://useu.usmission.gov/readout-president-donald-j-trumps-meeting-european-council-president-donald-tusk-european-commission-president-jean-claude-junker/> (accessed 22.09.2019).

¹⁷ The National Security Strategy of the United States of America. Op.cit.

¹⁸ Remarks by President Trump and President Macron of France in Joint Press conference. July 13, 2017. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-president-macron-france-joint-press-conference-jul-13/> (accessed 22.09.2019).

дивизии, четыре боевые многонациональные батальона в Прибалтике и Польше, дивизию (Румыния) в рамках Европейской инициативы сдерживания. В Германии были укомплектованы войска в зоне второго стратегического эшелона.

На саммите НАТО в Брюсселе в 2018 г. обсуждалось создание сил быстрого реагирования «4 по 30» и двух командных центров в Германии и США, размещение ПВО в Прибалтике¹⁹.

Была подписана декларация ЕС и НАТО о расширении сотрудничества и укреплении безопасности для противодействия гибридным угрозам и терроризму²⁰.

К 2018 г. лидеры европейских стран и эксперты стали отвечать на критику Трампа, обвинив его в дестабилизации мирохозяйственных связей, провоцировании торговых войн и попытках вернуть времена дикого капитализма (Яковлев 2017: 12).

В целом избрание Трампа высветило идеологический раскол Запада. Как и в далёком 2003 г., столкнулось американское и европейское видение международной системы. По сути, Вашингтон отказался от американского глобализма в пользу транзакционного подхода, а ЕС продолжает защищать концепцию либерального миропорядка. Однако единства коллективного Запада не просматривается, и у него не так много общих рычагов влияния.

«Транзакционный» подход Трампа подталкивает европейцев к развитию военных возможностей, в частности, к созданию европейской армии. Хотя подобие иракского кризиса не ожидается, отношения США и ЕС ухудшились из-за оборонных расходов в НАТО, европейских оборонных инициатив, спора о методах борьбы с терроризмом, решения иранского вопроса, сдерживания России и КНР, а также из-за выхода ВС США из Сирии (Панюжева 2018: 66).

Споры об увеличении расходов на оборону лишь косвенно подтверждают глубокие расхождения. Важно, что системные противоречия могут нарастать, поскольку политика Трампа ускорила центробежные процессы в евроатлантическом регионе. Фактор Трампа, по мнению П.П. Яковлева, становится ключевым элементом в процессе трансформации облика глобализации (Яковлев 2017: 13).

США и «постамериканская» Европа заняты рекалибровкой своих интересов. Фактор «российской угрозы» используется для консолидации позиций. Взаимодействие ЕС и НАТО ведётся под лозунгом противостояния «гибридным вызовам» со стороны России. Вместе с тем «старая» Европа озабочена ухудшением отношений США и РФ, рисками неконтролируемой гонки вооружений и ми-

¹⁹ Brussels Declaration on Transatlantic Security and Solidarity. July 11, 2018. NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_07/20180709_180710-pr2018-91-en.pdf (accessed 22.09.2019).

²⁰ Joint Declaration on EU-NATO Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. July 10, 2018. NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156626.htm?selectedLocale=en (accessed 22.09.2019).

литаризацией. Становится очевидным, что система европейской безопасности нуждается в новых подходах, выходящих за рамки диалог/сдерживание России.

В глобальной стратегии по внешней политике и политике безопасности ЕС провозглашается укрепление Европы как «сообщества безопасности» и обеспечение «мира и безопасности внутри и за пределами границ»²¹. Было введено понятие «принципиального прагматизма». Чётко обозначен тезис о «стратегической автономии», подразумевающий большую внешнеполитическую самостоятельность ЕС от Вашингтона.

В конце 2017 г. было принято соглашение о постоянном структурированном сотрудничестве в области безопасности и обороны на модульной основе. Согласно ему были запущены 17 проектов по гармонизации оборонных стратегий, увеличению оборонных бюджетов для исследования и развития, использованию военных баз и ВС, разработке новых систем вооружений (Панюжева 2018: 60).

В июне 2018 г. была одобрена Европейская инициатива по вмешательству. ЕС принял решение об увеличении Европейского оборонного фонда на 20 млрд евро с 2021 – 2027 гг. (Панюжева 2018: 60). Кроме того, была утверждена европейская программа военно-промышленного развития на 2019 – 2020 гг. Бесспорно, эти шаги говорят о серьёзности намерений ЕС.

Резонанс вызвало заявление Э. Макрона от 6 ноября 2018 г. о создании общеевропейской армии для защиты от КНР, РФ и США. Так, глава Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер его поддержал, а глава евродипломатии Ф. Могерини исключила создание генштаба.

Вслед за этим Э. Макрон и А. Меркель 22 января 2019 г. подписали договор о сотрудничестве в области безопасности в Ахене²². Хотя новая глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен подчеркнула, что ЕС не станет военным союзом, было озвучено намерение создать новую военно-космическую структуру.

В отличие от Москвы, которая поддержала оборонные инициативы ЕС, администрация Трампа выступила против, видя в этих инициативах угрозу НАТО и интеграции оборонной индустрии. Недовольство было связано с нормами передачи технологий и контроля за экспортом, участием в военных проектах неевропейских стран, сокращением закупок американского оружия.

Как и прежде, столкнулись два подхода к европейской безопасности: США выступают за ключевую роль НАТО, а Париж – за единую Европу. Э. Макрон делает ставку, прежде всего, на идеи европеизма, лишь затем на евроатлантизм (взаимодополнение ЕПБО и НАТО, подключение к диалогу России) и атлантизм (нейтралитет США).

²¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. The European External Action Service. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 22.09.2019).

²² Franco-German Treaty of Aachen. France Diplomatie. The Ministry for Europe and Foreign Affairs. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/germany/france-and-germany/franco-german-treaty-of-aachen/> (accessed 22.09.2019).

Опрос экспертов Института Европы РАН и ИСК РАН (А.А. Громыко²³, Ю.И. Рубинского²⁴, В.И. Батюка) показал, что преждевременно вести речь о создании европейской армии ввиду слабых возможностей ЕС по созданию военно-командной структуры и разных представлений стран-членов об источнике угрозы для европейской безопасности. Причём одни эксперты делают акцент на усилении интеграции между ВПК, а другие – на создании фонда инвестиций в европейскую оборонную промышленность.

Понятно, что США и атлантисты в Европе будут стараться не допустить наращивание военно-политического потенциала ЕС. Д. Трамп добивается устойчивой продажи американского вооружения, но сталкивается с заинтересованностью ВПК Франции расширить рынки сбыта. Участие в постоянном структурированном сотрудничестве и миротворческих операциях на равной основе представляет интерес для России.

Безусловно, фактор Трампа оживил разговоры о перспективах евроатлантической безопасности и создания европейской армии. Евросоюз демонстрирует намерение увеличить свою роль в поддержании европейской безопасности, а Россия – взаимодействовать на равноправной прагматичной основе.

Перспективы евроатлантической безопасности

Команда Трампа неоднократно пыталась восстановить диалог с Москвой. Так, например, в Сирии постоянно поддерживался обмен разведанными и координация между военными двух стран. Пожалуй, самым значительным является итог встречи лидеров США и России перед саммитом Большой двадцатки в Японии в июне 2019 г., где удалось принять решение о консультациях по СНВ-3. Кроме того, Россия предложила НАТО присоединиться к мораторию на размещение ракет средней и меньшей дальности, а США – продлить Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) на пять лет.

Вместе с тем эквилибристика Д. Трампа по поводу СНВ-3 с Россией и Китаем показывает, что США уклончиво действуют и имеют своё видение евроатлантической безопасности. В целях сдерживания США ввели новые антиросийские санкции, увеличили количество вооружённых сил в Польше и приняли решение об укреплении обороны Румынии.

Между тем в августе на саммите Большой семёрки в Биаррице Трамп как выразитель интересов бизнес-элиты озвучил идею о возвращении России в «восьмёрку». Это означает признание важности участия России в обсуждении вопросов международной и евроатлантической безопасности.

²³ Панюжева М. Россия – Европа: вместе не можем, порознь нельзя. 26 сентября 2019. *Аргументы недели*. URL: <https://argumenti.ru/interview/2019/09/630865> (дата обращения: 22.09.2019).

²⁴ Панюжева М. Какой новый проект мироустройства предлагает Франция. 17 сентября 2019. *Аргументы недели*. URL: <https://argumenti.ru/interview/2019/09/629647> (дата обращения: 22.09.2019).

К середине 2019 г. Европа стала сознать, что превратилась в арену противостояния Москвы и Вашингтона, и политика изоляции России лишь усилила военно-политическую зависимость от США. Неслучайно заговорили о риске утраты контроля в отношениях России и НАТО, снятии санкций, признании Крыма и прекращении войны на Донбассе²⁵.

В июне Россию пригласили вернуться в Парламентскую ассамблею Совета Европы. Встреча Э. Макрона и В. Путина в Брегансон 19 августа показала, что Франция первая решилась восстановить военно-политический диалог с Россией. Прорывом в вопросах формирования будущей системы европейской безопасности стало выступление президента Франции Эммануэля Макрона на ежегодной встрече с послами 27 августа 2019 г. В частности, он призвал к «глубокому переосмыслению» отношений, к созданию новой архитектуры европейской безопасности вместе с Россией²⁶.

Иными словами, Париж в середине 2019 г. вернулся к идее формирования Большой Европы от Лиссабона до Владивостока, высказанной ещё в 1990-е гг. Неслучайно бывший министр иностранных дел Ю. Ведрин, европеист, призвал «изобрести заново» российско-европейские отношения.

Визит министра иностранных дел Жан-Ив Ле Дриана и министра обороны Флоранс Парли в Москву 9 сентября свидетельствует о попытках укрепить доверие и сотрудничество, в том числе в области контроля над оружием и кризисного урегулирования. В ноябре российская сторона обсудила с французским послом идею о новой архитектуре европейской безопасности.

На фоне констатации смерти «мозга» НАТО Э. Макрон допустил участие европейских стран в новом Договоре о ракетах средней и малой дальности. На саммите НАТО в декабре 2019 г. он призвал альянс переосмыслить отношения с Россией, поскольку без диалога с ней невозможно поддерживать стабильность в Европе²⁷. Министр иностранных дел Германии Хайко Маас заявил о важности партнёрских отношений с Россией и Китаем.

Сближение Европы и России в контексте евроатлантической безопасности не может не беспокоить Вашингтон. Похоже, что администрация Трампа проводит двойную стратегию – несистемные контакты с Москвой и сдерживание через укрепление обороны восточноевропейских стран. Что же ждёт отношения США – ЕС – РФ в сфере безопасности? Насколько обнадеживающими представляются тенденции сближения?

В экспертной среде присутствует разброс мнений по поводу перспектив развития отношений в рассматриваемом треугольнике. Разноплановые дискус-

²⁵ Ibid.

²⁶ Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs. Le 27 Août, 2019. *Elysee*. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> (accessed 22.09.2019).

²⁷ Макрон заявил, что безопасность в Европе невозможна без основательного диалога с Россией. ИТАР ТАСС. 04.12.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7266003> (accessed 22.09.2019).

сии регулярно проводятся по поводу реформирования архитектуры асимметричной и несбалансированной евроатлантической безопасности. Некоторые эксперты считают, что отношения между Россией и США, Россией и ЕС, ЕС и США развиваются в отличной друг от друга динамике, поэтому представить общие сценарии невозможно.

Есть основания полагать, что это мнение является крайним упрощением: во-первых, лидеры США, ЕС и России признают важность диалога; во-вторых, все региональные подсистемы взаимосвязаны во взаимозависимом мире, и широкое распространение получили трансрегиональные и кроссрегиональные связи. Поэтому сценарии отношений США – ЕС – России имеют право на существование, даже если в треугольнике преобладает центробежная динамика.

В докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Формула евроатлантической безопасности» (2017) рассматривается пять сценариев отношений Россия – ЕС – США²⁸: 1) «Стабильное сдерживание»; 2) «Неустойчивое сдерживание»; 3) «Конфликт»; 4) «Сокращающееся сдерживание»; 5) «Партнёрство».

По мнению автора, эти сценарии страдают упрощением, однако, следует признать, что стабильное и неустойчивое сдерживание, как некий статус-кво с положительной или отрицательной динамикой, вполне возможно. И наоборот, следует считать маловероятным сценарий сокращающегося сдерживания с возможностью перехода к диалогу о новых параметрах СНВ. Очевидно, что парадигма сдерживания будет определять отношения России и Запада. Мнение авторов о том, что отношения США, ЕС и РФ в области безопасности не является предопределённым, следует признать верной.

Пережив сильный кризис, система евроатлантической безопасности всё же поправляется, стороны демонстрируют стремление к восстановлению диалога в 2019 г.

Новые институционально-правовые механизмы могут быть разработаны в среднесрочной перспективе. Поэтому статус-кво наиболее очевиден.

Н.К. Арбатова из ИМЭМО предлагает три сценария евроатлантических отношений: «Структурное размежевание»; «Прочное партнёрство с распределением ответственности»; «Функциональное партнёрство с созданием евроатлантического форума» (Арбатова 2015). Не соглашусь с экспертом в том, что полное размежевание НАТО и ЕС возможно. В некоторой степени частичное размежевание при элементах партнёрства и конкуренции допустимо.

А.А. Громыко, директор Института Европы РАН, реалистично подчёркивает углубляющиеся расхождения между США и ЕС, США и Россией, ЕС и Россией, США и КНР (Громыко 2018с). Попытки перехода к общему пространству «от Ванкувера до Владивостока» и «от Лиссабона до Владивостока» закончился расколом Запада и России. Выходом видится возвращение к стратегическому

²⁸ Тимофеев И. 2017. Формула евроатлантической безопасности: стабильное сдерживание и его альтернативы. Валдай. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/16864/> (дата обращения: 22.09.2019).

сотрудничеству, переговоры ЕС и Евразийского экономического союза и консультации РФ и США.

Другая группа экспертов считает, что Россия и Запад продолжают существовать в конфронтационном режиме, и выступает за новую модель евроатлантической безопасности. Как отметил Д. Суслов из Высшей школы экономики, России и ЕС надо готовиться к взаимодействию, не ориентированному на создание общего евроатлантического пространства. «Большая Европа» и «Большая Евразия» не совместимы, поэтому маловероятно преодоление тупика, но необходим механизм кризисного урегулирования²⁹. А. Краменко из РСМД представляет Евроатлантику в виде геополитически «слоённого пирога»: оси-связки США – Восточная Европа и Западная Европа – Россия³⁰.

Реалистичным представляется призыв к созданию механизмов кризисного реагирования. Для этого необходимо реализовать «интермодальную» схему региональных и субрегиональных организаций и современных правил регламентации военной деятельности (Современные... 2014: 154). В.Г. Барановский рассматривает архитектуру евроатлантической безопасности как широкий и многоплановый проект, в рамках которого важно инициировать параллельные процессы создания сети договорных инструментов. Этот подход определяется как модель евроатлантической безопасности с переменной геометрией (Барановский 2010).

Примером либерального подхода стало исследование Р. Эллекхууса из Центра стратегических и международных исследований и А. Загорского из ИМЭМО. Они выступают за поиск консенсусного видения неделимой европейской безопасности, предотвращение гонки вооружений, снятие опасений неприсоединившихся стран и организацию встреч на высшем уровне Россия – НАТО, Россия – ЕС и в ОБСЕ³¹.

В целом, с этими рекомендациями следует согласиться, добавив, что построение новой модели европейской безопасности возможно не только на основе консенсусного видения, но и на основе готовности сотрудничать и согласовывать позиции.

В зарубежных работах основной упор делается на то, что трансатлантические отношения при Трампе стали более непредсказуемыми и противоречивыми. Например, Ф. Бинди из Фонда Карнеги прогнозирует конец прежней модели трансатлантических отношений (Bindi 2019). Подход «Америка прежде всего»

²⁹ Суслов Д. 2016. В разных пространствах: новая повестка для отношений Россия – ЕС. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://globalaffairs.ru/valday/V-raznykh-prostranstvakh-novaya-povestka-dlya-otnoshenii-RossiiyaES-18256> (дата обращения: 22.09.2019).

³⁰ Краменко А. 2019. НАТО как бизнес-проект и Евроатлантика как слоеный пирог. *РСМД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato-kak-biznes-proekt-i-evroatlantika-kak-sloenny-pirog/> (дата обращения: 22.09.2019).

³¹ Эллекхуус Р., Загорский А. 2019. Восстановление системы европейской безопасности. *РСМД*. [URL: <https://russiancouncil.ru/papers/CSIS-RIAC-Ellehuus-Zagorski-RestoringEuropeanOrder-Ru.pdf> (дата обращения: 22.09.2019).

превращается в концепт «Америка в одиночестве», заставляя Европу и Россию заполнять вакуум. Опросы Брукингского института также выявили: отношения США и ЕС низко оцениваются (3,9 из 10 баллов) по причине разногласий³².

М. Риддерволд и А. Ньюсэм также прогнозируют ослабление отношений США и ЕС вне зависимости от усиления или ослабления ЕС, допуская фрагментацию европейской политики и гегемонию США (Riddervold, Newsome 2018). Напротив, Дж. Андерсон полагает, что международная структура и трансатлантические отношения сдержат фактор Трампа (Anderson 2018), который будет вынужден вернуться к традиционной парадигме трансатлантической солидарности и защите либерального миропорядка.

Следует согласиться с зарубежными экспертами, что для евроатлантического региона будут важны эволюция международной системы, фактор Китая и исламского мира. Например, К. Стелзенмюллер считает, что для США и ЕС наступает новая парадигма большого соревнования держав³³. Трамп отталкивает Европу, которая теперь ответственна за сохранение либерального миропорядка и «соревновательную многосторонность».

Ясно, что содержание евроатлантической безопасности принципиально изменится, но пока отношения США – Россия – ЕС будут носить прикладной характер. Вероятно, ЕС некоторое время продолжит следовать в фарватере США.

Известные американские исследователи М. Мазар (РЭНД) и Дж. Най полагают, что Вашингтону требуется переосмыслить своё место в нынешнем миропорядке, который неизбежно будет меняться (Mazarr 2017; Nye 2017). На протяжении десятилетий США останутся ведущей военной державой. Эксперты указывают, что, несмотря на подъём популизма в Европе и США против глобализирующегося миропорядка, ни одна из этих стран его не отвергала. США должны сформировать диверсифицированную систему с учётом рассредоточения мощи в пользу КНР, НПО и индивидуумов. В унисон этому ходу мысли Х. Молл подчёркивает, что западная демократия должна найти способ конкурировать с появившимися альтернативными (Mauil 2019).

Противоположная точка зрения у Ф. Гордона из Брукингского института: он допустил создание незападного мирового порядка, в котором концепция «Запад» и НАТО перестанут существовать, и спрогнозировал политическое соперничество США и Европы на Среднем Востоке, в Африке и в Азии (Gordon, Shapiro 2004).

Кс. Вискетт из Королевского института по международным отношениям считает, что увеличение количества мигрантов из Латинской Америки и АТР

³² Trans-Atlantic Scorecard. 2019. The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/research/trans-atlantic-scorecard-july-2019> (дата обращения: 22.09.2019).

³³ Stelzenmüller C. Hostile Ally: the Trump challenge and Europe's inadequate response. The Brookings Institution. 2019. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/08/FP_20190905_hostile_ally.pdf (дата обращения: 22.09.2019).

в США и из ближневосточных стран в ЕС может вызвать конкуренцию между ними³⁴. Более того, Ф. Закария пессимистично объяснил потерю США статуса сверхдержавы и «наделением весом» – КНР и РФ³⁵.

Эксперты Исследовательской службы Конгресса В.Л. Морели и К. Арчик подчеркнули высокий уровень неопределённости в трансатлантических отношениях³⁶, непредсказуемость США, рост самостоятельности ЕС, меняющуюся повестку и разногласия по широкому кругу вопросов. По их мнению, траектория развития трансатлантических отношений будет корректироваться с учётом ограниченных возможностей США, ЕС и НАТО в кризисном реагировании.

Американские консерваторы из Фонда Наследия утверждают, что ЕС критикует Д. Трампа за разрушение миропорядка, рассматривает США в качестве соперника и пытается снизить их роль по поддержанию европейской безопасности³⁷. В оценках Центра Карнеги преобладает мнение о важности избежать ослабления НАТО. Якобы РФ проводит курс по ослаблению или разрыву евроатлантических связей³⁸.

Либералы Брукингского института рекомендовали Европе балансирование между получением стратегической автономии и налаживанием сотрудничества с партнёрами в рамках глобальной многополярности (*global multipolarity*)³⁹. В свете отсутствия прочных американских гарантий Макс Бергманн из Центра за американский прогресс полагает, что «более сильная и надёжная» Европа – «движущая сила для продвижения либеральных ценностей», должна проводить операции без НАТО⁴⁰.

Подводит черту под дискуссией о будущем евроатлантических отношений А. Слоат: она выделяет столкновение американского изоляционистского и европейского многостороннего проектов мироустройства на фоне ослабления трансатлантических отношений, которые не станут «нормальными» даже после ухода Д. Трампа⁴¹.

³⁴ Wickett X. Transatlantic Relations Converging or Diverging? Chatham House Report. January 2018. URL: www.chathamhouse.org/publication/transatlantic-relations-converging-or-diverging (accessed 22.09.2019).

³⁵ Zakaria F. 2019. The Self-Destruction of American Power. Foreign Affairs. September, 21. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/2019-06-11/self-destruction-american-power> (accessed 22.09.2019).

³⁶ Morelli V.L., Archick Kr. Transatlantic Relations in 2018. CRS IN10847. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IN10847.pdf> (accessed 22.09.2019).

³⁷ Bromund Th. A New Approach to Europe: U.S. Interests, Nationalist Movements, and the European Union. The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/new-approach-europe-us-interests-nationalist-movements-and-the-european-union> (accessed 22.09.2019).

³⁸ Dempsey J. The European Blame Game. Carnegie Europe. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/78372> (accessed 22.09.2019).

³⁹ Belin C. Balancing Act: The Limits of Pragmatism in the Franco-American Relationship and the Way Forward. The Brookings Institution. October 2018. URL: <https://www.brookings.edu/research/balancing-act-the-limits-of-pragmatism-in-the-franco-american-relationship-and-the-way-forward/> (accessed 22.09.2019).

⁴⁰ Bergmann M. An Alliance in Crisis. Europe Needs to Act Quickly to Defend Itself. Center for American Progress. June 1, 2017. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2017/06/01/433466/alliance-crisis-europe-needs-act-quickly-defend/> (accessed 22.09.2019).

⁴¹ Sloat A. Dispatch from Munich: The Trans-Atlantic Rift Persists amid Weaknesses on both Sides. The Brookings Institution. February 18, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/02/18/dispatch-from-munich-the-trans-atlantic-rift-persists-amid-weaknesses-on-both-sides/> (accessed 22.09.2019).

По сути, эксперты согласны, что странам евроатлантического региона не удалось создать всеобъемлющую систему безопасности, которая включала бы Россию. Зарубежные эксперты изучают евроатлантические отношения в рамках атлантизма, изображая Россию внешним фактором, способным усугубить расхождения. Приходится констатировать, что имеется не так много работ, где она выступает частью европейского пространства.

С учётом анализа экспертных мнений и событийного фона предположим вероятные траектории развития отношений в треугольнике США – ЕС – Россия:

- *стагнация* с мелкосиловым активизмом и избирательным сотрудничеством (наиболее вероятный / наименее желаемый);
- *диалог-конфронтация* с реминисценциями прежнего взаимодействия (наиболее вероятный /наименее желаемый);
- *регресс*, неуклонное ухудшение с эпизодичным регулированием споров в кулуарах (вероятный / наименее желаемый);
- *жёсткая конфронтация*, провокации и соперничество за ресурсы и доступ к рынкам (вероятный /наименее желаемый);
- *сотрудничество-соперничество* (наименее вероятный / наиболее желаемый);
- *новые предложения* о частичном обновлении отношений (новый договорно-правовой режим, механизм решения разногласий, регулярный диалог политиков и экспертов) (наименее вероятный / наиболее желаемый).

При любом сценарии важно постепенно восстанавливать системный диалог, укреплять механизмы прагматического сотрудничества и искать варианты взаимной адаптации интересов и институтов.

Результаты исследования

1. В исследовании были обозначены основные параметры евроатлантической безопасности с начала 1990-х – до середины 2000-х гг. К ним относились сильная зависимость европейцев от НАТО и США, большое влияние американской военной мощи, политика США по закреплению лидерства, крепнущее политическое влияние ЕС, потеря инициативности со стороны России, которая не использовала свой потенциал.

По сути, в концепциях атлантизма, европеизма и «общеевропейского дома» были отражены целевые установки США, Евросоюза и России. Они вызвали расхождения между сторонами, которые не смогли согласовать механизмы евроатлантической безопасности. Система коллективной европейской безопасности «от Лиссабона до Владивостока» на основе ОБСЕ была отвергнута. Вместо неё США выдвинули идею расширяющегося евроатлантического пространства на основе НАТО, без участия России. При этом Франция пробовала развивать европейскую опору НАТО и не отказывалась от диалога с Москвой, которая в

то время ещё не могла проводить полностью самостоятельную внешнюю политику.

2. Прояснялся концепт неделимой и равной евроатлантической безопасности, выдвинутый российской стороной с целью противодействия новым вызовам. Был проведён анализ проекта договора о европейской безопасности от 29 ноября 2009 г. В его основе лежал тезис «не укреплять свою безопасность за счёт безопасности других».

Были выявлены расхождения США, ЕС и России на данном этапе: каждая из сторон продвигала своё видение, в основе которого лежит закрепление лидерства. Евросоюз и США оказались не готовыми заключить соглашение по европейской безопасности.

Несмотря на более активную независимую линию поведения, у России не было достаточно рычагов влияния, чтобы реализовать свои политические амбиции по созданию евроатлантического пространства безопасности. Тем не менее, изучение экспертных мнений показало актуальность концепта евроатлантической безопасности.

3. Рассматривалось развитие отношений США, ЕС и России в сфере безопасности при Б. Обаме. На основе изучения соглашений НАТО – ЕС в области кризисного реагирования объясняется, как изменился концепт евроатлантической безопасности без участия России. Москву не рассматривали равным партнёром, поэтому в её внешней политике укреплялся вектор на усиление евразийской интеграции.

Европейцы считали возможным укрепить военный потенциал через глобальное партнёрство с США. Выявлено, что у России и Запада имелись разные подходы к евроатлантической безопасности – институциональный и функциональный. США фактически не признали европейское и российское видение. К концу президентства Б. Обамы российско-американские отношения ухудшились до состояния «новой холодной войны». Украинский конфликт 2014 г. сделал концепт евроатлантической безопасности маргинальным.

4. На основе анализа правовой базы (Национальная стратегия безопасности США от 2017 г., Глобальная стратегия по внешней политике и политике безопасности ЕС от 2016 г., ежегодное выступление президента Франции Э. Макрона перед послами от 27 августа 2017 г., совместные коммюнике США и ЕС, НАТО и ЕС) были определены изменения в треугольнике США – ЕС – Россия при Трампе в 2017 – 2019 гг.

Курс Д. Трампа отличается тем, что трансатлантические отношения США и ЕС рассматриваются в нём как бизнес-проект. Это подталкивает европейцев к развитию военных возможностей, в частности, к созданию европейской армии. Хотя подобие иракского кризиса не ожидается, отношения США и ЕС существенно ухудшились. Автор приходит к выводу, что фактор Трампа ускорил центробежные процессы в евроатлантическом регионе и оживил разговоры о перспективах создания европейской армии. Система евроатлантической

безопасности нуждается в новых подходах, выходящих за рамки «диалог – сдерживание» России. Как и прежде, существуют три подхода к европейской безопасности: США выступают за ключевую роль НАТО, Франция – за поддержание европейской безопасности, а Россия – за равноправное сотрудничество.

5. Был проведён анализ экспертных оценок проблем евроатлантической безопасности. Большинство не исключают возобновление взаимодействия США, ЕС и России в сфере безопасности. Были предложены различные траектории развития их отношений: стагнация с мелкосиловым активизмом и избирательным сотрудничеством; диалог-конфронтация; регресс; жёсткая конфронтация; сотрудничество-соперничество; новые предложения о частичном обновлении отношений. Были представлены элементы новой многовекторной стратегии России и предложения для формирования новой модели евроатлантической безопасности – восстановление системного диалога, укрепление механизмов прагматического сотрудничества и поиск вариантов взаимной адаптации интересов и институтов.

В результате комплексного анализа автор приходит к следующим основополагающим выводам. Во-первых, актуальность концепта евроатлантической безопасности не вызывает сомнения. Поскольку архитектура безопасности при опоре на НАТО не обеспечивает стабильность, необходимо взаимодействие США, ЕС и России – перед лицом новых вызовов потребуются коллективное управление на справедливых и равных началах. В контексте глобальной стратегической нестабильности и эрозии режимов контроля над вооружениями мощь и влияние всех игроков подвергаются изменениям, их установки также адаптируются. Вследствие этого система евроатлантической безопасности не сможет постоянно воспроизводить стереотипы холодной войны.

Автор призывает искать нестандартные пути выхода из кризиса и выдвигает разные сценарии развития отношений США, Евросоюза и России, которые будут носить поливариантный характер. Анализ предыдущих этапов взаимодействия подтвердил, что система евроатлантической безопасности нуждается в серьёзной трансформации, чтобы она отражала, не только американское видение, но и европейские, и российские озабоченности. В любом случае она не может исключать Россию, её активного участника.

Во-вторых, европейские лидеры в канун 30-летия установления отношений с Россией склоняются к сбалансированному диалогу, отмене санкций и новой архитектуре безопасности. ЕС остаётся основным экономическим партнёром РФ. В-третьих, «транзакционный» подход Трампа подтолкнул европейцев укреплять оборонную интеграцию и искать компромисс с Россией. Фактор Трампа, бесспорно, оказал прямое влияние на евроатлантические отношения. Во-первых, с приходом «несистемного» президента США изменили тактику действий на евроатлантическом направлении (выход из многосторонних договорённостей; увеличение оборонных расходов; сложная игра с РФ в формате «диалог – сдерживание»).

Во-вторых, «транзакционный» подход Трампа подталкивает европейцев к укреплению оборонной интеграции и способствует селективному сотрудничеству США и РФ в ядерной сфере или ЕС и РФ в кризисном реагировании. Причём следует учитывать следующие закономерности: чем неопределённые становятся трансатлантические отношения, тем больше ЕС и США нуждаются в России; чем сильнее давление оказывает США на Россию, тем больше в Европе понимают ущербность политики сдерживания.

В-третьих, фактор Трампа сыграл неоднозначную роль для евроатлантических отношений США – ЕС – Россия. Он усугубил противоречия и подорвал правовую базу в области контроля над вооружениями. Трамп, казалось, стал символом антиглобалистских сил, углубляющим раскол западного мира, дрейфующего перед мощью незападных восходящих стран. Вместе с тем противоречивая позиция заставила ЕС и Россию искать точки соприкосновения.

В 2020 г. могут появиться возможности для нормализации отношений США – ЕС, США – РФ, ЕС – РФ и поиска нового статус-кво, и нынешний пат тогда закончится. Лидеры США и ЕС уже подают сигналы о готовности к взаимодействию по укреплению европейской безопасности.

В-четвёртых, в полицентричном мире, с учётом смещения фокуса на АТР, система евроатлантической безопасности перестаёт быть замкнутой на трансатлантических связях. Важно переосмыслить концепт в сторону сотрудничества с внерегиональными странами.

В-пятых, поскольку сложная игра в формате «диалог – сдерживание» продолжится, Россия должна ориентироваться в установках партнёров, вымерять свои шаги, тщательно продумывать разные стратегии в отношении переговоров с западными партнёрами, сформировать общую повестку, преодолеть внутренние препятствия к диалогу. В многовекторную стратегию следует включить контроль логики «неустойчивого сдерживания», механизмы для консультаций, «свежие» инициативы, широкоформатные дискуссии и вовлечение новых игроков (ЕАЭС, БРИКС).

На основе обстоятельного анализа эволюции системы евроатлантической безопасности и сравнения экспертных мнений целесообразно предложить следующие действия для формирования большой многовекторной стратегии России:

1. Контролировать логику «неустойчивого сдерживания» и согласовать меры по укреплению доверия, например, в рамках Форума по сотрудничеству в области безопасности ОБСЕ.

2. Создать новые эффективные механизмы для сотрудничества и консультаций, решения спорных проблем и предотвращения опасных инцидентов, например, трёхсторонние встречи руководства США, ЕС и России, перезапуск Делового консультативного совета, создание «группы мудрецов» из представителей экспертного сообщества для обсуждения новых угроз.

3. Выдвигать свежие инициативы и организовать широкоформатные дискуссии по проблемам реформирования евроатлантической безопасности,

контроля над вооружениями, предотвращения ядерной гонки, кризисного реагирования на Ближнем Востоке и в Африке; цифровой экономики, информационной безопасности, применения искусственного интеллекта, разработки норм и правил защиты от киберугроз, мирового развития (бедность, социально-экономический и технологический разрыв, здравоохранение, образование);

4. Вовлекать новых игроков (ЕАЭС, БРИКС) в евроатлантическое взаимодействие, а также в новые партнёрства в области мирового развития, чтобы предотвратить консолидацию закрытых блоков – НАТО и ЕС.

Поскольку затрагиваются национальные интересы, Россия должна участвовать в процессе формирования евроатлантической безопасности и вполне может поднять любой актуальный вопрос для обсуждения с американскими и европейскими партнёрами. Скорее всего, не сразу получится обсудить повестку с политическими лидерами, но необходимо широко осветить свою позицию.

Следует отметить, что эволюция системы евроатлантической безопасности является сложной, но всё же сама история учит терпению, умению просчитывать ситуацию, формировать общую повестку в сфере безопасности, умело встраиваться на благоприятных условиях. В перспективе отношения в треугольнике США – Евросоюз – Россия будут иметь поливариантный характер.

Изменения могут наступить в связи с подготовкой к президентским выборам в США, когда появится шанс для адресных консультаций. Тем временем новое руководство ЕС после брекзита сформирует своё видение евроатлантической безопасности и начнёт адаптацию к соперничеству великих держав – США, КНР и РФ. Сотрудничая с ЕС, важно поощрять попытки по увеличению военно-политического потенциала и наладить военно-техническое сотрудничество.

Полагаем, что международное сообщество не должно устраниваться от обсуждения параметров евроатлантической безопасности. Внерегиональные страны также должны иметь возможность оказывать влияние. По всей вероятности, отношения РФ и ЕС будут систематическими, отношения РФ и США – избирательными, а взаимодействие РФ и НАТО – эпизодичное.

В целом, несмотря на негативную динамику развития отношений США, ЕС и России, с приходом Трампа имеются основания для взаимодействия, характер которого зависит от того, какая модель организации евроатлантической безопасности – американская, европейская или российская, будет доминировать в перспективе.

Данная работа была задумана для побуждения к критическому осмыслению современных отношений США – ЕС – РФ, которые вовсе не застыли, а продолжают эволюционировать. В меняющемся мире для отечественной дипломатии важно быть гибкой, эффективной и адаптированной, синхронно реагировать на расстановку сил в евроатлантическом сообществе на многостороннем и двустороннем уровнях.

Об авторе:

Марина Михайловна Панюжева – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института США и Канады РАН. Хлебный переулок 2/3, Москва, Россия, 121069.
E-mail: marina-panyuzheva@rambler.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: October 30, 2019

Accepted: November 18, 2019

Euro-Atlantic Security in U.S. – EU – Russia Triangle and Trump Factor

M.M. Panyuzheva

DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-78-108

Institute of USA and Canada of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

Abstract: The article discusses the security relations among the United States, the EU and Russia in the context of Donald Trump's populism, the change of Western political elites and the erosion of arms treaty regimes. The purpose of the article is to analyze the current state and identify the probable scenarios of relations in the triangle of the USA – the EU – Russia. The article explores the features of the Euro-Atlantic security system from 1990's till the mid-2000's; the concept of Euro-Atlantic security in 2008-2009; the US, the EU and Russia relations under Barak Obama and Donald Trump. As a result of a comprehensive analysis, the author comes to the following conclusions: 1) the concept of Euro-Atlantic security is still relevant. Since the NATO based security arrangements are not stabile, security interaction among the USA, the EU and Russia is growing in importance. 2) European leaders seem to be moving towards building a new security architecture and a more balanced dialogue with Russia. The EU remains the main economic partner of the Russian Federation. 3) Trump's "transactional" approach has prompted Europeans to strengthen its defense identity and seek a compromise with Russia. 4) In a multipolar world, the Euro-Atlantic regional security is no longer closed to transatlantic ties. It is important to rethink the concept towards cooperation with non-regional countries. 5) The complex game of engagement and deterrence is likely to continue in relations between Russia and the West. The more uncertain the transatlantic relations become, the more the EU and the US need Russia.

Key words: Euro-Atlantic security system, European security, transatlantic relations, Atlantism, Europeanism, elite change, European army, global strategic instability, polycentric world, new world order.

About the author:

Marina M. Panyuzheva – Candidate of Sciences (History), Researcher of Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow, 121069, Khlebnyy per. 2/3. E-mail: marina-panyuzheva@rambler.ru.

Conflicts of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Anderson J. 2018. Rancor and Resilience in the Atlantic Political Order: The Obama Years. *Journal of European Integration*. №40 (5). P. 621-636. DOI: 10.1080/07036337.2018.1488841.
- Bindi F. 2019. *Europe and America: The End of the Transatlantic Relationship?* Washington D.C.: Brookings Institution Press. 311 p.
- European Security and Defence Policy: the First Ten Years (1999-2009)*. 2009. Ed. by G. Grevi, D. Helly and D. Keohane. P.: EU Institute for Security Studies. 448 p.
- Gordon Ph.H. and Shapiro J. 2004. *Allies at war. America, Europe and the crisis over Iraq*. The Brookings Institution, McGraw Hill. 266 p.
- Gromyko A.A. 2018b. Multi-Drifting and not yet Lost Opportunities. *Science-analytical vestnik IE RAN*. №6. P. 4-6. DOI: 10.15211/vestnikieran6201846.
- Haas R.N. 2008. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs*. №3. P. 44-56.
- Krauthammer Ch. 2002-2003. The Unipolar Moment Revisited. *The National Interest*. Vol. 70. P. 5-17.
- Mandelbaum M. 2006. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century*. New York: Public Affairs. 294 p.
- Maull H.W. 2019. The Once and Future Liberal Order. *The Survival Journal*. Vol. 61. P. 7-32
- Mazarr J.M. 2017. The Once and Future Order. What Comes After Hegemony? *Foreign Affairs*. 1. P.34-40.
- Nye J.S. Jr. 2017. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. *Foreign Affairs*. №1. P. 10-16
- Riddervold M., Newsome A. 2008. Transatlantic Relations in Times of Uncertainty: Crises and EU – US Relations. *Journal of European Integration*. №40(5). P. 505-521. DOI: 10.1080/07036337.2018.1488839.
- Slaughter A.-M. 1997. The Real New World Order. *Foreign Affairs*. №3. P. 183-197. DOI: <https://doi.org/10.2307/20048208>
- Van Oudenaren J. 2005. Transatlantic Bipolarity and the End of Multilateralism. *Political Science Quarterly*. №1. P. 1-32.
- Zakharia F. 2008. *The Post-American World*. New York: W.W. Norton & Company. 292 p.
- Arbatova N.K. 2015. Evro-Atlanticheskie otnosheniya v XXI veke: problemy i tsenarii [Euro-Atlantic Relations in the 20th Century: Problems and Scenarios]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. №11. P. 31-37. (in Russian)
- Baranovskij V.G. 2010. *Evroatlanticheskoe prostranstvo: vyzovy bezopasnosti i vozmozhnosti sovместного otveta* [Euro-Atlantic Region: Security Threats and the Opportunities of Common Response]. Report for the Euroatlantic Security Initiative (EASI). München. Moscow: IMEMO RAN. 41 p. (in Russian)

Baranovskij V.G. 2017. Transformatsiya global'nogo miroporyadka: dinamika sistemnykh izmenenij [Transformation of Global World Order: Systematic Changes' Dynamic]. *Polis. Political Studies*. №3. P. 71-91. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.05 (in Russian)

Batyuk V.I. 2009. *Regional'nye voennye komandovaniya SSHA* [U.S. Regional Military Commands]. Moscow: ISKRAN. 72 p. (in Russian)

Bogaturov A.D., Averkov V.V. 2012. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenij. 1945-2008: Ucheb. posobie dlya studentov vyzov* [History of International Relations. 1945-2008: Book for University Students]. Moscow: Aspekt Press. 520 p. (in Russian)

Evropeizm i atlantizm v politike stran Evropejskogo soyuza. 2009. [Evropeizm and Atlantizm in Politics of EU Countries]. Eds. N.K. Arbatov. Moscow: IMEMO RAN. 118 p. (in Russian)

Global'nyj prognoz RSMD 2019-2024: sbornik. 2019 [Global Prognosis RCIR 2019-2024]. Moscow: NP RSMD. 268 p. (in Russian)

Gromyko A.A. 2018a. Global'nyj mir: riski i vozmozhnosti [Global World: Risks and Opportunities]. *Contemporary Europe*. №1. P. 137-147. DOI: 10.15211/soveurope12018137147 (in Russian)

Gromyko A.A. 2018c. Raskolotyj Zapad: posledstviya dlya Evroatlantiki [The West Divided: Consequences for Euro-Atlantic]. *Contemporary Europe*. №4. P. 5-16. DOI: 10.15211/soveurope420180516 (in Russian)

Iokhin V.Ya. 2018. Formirovanie novogo miroporyadka i Rossiya [Forming the New World Order and Russia]. *Contemporary Europe*. №6. P. 104-111. DOI: 10.15211/soveurope62018104111 (in Russian)

Kissinger G. 2015. *Mirovoj poryadok*. per. s angl. V. Zhelninova, A. Milyukova [World Order]. Tr. from English V. Zhelninova, A. Milyukova. Moscow: Izdatel'stvo AST. 512 p. (in Russian)

Megatrendy: Osnovnye traektorii evolutsii mirovogo poryadka v XXI veke. 2014. [Megatrends: Key Directions of World Order Evolution in 21st Century:]. Moscow: Aspekt Press. 448 p. (in Russian)

Nye J. 2004. "Myagkaya sila" i amerikano-evropejskie otnosheniya ["Soft Power" and American-European Relations]. *Svobodnaya mysl'*. 10 (1548). P. 33-41. (in Russian)

Obitckina E.O. 2004. Frantsiya – SSHA: dve modeli mira [France – the U.S.: Two World Views]. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. №4. P. 23-39. (in Russian)

Panyuzheva M.M. 2016. Evropejskaya bezopasnost': atlantizm i evropeizm [European Security: Atlantism and Europeism]. *Contemporary Europe*. 1 (67). P. 63-75. DOI: 10.15211/soveurope120166375 (in Russian)

Panyuzheva M.M. 2018. Vneshnepoliticheskaya komanda D. Trampa i politika SSHA v otnoshenii Evropy [Donald Trump's Foreign Policy Team and U.S. Policy toward Europe]. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. 12 (588). P. 51-58. DOI: 10.31857/S032120680002702-6 (in Russian)

Prihod'ko O.V. 2004. *Transatlanticheskie otnosheniya v sfere bezopasnosti i ikh vliyanie na vneshnepoliticheskie pozitsii Rossii* [Transatlantic Relations in the Security Sphere and Its Influence on Russian Foreign Policy Stance]. Moscow: ISKRAN. 177 p. (in Russian)

Problemy transatlanticheskikh otnoshenij v n. XXI veka 2007. [Problems of Transatlantic Relations in the Beginning of XXI Century]. Eds. V.A. Kremen'yuk, T.A. Shakleina. Moscow: ISKRAN. 179 p. (in Russian)

Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. [Contemporary International Relations]. Eds. by A.V. Torkunov, A.V. Malygin. Moscow: Aspekt Press. 688 p. (in Russian)

Troitskij M.A. 2004. *Transatlanticheskij soyuz. 1991-2004. Transformatsiya sistemy Amerikano-Evropejskogo partnerstva posle raspada bipolyarnosti* [Transatlantic Alliance. 1991-2004. Transformation American-European Partnership System]. Moscow: NOFMO. 252 p. (in Russian)

Yakovlev P.P. 2017. Faktor Trampa i menyayushchejsya oblik globalizatsii [Trump's Factor and Changing Face of Globalization]. *World Economy and International Relations*. №7. P. 5-14. (in Russian)

Zueva K.P. 2004. Vneshnyaya politika Frantsii v epokhu neogollizma [French Foreign Policy in the Neogollizm Stage]. *World Economy and International Relations*. №1. P. 76-81. (in Russian)

Литература на русском языке:

Арбатова Н.К. 2015. Евро-атлантические отношения в XXI веке: проблемы и сценарии. *Мировая экономика и международные отношения*. №11. С. 31-37.

Барановский В.Г. 2010. *Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа*. Доклад для Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). Мюнхен, 7-8 февраля. Москва: ИМЭМО РАН. 41 с.

Барановский В.Г. 2017. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений. *Полис. Политические исследования*. №3. С. 71-91. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.05

Батюк В.И. 2009. *Региональные военные командования США*. Москва: ИСКРАН. 72 с.

Богатуров А.Д., Аверков В.В. 2012. *История международных отношений. 1945-2008: Учеб. пособие для студентов вузов*. Москва: Аспект Пресс. 520 с.

Глобальный прогноз РСМД 2019-2024: сборник. 2009 / И.Н. Тимофеев [и др.]. Москва: НП РСМД. 268 с.

Громыко А.А. 2018a. Глобальный мир: риски и возможности. *Современная Европа*. №1. С. 137-147. DOI: 10.15211/soveurope12018137147

Громыко А.А. 2018b. Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики. *Современная Европа*. №4. С. 5-16. DOI: 10.15211/soveurope420180516

Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза. 2009. Отв. ред. Н.К. Арбатова. Москва: ИМЭМО РАН. 118 с.

Зуева К.П. 2004. Внешняя политика Франции в эпоху неоголлизма. *Мировая экономика и международные отношения*. №1. С. 76-81.

Иохин В.Я. 2018. Формирование нового миропорядка и Россия. *Современная Европа*. №6. С. 104-111. DOI: 10.15211/soveurope62018104111

Киссинджер Г. 2015. *Мировой порядок* [пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова]. Москва: Издательство АСТ. 512 с.

Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. 2014. Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. Москва, Издательство «Аспект Пресс». 448 с.

Най Дж. 2004. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. *Свободная мысль – XXI*. 10 (1548). С. 33-41.

Обичкина Е.О. 2004. Франция – США: две модели мира. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2004. 4. С.23-39.

Панюжева М.М. 2016. Европейская безопасность: атлантизм и европеизм. *Современная Европа*. 1 (67). С. 63-75. DOI: 10.15211/soveurope120166375

Панюжева М.М. 2018. Внешнеполитическая команда Д. Трампа и политика США в отношении Европы. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 12 (588). С. 51-68. DOI: 10.31857/S032120680002702-6.

Приходько О.В. 2004. *Трансатлантические отношения в сфере безопасности и их влияние на внешнеполитические позиции России*. Москва: ИСКРАН. 177 с.

Проблемы трансатлантических отношений в н. XXI века. 2007. Отв. ред. В.А. Кременюк, Т.А. Шаклеина. Москва: ИСКРАН. 179 с.

Современные международные отношения. 2014. Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Малыгина. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 688 с.

Троицкий М.А. 2004. *Трансатлантический союз. 1991-2004. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности*. Москва: НОФМО. 252 с.

Яковлев П.П. 2017. Фактор Трампа и меняющийся облик глобализации. *Мировая экономика и международные отношения*. №7. С. 5-14.

«Безбилетники» либерального порядка: повестка международного развития и символические политики восходящих держав

А.В. Макарычева, Н.Ю. Силаев, И.В. Данилин, А.Д. Чеков, Э.П. Шавлай, С.А. Столярова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Запад обеспокоен кризисом либерального глобального порядка и связывает этот кризис с политикой восходящих центров силы: Китая, Индии, России. В какой мере верен этот тезис? Опираясь на теорию социальной идентичности, авторы анализируют подходы восходящих держав к вопросам международного развития в категориях статусной динамики. Мы рассматриваем три сюжета. Первый – это полемика о повестке развития ООН, в которой проявились противоречия между западными и не-западными подходами. Второй – это сдвиги, которые произошли в последние десятилетия в составе доноров и реципиентов международной помощи. Третий – это научно-технические дискурсы восходящих держав в связи с их самопрезентациями на оси «отсталость – развитость». Наш ключевой вывод состоит в том, что кризис либерального порядка – как системы институтов, созданной Соединёнными Штатами и их союзниками после Второй мировой войны – проявляется в нарушении символического обмена между «развитыми» и «развивающимися» странами. Восходящие державы отказывают Западу в признании за ним статуса наиболее авторитетной инстанции политических оценок и лидера, определяющего направление международного развития. Наряду с этим они сами стремятся обрести статус лидеров развития, используя для этого, во-первых, собственные программы международной помощи (покровительство «отстающим»), а во-вторых, свои научно-технические программы. Однако символический вызов либеральному порядку со стороны восходящих держав не отличается единодушием и последовательностью. Если Россия в своей символической политике стремится обрести статус «развитого не-Запада» (по сути, воспроизводя самопрезентацию Советского Союза), то Индия и Китай, хотя и в разной мере, удерживают сразу две позиции: развитых, растущих индустриальных держав и развивающихся стран, принимающих помощь со стороны самых благополучных членов международного сообщества. Готовность ряда восходящих держав пользоваться ресурсами Запада и возможностями созданного им международного порядка, одновременно отказывая ему в признании его высокого статуса, и приводит к нарушению символического обмена. Таким образом, в области символического обмена воспроизводится «проблема безбилетника», сформулированная в экономической теории: восходящие державы пользуются благами созданного Западом глобального

УДК: 327.5

Поступила: 11.10.2019 г.

Принята к публикации: 10.12.2019 г.

порядка, не признавая за ним статус, на который тот рассчитывает, и отказываясь поддерживать символическую иерархию, которую тот видит основой данного глобального порядка.

Ключевые слова: восходящие державы, альтернатива либеральному порядку, «большие вызовы», кризис международного порядка, повестка глобального развития, международная помощь, глобальное управление.

Поднимают ли восходящие державы¹ глобальный порядок? До недавнего времени их рост описывался в категориях глобализации: растущие центры силы рассматривались как часть организованной, структурированной и поддерживаемой Западом системы международных институтов, пользовались благами и преимуществами, которые эта система предоставляла, и признавали при этом гегемонию Запада (Patrick 2010: 44-53). Однако в последние годы тон дискуссии стал постепенно меняться: Китай, Индию и другие растущие державы всё чаще оценивают не как благодарных бенефициаров глобализации, а как силу, которая меняет сложившийся ранее глобальный порядок, предусматривающий лидерство Запада.

Но в чём состоит вызов? Учреждение G20 выглядело не как завоевание новыми державами позиций в системе глобального управления, а как мягкая консенсусная реформа, тем более она не отменила объединяющую Запад G7. Международные экономические институты, вроде созданного Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, не обрели пока влияния, сопоставимого с тем, каким пользуются МВФ или Всемирный банк. Нет признаков политической консолидации незападных держав, хотя бы отчасти сопоставимой с таким альянсом как НАТО. США и Китай ведут торговые войны, но пока удерживаются от того, чтобы наносить друг другу действительно серьёзный ущерб.

Кризис либерального порядка

Разделяемого определения либерального мирового порядка у исследователей нет. Дж. Айкенберри характеризует его как совокупность ряда принципов в различных, периодически меняющихся комбинациях: свободный рынок, международные организации, коллективная безопасность, демократическое общество, верховенство права и др. Он выделяет несколько версий или моделей этого либерального порядка. (Ikenberry 2009: 71-87). Определения других иссле-

¹ Спор насчёт того, относить ли Россию к восходящим или переживающим закат державам, идёт довольно долго и едва ли будет разрешён в скором времени. Но поместить её в один ряд с Китаем и Индией в данном случае можно хотя бы на основании того, что она признана всеми в качестве одного из главных оппонентов глобального либерального порядка.

дователей носят не столь всеобъемлющий характер и сводятся к тому, что либеральный порядок – это, прежде всего, либеральная демократия, капитализм, открытая торговля. А международные организации выступают в качестве столпов этого порядка, поддерживающих его (Flockhart 2014). Успешное глобальное управление очень часто ассоциируется с существованием либерального мирового порядка (Ikenberry 2011: 56-68).²

В рамках данной статьи мы будем придерживаться следующего определения либерального мирового порядка: это та совокупность международных организаций и институтов, которая была создана США и их союзниками – Великобританией и континентальной Европой, – после Второй мировой войны (Flockhart 2014: 4; Ikenberry 2011: 56). Настоящее определение является наиболее универсальным, признаваемым многими авторами, и позволяет отразить значимые для настоящего исследования характеристики данного порядка, в том числе роль США в его структурировании, их доминирующее положение в рамках этого порядка, которое восходящие державы якобы стремятся оспорить.

За последние годы тезис о разворачивающемся кризисе либерального мирового порядка стал мейнстримом, если не общим местом (Barma, Ratner, Weber 2013: 56-57). У западных исследователей (да и политиков) это вызывает беспокойство: они убеждены, что именно благодаря этому порядку обеспечиваются мир и стабильность на глобальном уровне. В этой связи внимание стало уделяться не самой констатации кризиса, а более детальному изучению его причин, особенностей и последствий (Duncombe, Dunne 2018: 25-42).

Дж. Миршаймер исходит из того, что либеральный мировой порядок может существовать только в однополярном мире, возглавляемым либерально-демократическим государством (Mearsheimer 2019: 7-50). А нынешний мировой порядок назвать однополярным уже довольно сложно. Дж. Айкенберри более оптимистичен. Он связывает кризис либерального миропорядка с политическими ошибками американских администраций, особенно Дж. Буша-младшего, включая стратегию «войны с террором», вторжение в Ирак и др. Эпоха лидерства США начинает постепенно проходить, происходит поворот к многополярности, а также возникают конкурентные, не либеральные проекты создания миропорядка (Ikenberry 2011: 11-14). С этой точки зрения, кризис будет устранён, если Соединённые Штаты не будут допускать прежних ошибок. По другому мнению, кризис либерального мирового порядка связан даже не с Дж. Бушем-младшим, а с Дональдом Трампом (Stokes 2018: 133-150); примером здесь служит выход из международных соглашений, инициированный нынешним президентом США (Kaufman 2017: 251-266; Dombrowski, Reich 2017: 1013-1037).³

² См., например, Nossel S. The World's Rising Powers Have Fallen. *Foreign Policy*. 2016, July 6. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/07/06/brics-brazil-india-russia-china-south-africa-economics-recession/> (accessed: 12.11.2019).

³ См. также: Patrick M. 2017. Stewart An Open World Is in the Balance. What Might Replace the Liberal Order? *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/blog/open-world-balance-what-might-replace-liberal-order> (accessed: 12.11.2019).

Тема кризиса либерального порядка тесно связана с обсуждением роли восходящих держав в международной политике. Ещё в 2008 г. Ф. Закария в своей книге «Постамериканский мир» указал на то, что в то время как США продолжают доминировать в военно-политической сфере, такие государства как Индия и Китай становятся конкурентоспособными игроками во многих других областях (Zakaria 2008). Майкл Цюрн говорит о том, что происходят стремительные изменения в распределении власти между государствами. Роль восходящих держав в глобальной экономике значительно возросла, в этой связи они стремятся преобразовать рыночный потенциал в своё влияние в рамках международных организаций (Stephen, Zürn 2019). Некоторые исследователи считают, что для восходящих держав, которые хотят отстаивать свои собственные интересы, либеральный порядок едва ли приемлем (Acharya 2017: 271-272; Nye 2017: 10). Меттью Стефен отмечает, что восходящие державы обладают экономикой с более высокой долей государственного участия, в связи с чем не могут быть полностью интегрированы в транснациональные капиталистические структуры (Stephen 2014: 912-938).

В связи с этим многие исследователи полагают, что в мире происходит поляризация и формирование двух соперничающих лагерей. Один лагерь представляют западные либеральные государства, другой – «опасные авторитарные государства», прежде всего, Китай и Россия. С появлением новых восходящих государств клуб великих держав становится крайне неоднородным (Stephen 2017: 483-484), это затрудняет принятие решений в рамках крупных международных организаций (Lesage 2015). Подъём новых игроков способствует росту конкуренции и конфликтности в международной системе и подрывает возможности для глобального сотрудничества. Угрозу роста конфликтности в международной политике – вплоть до возможности крупного международного конфликта – в связи с вызовом либеральному мировому порядку со стороны восходящих держав обсуждают Т. Рис и Р. Швеллер (Ries 2016: 32-34; Schweller 2011: 285). Для того чтобы инкорпорировать их в существующий либеральный порядок и структуры, рекомендуется усилить правила и институты либерального международного порядка, а также разделить с новыми державами определённые полномочия (Deudney, Ikenberry 2009: 77). Европа и США могут строить с ними отношения на принципах открытости и права (Ikenberry 2010: 509-521), схожий подход отстаивают и другие исследователи (Drezner 2007: 34; Sørensen 2011: 153-155).

Особое внимание в этом контексте уделяется Китаю. Он столь стремительно наращивает мощь, что, по мнению исследователей, представляет собой определённую проблему не только для Запада, но и для других восходящих держав (Beeson, Zeng 2018: 1962-1978), со временем другие государства начнут воспринимать Китай как растущую угрозу своей безопасности (Ikenberry 2008: 23). С Китаем и его примером многие авторы связывают подъём национализма среди развивающихся государств, что выражается в экономической и политиче-

ской сферах, а также в так называемом «кибернационализме» (Modongal 2016). Есть предположение о том, что Китай стремится трансформировать международную систему таким образом, чтобы она, прежде всего, отвечала его интересам (Ikenberry, Parmar, Stokes 2018: 1-5). В то же время по поводу будущего Китая консенсуса нет. Н. де Грааф и Б. ван Апeldoорн полагают, что Китай может как подрывать существующий порядок, так и интегрироваться в него или пытаться создать некое новое транснациональное сообщество с Пекином в главной роли (De Graaff, Van Apeldoorn 2018: 113-131).

Неопределённость позиции восходящих держав по отношению к мировому либеральному порядку, пожалуй, лейтмотив большинства работ по данной теме. По мнению С. Ширма, существует серьёзное расхождение между амбициями растущих держав, включая Индию, Китай, Россию и др., и их реальными возможностями (Schirm 2010: 197-221). С одной стороны, восходящие державы пытаются создать собственные международные институты, конкурирующие с западными – как созданный Китаем в 2014 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Hameiri, Jones 2018: 573-593). С другой стороны, эти институты пока не обрели влияния, сопоставимого с влиянием, например МВФ или Всемирного банка. М. Калер отмечает, что восходящие державы скорее ориентированы не на прямую конкуренцию с институтами либерального мирового порядка, а на умеренные шаги по повышению своего влияния в рамках существующих форумов и организаций, а также на то, чтобы сохранить свою автономию в принятии решений (Kahler 2013: 711-729).

Отметим, что авторы, которые обращаются к теме кризиса мирового либерального порядка, не имеют единого мнения о том, чем именно восходящие державы угрожают либеральному мировому порядку. Исследователи в целом согласны, что восходящие державы оспаривают доминирование Запада. Но чем именно маркируется и в чём проявляется это оспаривание в условиях, когда институциональные сдвиги в международной системе выражены сравнительно слабо? Как мы полагаем, чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к анализу статусной динамики и символических политик восходящих держав.

Статус и символическая политика

Александр Вендт заметил, что государства социально конструируются как антропоморфные сущности, им приписывают стремления, интересы, желания и убеждения (Wendt 1999: 195-197). Идентичность государств, по убеждению А. Вендта, конструируется как в образе «себя», так и в противопоставлении себя другим, а статус является неотъемлемой частью идентичности (Wendt 1999: 227).

Статус является критерием социальной значимости того или иного субъекта международной системы в отношениях с другими (Weber 1978: 87-88), при этом само признание этого статуса исходит от других государств. Иными словами, статус представляет собой совокупные или коллективные представления

о месте того или иного государства в системе международных отношений на основании тех ценностей, которые признаются значимыми (Larson, Wohlforth 2014: 6-10). А для того, чтобы достичь определённого статуса, государство может выбрать один из трёх возможных сценариев: либо отказаться от принятия существующих норм и правил, либо повысить свою значимость в рамках существующей системы путём принятия устоявшихся норм и правил. Или же, наконец, найти качественно новое направление социальной реальности, где государство могло бы играть доминирующую роль (Larson, Shevchenko 2010: 70-75).

Статусная динамика может проявлять себя в международных институтах, однако для нашей темы важнее её символические аспекты. Символическая власть как способность создавать и утверждать определённые социальные категории и в целом картину социального мира (Бурдые 2014: 89) и символическая политика как целенаправленные действия по выстраиванию определённой картины мира тесно связаны с соперничеством по поводу статуса. Фокусируя анализ на символических политиках восходящих держав, мы прослеживаем, как строятся их статусные самопрезентации в отношении других участников международной системы, прежде всего, ведущих западных стран, и как полемика о статусе разворачивается на символическом плане.

Такой подход позволяет анализировать в единой логике сюжеты, которые обычно не объединяются в одном исследовании. Мы рассматриваем символические политики восходящих держав по трём направлениям. Во-первых, мы исследуем их полемику с Западом по повестке международного развития, прослеживая проявления статусной динамики в обсуждавшихся политических разногласиях. Во-вторых, мы оцениваем их участие в программах международной помощи – как доноров и как реципиентов – и выясняем, как они позиционируют себя на условной оси между «развитостью» (благополучные и ответственные члены международной системы, оказывающие помощь менее благополучным) и «отсталостью» (страны, которым не хватает собственных ресурсов для развития). Наконец, в-третьих, мы проверяем их позиционирование по той же оси, изучая их программы научно-технического развития. Мы предполагаем, что такой дизайн исследования позволит увидеть позиции восходящих держав по отношению к либеральному мировому порядку более многомерно, чем если бы мы сосредоточились на каком-либо одном аспекте взаимоотношений Запада и не-Запада.

Международное развитие и международная помощь

Саммит тысячелетия ООН (2000) состоялся в момент неоспоримой гегемонии Запада и торжества глобального либерального порядка. Принятые на саммите «Цели развития тысячелетия» отражали готовность наиболее развитых государств мира оказать помощь менее благополучной части человечества. К целям были отнесены:

- ликвидация нищеты и голода,
- обеспечение всеобщего доступа к получению начального образования,
- гендерное равенство,
- снижение уровня детской смертности,
- борьба с ВИЧ, СПИД и другими заболеваниями,
- вопросы экологии и устойчивого развития окружающей среды и др.⁴

Как можно заметить, этот список носил вполне патерналистский характер. В отличие от подходов, практиковавшихся ООН в годы холодной войны, акцент был сделан не на экономическом росте в развивающихся странах, а непосредственном решении их наиболее острых социальных проблем. В определении повестки также немалую роль играли идеологические предпочтения Запада в виде заботы о гендерном равенстве и окружающей среде.

В 2013 г. была учреждена Открытая рабочая группа ГА ООН по целям устойчивого развития. Она должна была сформулировать планы международного сообщества в этой области до 2030 г. Основные споры были связаны с политическими пунктами повестки. Так, обсуждение Цели №16, связанной с обеспечением мира, вызвала столкновение, стороны которого легко можно было идентифицировать как «Запад» и «Не-Запад». С одной стороны, так называемые «Сторонники верховенства права» (*Friends of the Rule of Law*) стремились продвинуть включение в данный пункт демократическое правление, верховенство права и права человека⁵. С другой стороны, «Группа 77», объединяющая развивающиеся страны, а также Россия и Китай стремились не допустить принятия такой формулировки, напротив, сделав акцент на прекращении иностранной оккупации вместо дальнейшего «развязывания рук» западным государствам. В конечном счёте, Цель 16 стала звучать следующим образом: «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчётных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях».

Вообще, незападные страны указывали на перекося в сторону постконфликтного миростроительства и государственного строительства, под последнее направление выделялось целых 17 задач (Бартенев 2015: 11). Это, во-первых, способствовало политизации повестки международного развития, а, во-вторых, по сути, ставило незападные страны в положение подотчётных Западу, особенно в вопросах демократии, прав человека, верховенства закона, гендерного равенства и проч. К тому же западные страны активно привлекали к дискуссии международные неправительственные организации, наиболее влиятельные из

⁴ Цели развития тысячелетия. Организация Объединённых Наций в Российской Федерации. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/millennium-development-goals> (дата обращения: 12.11.2019).

⁵ Intergovernmental negotiations on the Post-2015 Development agenda. Declaration session. Remarks by Ambassador Martin Sajdik as Coordinator of the Group of Friends of the Rule of Law. 17 to 20 February 2015. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/13022sajdik.pdf> (accessed: 12.11.2019).

которых представляли и поддерживали повестку стран Запада (Ibid.: 11-13), по сути, усиливая его символическую власть.

Позиция незападных стран в дискуссии о целях устойчивого развития содержала в себе два ключевых элемента. Первым был акцент на суверенитете. Суверенитет был и остаётся важным для восходящих держав, поскольку именно государство, его институты и его аппарат выступают для них главным агентом развития. Обсуждение Пекинского (Yao 2015: 1-4; Kennedy 2010: 461-477; Williamson 2012: 1-16; Huang 2010: 31-47) и в меньшей степени Делийского консенсуса (Галищева 2014: 2-8; Брагина 2014: 92-99) как альтернативы Вашингтонскому хорошо это демонстрирует. Если в логике Вашингтонского консенсуса и идейно связанной с ним глобализации агентами развития представляли свободные рынки и транснациональные корпорации, то экономический подъём азиатских держав был связан с целенаправленной политикой государств, напротив, стремящихся сдержать стихию международных рынков, особенно финансовых. Вторым элементом было сопротивление символическому (а значит, и статусному) доминированию Запада. Восходящие державы так последовательно выступают против насыщения повестки международного развития темами демократии и прав человека. Эти темы обеспечивают символическое (по Бурдьё) доминирование Запада над не-Западом, учреждая и легитимируя внешние инстанции оценки незападных государств, что ставит их в международной статусной иерархии ниже ведущих государств Запада.

Таким образом, в полемике по повестке международного развития раскол оказался чётким. Иначе обстоит дело с международной помощью. Первоначально те, кого ныне принято относить к восходящим державам, не исключая и Россию, были реципиентами международной помощи. В начале 2000-х Китай и Индия были среди крупнейших получателей международной помощи (Дегтерёв 2012: 52). Но по мере их быстрого роста это положение менялось. Традиционные доноры, например, Великобритания, с начала 2010-х гг. отказались финансировать крупные государства с бурно развивающимися экономиками и рынками, в том числе Россию, КНР и особенно Индию, куда было вложено порядка 1 млрд фунтов с 2008 по 2012 гг.⁶ Здесь присутствовал и определённый политический расчёт, касающийся лояльности при голосовании в ГА ООН. Поскольку действует принцип «одна страна – один голос», доноры предпочитают оказывать помощь многим маленьким странам, а не одной-двум крупным.

При этом восходящие державы сами начали предоставлять помощь развивающимся странам. Так, страны БРИКС в основном относят к *новым донорам*, западные страны – к *традиционным донорам* (в основном ОЭСР), ряд исследователей в отдельности рассматривают *арабских доноров* (Авалян, Бутова, Дегте-

⁶ UK to end financial aid to India by 2015. *BBC News*. 2012, November 9. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-20265583> (accessed: 12.11.2019).

рёв ... 2015: 138). Традиционные доноры в целом реализуют оказание помощи, направленной на либерализацию экономик стран-получателей этой помощи. Они в большей степени сконцентрированы на таких вопросах как гендерное равенство, вопросы экологии, постконфликтное урегулирование, верховенство права, доступ к образованию и ряд других вопросов. Среди ценностных ориентиров этих стран можно встретить права женщин и сексуальных меньшинств, толерантность, свободу СМИ, либерализацию экономики, продвижение которых, в конечном счёте, приводит к ослаблению традиционных ценностей и институтов управления в странах-реципиентах (Дегтерёв 2012: 54). Что касается искоренения бедности, то данная группа стран с энтузиазмом выступает в поддержку этой инициативы, указывая при этом на то, что данная проблема является тесно связанной с вопросами защиты окружающей среды, ведь её можно успешно решать за счёт грамотного использования природных ресурсов, особенно возобновляемых источников энергии (Авалян, Бутова, Дегтерёв ... 2015: 140). Предполагается, что поставлять технологические решения по зелёной энергетике развивающимся странам будут развитые.

Что касается решения социальных и гуманитарных вопросов в рамках повестки глобального развития, продвигаемой западными государствами, стоит отметить, что вектор сместился в сторону глобальных международных фондов, которые проявляют высокую степень активности в отношении подобного рода проблем. Одним из наиболее примечательных фондов является Фонд Билла и Мелинды Гейтс, который занимается вопросами глобального развития в развивающихся странах, в целом коррелирующих с Целями устойчивого развития ООН⁷. Кроме того, существуют такие организации как Институт «Открытое общество» или Фонд Сороса⁸, который поддерживает реализацию программ в области образования, здравоохранения, культуры и искусства⁹; Фонд Уильяма и Флоры Хьюлетт, который примечателен тем, что занимается не только проблемами развития, но и вопросами экологии и окружающей среды, а также сферой кибербезопасности¹⁰; Фонд Форда, который был создан для финансирования программ в поддержку демократии, снижения уровня бедности и продвижения международного сотрудничества¹¹, а также многие другие.¹²

Политика новых доноров, представленных преимущественно государствами «глобального Юга», нацелена на взаимодействие по принципу «Юг – Юг» (Дегтерёв 2013: 71). Они подчёркивают необходимость борьбы с бедностью, ис-

⁷ См. подробнее: <https://www.gatesfoundation.org/> (accessed: 12.11.2019).

⁸ Open Society Foundations.

⁹ Salazar N. Top 10 philanthropic foundations: A primer. *Devex*. 2011, August 1. URL: <https://www.devex.com/news/top-10-philanthropic-foundations-a-primer-75508> (accessed: 12.11.2019).

¹⁰ William and Flora Hewlett Foundation. Official website. URL: <https://hewlett.org/> (accessed: 12.11.2019).

¹¹ Ford Foundation. URL: http://nlr.ru/prof/social_funds/fund/19.html (accessed: 12.11.2019).

¹² См., например: Salazar N. Top 10 philanthropic foundations: A primer. *Devex*. 2011, August 1. URL: <https://www.devex.com/news/top-10-philanthropic-foundations-a-primer-75508> (accessed: 12.11.2019).

коренения неравенства, доступа к технологиям, отсутствие которого ведёт за собой неизбежное многократное отставание в развитии. Например, Россия в основном оказывает помощь странам СНГ (Round, Odedokun 2004: 293-309), а также экстренную гуманитарную помощь, как это было в Сирии¹³. Индия оказывает помощь преимущественно странам Юго-Восточной и Южной Азии, в меньшей степени – центральноазиатским республикам и Африке (Дегтерёв 2014: 6). Постепенно помощь начинает оказываться и странам Латинской Америки, а также государствам Центральной Азии (Потапенко 2014: 19-30). Китай в настоящее время выделяет развивающимся странам большее число кредитов, чем Всемирный банк¹⁴.

Однако восходящие державы не отказывались от международной помощи, которая оказывается им самим. Например, Китай стремится привлечь прямые иностранные инвестиции и получить помощь со стороны других государств (Дегтерёв 2014: 6). Позиционируя себя как лидеров развития, способных оказывать помощь «отстающим», Китай и Индия в то же время не исключают, что могут сами получать помощь от более благополучных членов международного сообщества, т. е. от Запада. Во всяком случае, западную помощь они отвергают далеко не так энергично, как претензии Запада на роль оценивающей инстанции.

Восходящие державы перед «большими вызовами»

Ценность понятия «большие вызовы» для нашего анализа определяется его синтетическим характером. Это понятие тесно связано с повесткой международного развития и зародилось в ходе дискуссий на эту тему в ООН. В то же время оно активно применяется в практике отдельных государств и организаций по планированию научно-технического развития. Таким образом, оно сплетает в единое поле как проблематику международного развития, так и социально-экономические стратегии восходящих держав.

Несмотря на то, что изначально тематика «больших вызовов» имела едва ли не гуманитарные основы и/или сильный внешнеполитический акцент, сами «вызовы» и те национальные дискурсы, на базе которых тема развивалась впоследствии, объективно привели к росту значения научно-технологической тематики как отдельного измерения дискуссий о «больших вызовах». Наиболее известны в данном отношении усилия Европейского союза (ЕС), где после интенсивный дискуссий 2009-2012 гг. «большие» социетальные вызовы стали ключевым структурирующим фактором 7-й Рамочной программы по исследо-

¹³ Более 80% гуманитарной помощи от России получила Сирия. *РБК. Экономика*. 26 ноября 2018 г. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/11/2018/5bf7db229a7947b3fd400634> (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁴ Катасонов В. Китай – на первом месте в мире как международный финансовый донор. *Фонд стратегической культуры. Экономика*. 1 мая 2018 г. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/05/01/china-na-pervom-meste-v-mire-kak-mezhdunarodnyj-finansovyy-donor-46056.html> (дата обращения: 12.11.2019).

ваниям и инновациям «Горизонт 2020» (2014-2020 гг.)¹⁵. Понятие стало активно использоваться в научно-технологическом дискурсе отдельных глобальных неправительственных структур. Особую роль в этом процессе сыграл Фонд Билла и Мелинды Гейтс. В своей речи на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2003 г. бывший глава *Microsoft* Билл Гейтс объявил о запуске новой инициативы Фонда под названием «*Большие вызовы в глобальном здравоохранении*» («*Grand Challenges in Global Health*»)¹⁶.

Синтетический характер понятия и его широкое распространение позволяют, сравнивая дискурсы восходящих держав о больших вызовах, судить о том, как каждая из них видит себя на оси между «развитостью» и «отсталостью».

В Индии была запущена инициатива «*Большие вызовы: Индия*» (*Grand Challenges India*).¹⁷ Приоритеты сформулированы как снижение материнской и детской смертности и заболеваемости, научно-технические решения для борьбы с инфекционными заболеваниями, для развития сельского хозяйства и решения проблемы продовольствия.

Как и во многих иных странах, использование термина имеет явно выраженные коннотации с научно-технологическим развитием. Вызовы выхода индийской экономики на новый качественный уровень и поддержание высоких темпов экономического роста (7-8%) как одна из целей экономической политики, конкуренция с Китаем, стремительно растущее население определяют интерес к технологическому прорыву.

В индийской трактовке «больших вызовов» научно-технологическое развитие тесно связано с социальным контекстом. Подобный подход получил название «воссоединение науки с населением»¹⁸ или, иначе, «наука для человека» – вместо «человека для науки»¹⁹. Как следствие, немалая часть усилий направлена на решение бытовых проблем низших слоёв населения и весьма утилитарные, небольшие задачи. Одним из проявлений подобного «бытового» подхода является и недавняя инициатива – «*National Grand Challenge Awards for Designing User Friendly Smart Solar Cooking Solutions*».²⁰

¹⁵ The Grand Challenge. The design and societal impact of Horizon 2020. *European Commission. Brussels.* - 2012. URL: http://ec.europa.eu/information_society/newsroom/cf/horizon2020/document.cfm?doc_id=3778; Kuhlmann S., Rip A. The challenge of addressing Grand Challenges: a think piece on how innovation can be driven towards the» Grand Challenges» as defined under the prospective European Union Framework Programme Horizon 2020. 2014. (accessed: 12.11.2019).

¹⁶ Global Grand Challenges. Announcement to Awards: a History of the Grand Challenges. Bill and Melinda Gates Foundation. URL: <https://gcgh.grandchallenges.org/history> (accessed: 12.11.2019).

¹⁷ Grand Challenges India. *BIRAC*. URL: http://www.birac.nic.in/desc_new.php?id=103 (accessed: 12.11.2019).

¹⁸ Dr. Harshvardhan inaugurates the 1st Grand Challenges India (GCI) Meeting. *Department of Science & Technology*. March, 2017. URL: <http://www.dst.gov.in/pressrelease/dr-harshvardhan-inaugurates-1st-grand-challenges-india-gci-meeting> (accessed: 12.11.2019).

¹⁹ MS. Hillary Clinton meets S&T Minister Shri VilasraoDeshmukh both decide to further cooperation in the field of S & T. *Press Information Bureau, Government of India*. May, 2012. URL: <http://pibmumbai.gov.in/scripts/detail.asp?releaseId=E2012PR3233> (accessed: 12.11.2019).

²⁰ National Grand Challenge Awards for Designing User Friendly Smart Solar Cooking Solutions. *Department of Science & Technology*. October, 2018. URL: <http://www.dst.gov.in/callforproposals/national-grand-challenge-awards-designing-user-friendly-smart-solar-cooking> (accessed: 12.11.2019).

Исключительные экономические успехи Китая в последние десятилетия уменьшили для него значимость тех социальных проблем, на которых сосредоточено планирование в Бразилии и Индии. «Большие вызовы» Китай трактует скорее как развитая страна. В стратегических документах Китая определены наиболее важные инновационные направления (эффективное использование минеральных и водных ресурсов, развитие экологических технологий, биотехнологий, аэрокосмической промышленности, авиации, и проч.), исходя из того, какие технологии рассматриваются в качестве жизненно важных для обеспечения экономического роста, социальной стабильности и безопасности страны²¹. Китай стремится выработать эффективный ответ на следующие вызовы: замедление темпов экономики; загрязнение и деградация окружающей среды, в том числе, в контексте продовольственной безопасности; потребность повышения конкурентоспособности национальной продукции; диспропорции социально-экономического развития и старение населения; новые угрозы национальной безопасности. Специализированные документы, в частности план действий «Сделано в Китае 2025» и «Интернет+» которые направлены на обеспечение задачи технологической модернизации и экологизации обрабатывающей промышленности, развития цифровых технологий, повышения системной эффективности экономики КНР²².

Нужно подчеркнуть, что в той мере, в которой «большие вызовы», с которыми сталкиваются восходящие державы, совпадает с повесткой развивающихся стран, Китай и Индия охотно принимают помощь Запада. В 2015 г. Национальный фонд естественных наук Китая подписал с Фондом Билла и Мелинды Гейтс меморандум по реализации программы под названием «Большие вызовы в Китае», в рамках которой выделяется финансирование на ряд научно-исследовательских проектов, инициируемых китайскими предпринимателями²³. Основное внимание в рамках этой программы уделяется таким «большим вызовам» как распространение инфекционных заболеваний, необходимость усиления продовольственной безопасности, повышения эффективности сельского хозяйства, а также другим ключевым проблемам, решение которых может принести пользу нуждающимся людям как в Китае, так и за его пределами. С

²¹ The National Medium- and Long-Term Program for Science and Technology Development (2006- 2020). *The State Council The People's Republic of China*. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/National_Strategies_Repository/China_2006.pdf (accessed: 12.11.2019).

²² The National Medium- and Long-Term Program for Science and Technology Development (2006- 2020). *The State Council The People's Republic of China*. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/National_Strategies_Repository/China_2006.pdf (accessed: 12.11.2019); The 13th five-year plan for economic and social development of The People's Republic of China (2016–2020). *Central Committee of the Communist Party of China*. URL: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf>; Made in China 2025. *The State Council The People's Republic of China*. URL: <http://www.cittadellascienza.it/cina/wp-content/uploads/2017/02/lot-ONE-Made-in-China-2> (accessed: 12.11.2019).

²³ Promoting Chinese innovation. Grand Challenges China Program. *Bill and Melinda Gates Foundation*. URL: <https://www.gatesfoundation.org/Where-We-Work/China-Office/Promoting-Chinese-Innovation/Grand-Challenges-China-Program> (accessed: 12.11.2019).

тем же фондом сотрудничает и Индия²⁴. Другими словами, Индия и, в меньшей степени Китай,

Особняком в этом ряду стоит Россия. До 2014-2015 гг. термин «глобальных вызовов» использовался исключительно во внешней политике, причём почти всегда в рамках отношений с различными международными многосторонними организациями и иными форматами, включая ООН, «Большую восьмёрку», «Большую двадцатку», БРИК(С), в меньшей мере ОДКБ²⁵. Выделялись две трактовки понятия. Одна определяла его в рамках широкой повестки безопасности, связывая «глобальные вызовы» с проблемами международного терроризма, в меньшей мере наркотраффика, позднее также с монополярной политикой США²⁶. Вторая трактовка включала в себя также вопросы глобального изменения климата, в отдельных случаях также бедности и т.п. вопросов – по перечню ООН и иных международных структур²⁷. После мирового финансово-экономического кризиса 2007-2008 гг. к этому перечню добавились риски мировой финансовой системы.²⁸ По сути, оперируя этой трактовкой, Россия играла на поле глобального управления, пытаясь воспринять и продвинуть повестку Запада – этому способствовало её членство в «Большой восьмёрке».

Ситуация существенно изменилась в 2016 г., когда понятие «большие вызовы» стало частью повестки научно-технологического развития России. Это

²⁴ Nature India Special Issue on 'Grand Challenges'. Springer Nature Limited. April, 2018. URL: <http://blogs.nature.com/indigenus/2018/04/nature-india-special-issue-on-grand-challenges.html> (accessed: 12.11.2019).

²⁵ Пресс-конференция по итогам встречи глав государств и правительств «Группы восьми». *Президент России. Официальный сайт*. 23 июля 2000 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21497> (дата обращения: 12.11.2019); Страны БРИК едины в подходах к решению глобальных вызовов. *Президент России. Официальный сайт*. 16 апреля 2010 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/7475> (дата обращения: 12.11.2019); Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам саммита «Группы двадцати». *Президент России. Официальный сайт*. 16 ноября 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47027> (дата обращения: 12.11.2019).

²⁶ ОДКБ переходит все границы. *Газета «Коммерсантъ»*. №191. 14 октября 2009 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1255396> (дата обращения: 12.11.2019); Дмитрий Медведев выйдет в лидеры. *Газета «Коммерсантъ»*. №115. 07 июля 2008 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/909615> (дата обращения: 12.11.2019); «Группа двадцати» и глобальные вызовы экономики. Статья Владимира Путина, опубликованная в мексиканской газете «ElUniversal». *Президент России. Официальный сайт*. 18 июня 2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15686> (дата обращения: 12.11.2019); Обращение Владимира Путина в связи с началом председательства Российской Федерации в «Группе восьми». *Президент России. Официальный сайт*. 1 января 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20023> (дата обращения: 12.11.2019); Саммит Россия – Европейский союз завершился принятием пяти основополагающих документов. *Президент России. Официальный сайт*. 3 октября 2001 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/40458> (дата обращения: 12.11.2019); Заявление для прессы по итогам российско-индийских переговоров. *Президент России. Официальный сайт*. 12 ноября 2003 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22203> (дата обращения: 12.11.2019); Владимир Путин поздравил участников 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО с 60-летием со дня создания организации. *Президент России. Официальный сайт*. 11 октября 2005 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/34231> (дата обращения: 12.11.2019).

²⁷ Саммит G8 пошёл на выбросы. *Газета «Коммерсантъ»*. №123. 10 июля 2009 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1201003> (дата обращения: 12.11.2019); Советник Президента Александр Бедрицкий принял участие во второй встрече Группы высокого уровня по глобальной устойчивости. *Президент России. Официальный сайт*. 25 февраля 2011 г. URL: <http://kremlin.ru/events/administration/10471> (дата обращения: 12.11.2019).

²⁸ Дмитрий Медведев выйдет в лидеры. *Газета «Коммерсантъ»*. №115. 07 июля 2008 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/909615> (дата обращения: 12.11.2019); «Группа двадцати» и глобальные вызовы экономики. Статья Владимира Путина, опубликованная в мексиканской газете «ElUniversal». *Президент России. Официальный сайт*. 18 июня 2012 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15686> (дата обращения: 12.11.2019); Обращение Владимира Путина в связи с началом председательства Российской Федерации в «Группе восьми». *Президент России. Официальный сайт*. 1 января 2014 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20023> (дата обращения: 12.11.2019).

понятие стало ключевым в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642²⁹. В новом контексте смысл понятия претерпел примечательные изменения. Наследие повестки ООН и «Восьмёрки» (окружающая среда, бедность и проч.) было развёрнуто в направлении не глобального, но национального развития: исчерпание возможностей экономического роста, основанного на экстенсивной эксплуатации природных ресурсов, продовольственная безопасность страны, возрастание антропогенных нагрузок на природную среду. Понимание «глобальных вызовов» в логике обеспечения безопасности также получило своё отражение. Само понятие «больших вызовов» в новом стратегическом документе определялось через категорию «рисков» (впрочем, в той же фразе упоминались и «возможности»), среди вызовов были названы новые внешние угрозы безопасности России в их связи с внутренними угрозами.

Новое понимание «больших вызовов» отражало важный дискурсивный поворот. Россия отказывалась от попыток стать частью Запада – например, через участие в западной повестке глобального развития в ООН и «Восьмёрке» – и сосредотачивалась на собственном развитии, причём с сильным акцентом на безопасность и суверенитет. Принять в какой-либо форме и степени покровительство со стороны Запада в этой новой логике было невозможно. В отличие от Китая, Индии, Бразилии, которые при определённых условиях готовы принять и принимают помощь Запада, оказываемую в прежнем покровительственном ключе (от развитых – развивающимся), Россия от подобных компромиссов отказывается. Хотя Россия видит себя в ряду других стран БРИКС и разделяет их подходы ко многим международным проблемам, она не склонна считать себя развивающейся страной, предпочитая воспроизводить самоописание Советского Союза как «развитого Не-Запада».

Символические политики восходящих держав сложно назвать последовательными. С одной стороны, они отвергают символическое доминирование Запада как оценивающей инстанции. С другой стороны, это отвержение не носит абсолютный характер. При определённых условиях Китай и Индия готовы принимать помощь Запада и сотрудничать с западными институтами, включая крупнейшие международные фонды, символизирующие западное доминирование и патернализм (Фонд Билла и Мелинды Гейтс здесь может служить наиболее ярким примером).

Кроме того, бросается в глаза разность подходов стран БРИКС к получению такого рода помощи. Россия отнеслась бы к получению зарубежной помощи для решения социальных проблем как к свидетельству собственной несостоятель-

²⁹ С текстом документа можно ознакомиться на официальном сайте Президента России: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 12.11.2019).

ности. Китай имеет схожую позицию, однако, хотя и выраженную не настолько жёстко. Для Китая и Индии, такая помощь, в общем, одна из возможных опций и один из удобных, хотя и с оговорками, источников ресурсов для развития. Пока Запад продолжает оказывать помощь развивающимся странам, этой помощью надо воспользоваться. Они при этом оставляют за собой право выбирать, какие именно виды помощи и по каким направлениям хотели бы получить, и скептически смотрят на помощь Запада, которая могла бы поставить под сомнение их суверенитет. В то же время суверенитет для них предстаёт вещью в большей мере инструментальной, чем, к примеру, для России, склонной воспринимать его как экзистенциальное переживание.

Почему же тогда восходящие державы считаются угрозой или разрушителями глобального либерального порядка? Ведь они, по сути, не оспаривают символическое доминирование Запада как развитого и оказывающего покровительство развивающимся.

На наш взгляд, это объясняется тем, что международная помощь и дискуссия о международном развитии перестали работать как механизм символического обмена. Претендуя на получение помощи со стороны Запада, восходящие державы не хотят признавать за ним роль инстанции по их оценке. Пользуясь преимуществами либерального порядка в виде доступа к рынкам, инвестициям, технологиям, они в то же время не «платят» ядру этого порядка признанием его символической гегемонии. Именно в этом и состоит их главный вклад в кризис этого порядка.

С институциональной точки зрения Запад сам «закрывает» глобальный либеральный порядок, пересматривая, например, условия международной торговли, но делает он это, отвечая на символический вызов со стороны восходящих держав. При этом исход спора между «глобалистами» и «националистами» на самом Западе далеко не предрешён. И в той мере, в какой западные политики будут видеть в сохранении глобального либерального порядка ключ к западной гегемонии, восходящие державы смогут и дальше пользоваться его благами на условиях «безбилетников».

Об авторах:

Анна Владимировна Макарычева – кандидат политических наук, научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра экспертизы санкционной политики МГИМО МИД России; пр. Вернадского, 76, Москва, 119454. E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru.

Николай Юрьевич Силаев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России; пр. Вернадского, 76, Москва, 119454. E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

Иван Владимирович Данилин – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России, пр. Вернадского, 76, Москва, 119454; заведующий Отделом науки и инноваций, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН. Россия, 117997, Москва, улица Профсоюзная, д.23. E-mail: danilin.iv@imemo.ru.

Александр Дмитриевич Чеков – научный сотрудник Центра европейских исследований, МГИМО МИД России, преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России; пр. Вернадского, 76, Москва, 119454. E-mail: a.d.chekov@gmail.com.

Эллина Петровна Шавлай – аналитик Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России, аспирант кафедры востоковедения МГИМО МИД России; пр. Вернадского, 76, Москва, 119454. E-mail: shavlaj.e.p@my.mgimo.ru.

Светлана Андреевна Столярова – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России; пр. Вернадского, 76, Москва, 119454. E-mail: s.a.stolyarova@gmail.com.

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.0002).

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: October 10, 2019
Accepted: December 10, 2019

Liberal Order «Free Riders»: International Development Agenda and the Symbolic Policies of the Rising Powers

A.V. Makarycheva, N.Yu. Silaev, I.V. Danilin, A.D. Chekov, E.P. Shavlay, S.A. Stolyarova
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-109-128

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The West is concerned over the crisis of the liberal world order attributing it to the conduct of emerging powers, such as China, India and Russia. Are its concerns legitimate? Drawing on social identity theory, the authors analyze the emerging powers' stances on international development through the lens of status dynamics. In particular, three issue areas are investigated: the debate over the UN development agenda, which has revealed differences between Western and non-Western approaches, the changes in the membership of donor and recipient groups over the last decade and the discourse of emerging countries

concerning science and technology, which betrays their self-image of a “developed” or “laggard” state.

The key finding of the paper is that the crisis of the liberal world order as a set of institutions created by the US-led countries after WWII manifests itself in the distorting symbolic exchange between developed and developing countries. The emerging states are unwilling to recognize the authority of the West and its leadership in setting the direction of global development. Meanwhile, they are trying to gain the status of development front-runners using their own foreign aid programs and science and technology development strategies. However, the rising states are not uniform and consistent in posing a symbolic challenge to the liberal order – while the Russia is striving for a “developed non-western country” status (thereby copying the USSR’s image), India and China, though to different degrees, are positioning themselves both as developed industrial states and as developing countries which receive aid packages from richer members of the international community.

What leads to the distortions in this symbolic exchange is the desire of some emerging powers to use the resources of the West and reap the benefits of the world order created by it while denying it a high status. Thus, a classic economic “free-rider problem” arises in international relations: while benefiting from the liberal order created by the West, the rising states do not recognize the status it ascribes itself ignoring the symbolic hierarchy which, as viewed by western countries, underlies this order.

Key words: rising powers, an alternative to the liberal order, “grand challenges”, crisis of the international order, global development agenda, international assistance, global governance.

About the authors:

Anna V. Makarycheva – PhD in Political Science, Research Assistant at the Laboratory of International Trends Analysis, MGIMO-University, Research Assistant at the Center of Sanction Policy Analysis, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru.

Nikolay Yu. Silaev – PhD in History, Senior Research Assistant at the Laboratory of International Trends Analysis, MGIMO-University, Leading Research Assistant at the Center of Caucasus and Regional Security Studies, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

Ivan V. Danilin – PhD in Political Science, Senior Research Assistant at the Laboratory of International Trends Analysis, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454; Head of Department for Science and Innovation at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO). E-mail: danilin.iv@imemo.ru.

Alexandr D. Chekov – Research Assistant at the Center of European Studies, MGIMO-University; Lecturer at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: a.d.chekov@gmail.com.

Ellina P. Shavlay – Analyst at the Laboratory of International Trends Analysis, MGIMO-University; PhD student at the Department of Oriental Studies, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: shavlaj.e.p@my.mgimo.ru.

Svetlana A. Stolyarova – PhD student at the Department of World Politics, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: s.a.stolyarova@gmail.com.

Acknowledgements:

The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement number 14.461.31.0002).

The conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interest.

References:

- Acharya A. 2017. After liberal hegemony: The Advent of a Multiplex World Order. *Ethics & International Affairs*. 31(3). P. 271-285.
- Barma N., Ratner E., Weber S. 2013. The Mythical Liberal Order. *The National Interest*. No. 124. P. 56-67.
- Beeson M., Zeng J. 2018. The BRICS and Global Governance: China's Contradictory Role. *Third World Quarterly*. 39(10). P. 1962-1978.
- Biscop S. 2016. *The European Union and Emerging Powers in the 21st Century: how Europe Can Shape a New Global Order*. Routledge.
- De Graaff N., Van Apeldoorn B. 2018. US – China Relations and the Liberal World Order: Contending Elites, Colliding Visions? *International Affairs*. 94(1). P. 113-131.
- Deudney D., Ikenberry G.J. 2009. The Myth of the Autocratic Revival-Why Liberal Democracy Will Prevail. *Foreign Affairs*. 88(1). P. 77-93.
- Dombrowski P., Reich S. 2017. Does Donald Trump Have a Grand Strategy? *International Affairs*. 93(5). P. 1013-1037.
- Drezner D. W. 2007. The New New World Order. *Foreign Affairs*. 86(2). P. 34-46.
- Duncombe C., Dunne T. 2018. After Liberal World Order. *International Affairs*. 94(1). P. 25-42.
- Flockhart T. et al. 2014. *Liberal Order in a Post-Western World*. Washington, DC: Transatlantic Academy.
- Hameiri S., Jones L. 2018. China Challenges Global Governance? Chinese International Development Finance and the AIIB. *International Affairs*. 94(3). P. 573-593.
- Huang Y. 2010. Debating China's Economic Growth: The Beijing Consensus or the Washington Consensus. *Academy of Management Perspectives*. 24(2). P. 31-47.
- Ikenberry G.J. 2008. The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive? *Foreign Affairs*. 87(1). P. 23-37.
- Ikenberry G.J. 2009. Liberal Internationalism 3.0: America and the Dilemmas of Liberal World Order. *Perspectives on Politics*. 7(1). P. 71-87.
- Ikenberry G.J. 2011. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton University Press.
- Ikenberry G.J. 2011a. The Future of the Liberal World Order: Internationalism after America. *Foreign Affairs*. 90(3). P. 56-62.
- Ikenberry G. J., Parmar I., Stokes D. 2018. Introduction: Ordering the World? Liberal Internationalism in Theory and Practice. *International Affairs*. 94(1). P. 1-5.
- Kahler M. 2013. Rising Powers and Global Governance: Negotiating Change in a Resilient Status Quo. *International Affairs*. 89(3). P. 711-729.
- Kaufman J.P. 2017. The US Perspective on NATO under Trump: Lessons of the Past and Prospects for the Future. *International Affairs*. 93(2). P. 251-266.
- Kennedy S. 2010. The Myth of the Beijing Consensus. *Journal of Contemporary China*. 19(65). P. 461-477.

- Larson D. W., Shevchenko A. 2010. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to US Primacy. *International Security*. 34(4). P. 63-95.
- Larson D. W., Paul T. V., Wohlforth W. C. 2014. Status and World Order In *Status in World Politics*. Cambridge University Press. P. 3-29.
- Lesage D. 2015. *Rising Powers and Multilateral Institutions*. Palgrave Macmillan UK.
- Mearsheimer J. J. 2019. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order. *International Security*. 43(4). P. 7-50.
- Mearsheimer J. J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. WW Norton & Company.
- Modongal S. 2016. Development of nationalism in China. *Cogent Social Sciences*. No. 2: 1235749. DOI: 10.1080/23311886.2016.1235749
- Nye Jr J. S. 2017. Will the Liberal Order Survive: The History of an Idea. *Foreign Affairs*. 96(1). P. 10-16.
- Patrick S. 2010. Irresponsible Stakeholders? The Difficulty of Integrating Rising Powers. *Foreign Affairs*. 89(6). P. 44-53.
- Round J., Odedokun M. 2004. Aid Effort and its Determinants. *International Review of Economics and Finance*. No. 13. P. 293-309.
- Schirm S. A. 2010. Leaders in Need of Followers: Emerging Powers in Global Governance. *European Journal of International Relations*. 16(2). P. 197-221.
- Schweller R. 2011. Emerging powers in an age of disorder. *Global governance*. Vol.17. P. 285-297. DOI: 10.1163/19426720-01703002
- Stephen M.D. 2017. Emerging Powers and Emerging Trends in Global Governance. *Global Governance*. 23(3). P. 483-502. DOI: 10.1163/19426720-02303009
- Stephen M. D. 2014. Rising powers, global capitalism and liberal global governance: A historical materialist account of the BRICs challenge. *European journal of international relations*. Vol. 20, No. 4. Pp. 912-938.
- Stephen M. D., Zürn M. (ed.). 2019. *Contested World Orders: Rising Powers, Non-Governmental Organizations, and the Politics of Authority Beyond the Nation-State*. Oxford University Press.
- Stokes D. 2018. Trump, American Hegemony and the Future of the Liberal International Order. *International Affairs*. 94(1). P. 133-150.
- Weber M. 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. University of California Press.
- Wendt A. 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press.
- Williamson J. 2012. Is the "Beijing Consensus" Now Dominant? *Asia Policy*. No. 13. P. 1-16.
- Yao Y. 2015. *Beijing Consensus. The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism*. P. 1-4.
- Zakaria F. 2008. *The Post-American World*. New York.
- Avaljan G.A. et al. 2015. Konsul'tativnyj process po vyrabotke celej ustojchivogo razvitija: v poiskah global'nyh podhodov. [Sustainable Development Goals Consultative Process: Looking for Global Approaches]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 4. P.132-146. (In Russian)
- Bartenev V. I. 2015. Formirovanie global'noj povestki dnja v sfere ustojchivogo razvitija posle 2015 goda. [Shaping the Global Sustainable Development Agenda after 2015] *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 10(3). P. 7-32. (In Russian)
- Bragina E. A. 2014. Vneshnejekonomicheskaja politika kak faktor innovacionnogo rosta [Foreign Economic Policy as a Factor of Innovative Growth] *Mirovaja jekonomika i mezhdun-*

arodnye otnosheniya. No. 2. P. 92-99. (In Russian)

Galishheva N.V. 2014. «Delijskij konsensus» – indijskaja model' liberalizacii jekonomiki [«Delhi Consensus» – The Indian Model of Economic Liberalization] *Azija i Afrika segodnja*. No. 3. P. 2-8. (In Russian)

Degterev D.A. 2014. Rossijskaja politika v sfere sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiu: kontury partnerstva so stranami BRIKS [Russian Policy in the Field of International Development Assistance: the Outlines of Partnership with the BRICS Countries] *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnosheniya*. №. 1. P. 5-12. (In Russian).

Degterev D.A. 2013. Rossijskaja Federacija kak novyj mezhdunarodnyj donor: dilemmy identichnosti [Russian Federation as a New International Donor: Identity Dilemmas] *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja ekonomika*. 8(2). P. 69-85. (In Russian).

Degterev D.A. 2012. Sodejstvie mezhdunarodnomu razvitiu kak instrument prodvizhenija vneshnepoliticheskikh i vneshnejekonomicheskikh interesov [Assistance to International Development as a Tool for Promoting Foreign Policy and Foreign Economic Interests]. *MGIMO Review of International Relations*. №. 2. Pp. 47-57. (In Russian).

Potapenko M.V. 2014. KNR kak novyj mezhdunarodnyj donor: osobennosti politiki sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiu [China as a New International Donor: Features of the Policy of Promoting International Development] *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnosheniya*. №. 1. P. 19-30. (In Russian).

Литература на русском языке:

Авалян Г. А. и др. 2015. Консультативный процесс по выработке целей устойчивого развития: в поисках глобальных подходов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. №. 4. С. 132-146.

Бартенев В. И. 2015. Формирование глобальной повестки дня в сфере устойчивого развития после 2015 года. *Вестник международных организаций*. 10(3). С. 7-32.

Брагина Е. А. 2014. Внешнеэкономическая политика как фактор инновационного роста. *Мировая экономика и международные отношения*. №. 2. С. 92-99.

Галищева Н. В. 2014. «Делийский консенсус» – индийская модель либерализации экономики. *Азия и Африка сегодня*. №3. С. 2-8.

Дегтерёв Д. А. 2012. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. *Вестник МГИМО-Университета*. №. 2. С. 47-57.

Дегтерёв Д. А. 2014. Российская политика в сфере содействия международному развитию: контуры партнёрства со странами БРИКС. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. № 1. С. 5-12.

Дегтерёв Д. А. 2013. Российская Федерация как новый международный донор: дилеммы идентичности. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. Т. 8. №. 2. С. 69-85.

Потапенко М. В. 2014. КНР как новый международный донор: особенности политики содействия международному развитию. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. №. 1. С. 19-30.

Бурдые П. 2007. *Социология социального пространства*. Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 288 с.

Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе

А.В. Худайкулова, Н.Я. Неклюдов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается проблематика онтологической безопасности. В самом общем виде термин «онтологическая безопасность» отвечает за состояние, в котором отношения субъекта с контрагентами выстраиваются в максимально предсказуемых категориях. При этом акцент сделан на психологических и социальных детерминантах поведения государства. Понятие, ставшее популярным в исследованиях конструктивистов рубежа XX-XXI вв., с точки зрения авторов, всё ещё не имеет инструментального определения с чётко сформулированными допущениями и переменными. В статье анализ концепта онтологической безопасности выстроен по двум направлениям: сначала рассматривается широкий спектр интерпретаций, делается упор на отсутствии инструментального определения концепта и предлагаются необходимые параметры подобного определения. В рамках второго направления авторы рассматривают способы достижения государством онтологической безопасности через триаду следующих действий: принятия роли другого (от внешней среды, в которую вовлечён субъект); навязывание своей роли субъектам, с которыми происходит взаимодействие; и разрыва отношений с контрагентом (средой). На всех стадиях поиска онтологической безопасности субъект пытается либо принять нормы и практики, по которым происходит взаимодействие со средой, либо заново определить своё положение в реализуемых отношениях с контрагентами.

В выводах даётся искомое определение, а также отмечается, что концепт онтологической безопасности придаёт конструктивизму помимо методологического значения ещё и способность описать логику поведения государств на международной арене: государства стремятся быть вовлечёнными в процесс строительства интересубъективной реальности с контрагентами и определять совокупность норм, практик и свой статус, выстраивая общее коммуникативное знание с «другим». В противном случае поведение государства может отличаться иррациональностью. Важным элементом теории выступает необходимость избегать ситуаций дилеммы онтологической безопасности: государство проецирует собственную, как правило, охранительную реальность, что, однако, не обеспечивает онтологическую безопасность и может потенциально провоцировать дальнейшую эскалацию кризисных отношений.

Ключевые слова: онтологическая безопасность, конструктивизм, идентичность, норма, рутинная практика, социальные связи, интересубъективность, личностное я, другой.

УДК: 327.3

Поступила в редакцию: 22.05.2019 г.

Принята к публикации: 19.10.2019 г.

Концепция онтологической безопасности (ОБ) становится всё более заметной в русле общего концептуального поля исследования проблем безопасности.

По мере того, как вместо практики гуманитарных интервенций 1990-х гг. мир снова возвращается в эпоху опосредованных войн, в теоретическом дискурсе несколько снижается значение концепции «человеческой безопасности» (или «безопасности личности») (англ. *human security*) (Худайкулова 2015). В западном академическом сообществе на ведущие позиции выходят так называемые теории онтологической безопасности (англ. *ontological security*), находящейся в плоскости пересечения проблематики идентичности и безопасности. Будучи продуктом преимущественно конструктивизма, теория онтологической безопасности отличается междисциплинарным характером и совмещением наработок из психологии, социологии, исследований мира и конфликтов.

В отличие от реалистов, утверждающих, что государства стремятся в первую очередь к безопасности и выживанию (Mearsheimer 2001: 136), исследователи данной области настаивают (Mitzen 2006a: 273), что чувства физической безопасности недостаточно для нормального функционирования государства на международной арене, ввиду чего государства стремятся к «безопасности самости» и государственной идентичности. Многие эксперты (Sebeci 2019; Homolar, Scholz 2019) утверждают, что в условиях даже практически абсолютной безопасности (например, в случае с США) государства испытывают психологические, а также идеационные стимулы к, казалось бы, иррациональным шагам: наращиванию вооружений и внешнеполитическим авантюрам (Epstein 2007: 16).

Когнитивный диссонанс, чувство онтологической незащищённости и, соответственно, неопределённости могут спровоцировать совершенно разные по своему характеру явления и процессы: смена внутреннего политического порядка, подрыв сложившейся идентичности и социальных отношений, эффект глобализации и пр. В подобных условиях актор будет пытаться восстановить когнитивную последовательность, своё чувство «себя», ощущение уверенности и онтологическую безопасность, главным образом через опору на рутинные и в этом смысле привычные взаимодействия (Mitzen 2006a; Kinvall 2004).

В статье ставятся следующие исследовательские вопросы: что такое онтологическая безопасность? Кто выступает её субъектом? Когда государства становятся мотивированы обеспечением онтологической безопасности? Как происходит процесс формирования ОБ государства?

Целью работы является обзор основных понятий, используемых в международно-политическом дискурсе в контексте определения концепта онтологической безопасности.

Генезис концепции онтологической безопасности

Традиционно термин «онтологическая безопасность» применялся в психологии и социологии для определения того, насколько человек может ощущать

безопасность в своём существовании и чувстве «себя». Впервые данный термин в его широком и междисциплинарном преломлении был предложен социологом Э. Гидденсом (1986), который в свою очередь заимствовал его из работ по онтологической уверенности психиатра-экзистенциалиста, лидера антипсихиатрии Р. Лэйнга (Laing 1960). Онтологическая безопасность, по Э. Гидденсу, определяется как «конфиденциальность или доверие, которые являют собою природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности» (Гидденс 2005: 499). То есть речь идёт о понимании социальной реальности в простых и предсказуемых для людей категориях. Люди склонны к обеспечению безопасности личностного «я». Но подобные ощущения определённости и стабильности они хотят проецировать и на внутренний общественный порядок, и международную систему в целом¹. В итоге люди ощущают себя в безопасности тогда, когда чувствуют порядок и предсказуемость своего места в социуме, стране, регионе, мире.

Акторам свойственна бессознательная потребность в экзистенциальной безопасности, которая в свою очередь вытекает из психологической потребности в рутинизации жизни². Онтологическая безопасность, таким образом, поддерживается благодаря рутинным практикам повседневной жизни, которые составляют большую часть социальных действий. Так как часть идентичности актора формируется в результате взаимодействия с другими, именно рутины помогают поддерживать стабильное взаимодействие и, следовательно, идентичность. Образцы поведения повторяются, и на этом основании происходит воспроизводство социальной системы, норм и пр. Процесс обеспечения онтологической безопасности заключается в борьбе за вовлечённость в процесс конструирования социальных норм и нормативного положения в рамках той реальности, в которой действует актор.

Необходимым условием обеспечения и поддержания онтологической безопасности выступает доверие, отсутствие которого провоцирует чувство неопределённости, которое в свою очередь обостряет кризисные ситуации. Любые непривычные и деструктивные события влияют на сущность рутинности, формируют тем самым ощущение ненадёжности и приводят к онтологической незащищённости. В этом случае актор вновь оказывается в ситуации, когда вынужден вернуться к рутинным взаимодействиям, чтобы восстановить своё чувство «себя» и в итоге – онтологическую безопасность.

¹ Так, Э. Гидденс полагает, что «в большинстве случаев в социальной жизни смысл онтологической безопасности обычно заключается в таких знаниях об окружающем мире, при которых взаимодействие с ним было бы максимально “беспроblemным” и воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Нетрудно понять, почему должна существовать тесная связь между поддержанием онтологической безопасности и рутинным характером социальной жизни». См. подробнее: (Giddens 1979: 219).

² Э. Гидденс подразумевает под рутинизацией «привычный, воспринимаемый как данное характер большинства социальных действий; преобладание привычных стилей и форм проведения, управляющее ощущением онтологической безопасности, равно как и управляемое им» (Гидденс 2005: 501).

В данном случае интересна оценка арабо-израильского конфликта, данная в своё время научным директором Датского королевского колледжа обороны Ф.С. Хансен³. Он описывает суть многолетнего конфликта как столкновение сообществ, стремящихся сохранить собственные представления о себе, в том числе через устойчивое конфликтное противостояние друг другу, которое в итоге превратилось в рутинную поведенческую модель. В данном случае самоидентификация двух сторон конфликта диктуется преимущественно национальной историей и прежними идентичностями.

Благодаря расцвету конструктивизма концепт онтологической безопасности из области социологии переместился в сферу международных исследований. В конце 1990-х гг. Джеф Хейсмэнс обратил внимание на то, что международно-политическая наука по большей части незаслуженно игнорирует проблематику онтологической безопасности (Huysmans 1998: 242). В его понимании, безопасность может быть определена как внутреннее состояние «самости», «фиксирующее социальные отношения в определенном порядке символов и институтов» (Huysmans 1998: 242-243).

А. Вендт в свою очередь сформулировал дальнейшую повестку социо-логического наполнения международных отношений, задавшись вопросом: «Если соотношение государства с личностью всего лишь уловка нашего сознания, почему её использование так хорошо нам помогает разобраться в международной политике?» (Wendt 2004: 290). В своих рассуждениях об онтологической безопасности он указывает на «потребность человека в онтологической безопасности, которая транслирует человеческие предпочтения к порядку и предсказуемости в постоянное стремление к ним» (Wendt 1987: 385; Wendt 1999: 131, 339). По-своему инкорпорировали концепт онтологической безопасности и другие исследователи-конструктивисты. Так, Б. МакСвини подчеркивает в значении концепта стремление к социализации (McSweeney 1999), тогда как Т. Хопф говорит о стремлении субъектов определиться с общим полем знаний (Horf 2013: 9).

На сегодняшний день теория онтологической безопасности находится главным образом в поле зрения конструктивизма. Вплотную разработками в этом направлении занимаются такие учёные, как Дж. Митцен (Mitzen 2018; Mitzen 2006b; Mitzen 2011), Б. Стили (Steele 2005; Steele 2008; Steele 2019), К. Кинвалл (Kinnvall, Manners, Mitzen 2018; Kinnvall, Mitzen 2018; Kinnvall 2004; Kinnvall, Mitzen 2017), А. Зараколь (Zarakol 2010; Zarakol 2017; Zarakol 2011), Ф. Эйджус (Ejdus 2017), Б. Румели (Rumelili 2015).

Теория и практика онтологической безопасности

Вплоть до последнего времени по проблематике онтологической безопасности выходили лишь отдельные статьи, знакомые отраслевым экспертам.

В 2010 г. в Московском центре Карнеги состоялась лекция Ф.С. Хансена на тему «Россия и поиски онтологической безопасности». См. подробнее: Хансен Ф.С. Россия и поиски онтологической безопасности. URL: <https://carnegie.ru/2010/11/18/ru-event-3130> (дата обращения 25.11.2019)

Популяризации данного направления способствовал выход в 2017-2018 гг. сразу в нескольких ведущих научных журналах мира специальных номеров, посвящённых онтологической безопасности, приглашенными редакторами в которых стали исследователи Дж. Митцен из Университета штата Огайо (США) и К. Кинвалл из Лундского университета (Швеция). Так, в №1 за 2017 г. журнала Нордической Ассоциации международных исследований *Cooperation and conflict* вышел специальный выпуск по онтологической безопасности со вступительной статьей Дж. Митцен и К. Кинвалл (Kinnvall, Mitzen, 2017). В №3 за 2018 г. журнала *European Security* был размещён выпуск на тему «Онтологическая (не)-безопасность в ЕС», где авторами вступительной статьи также стали Дж. Митцен, К. Кинвалл и Я. Мэннерс (Kinnvall, Mitzen, Manners 2018). В №4 за 2018 г. журнала Центральной и Восточноевропейской Ассоциации международных исследований *Journal of International Relations and Development* также вышел выпуск, посвящённый проблематике онтологической безопасности со вступительной статьей Дж. Митцен и К. Кинвалл (Kinnvall, Mitzen 2018).

Отметим, что выбор журналов не случаен – с одной стороны, скандинавская школа конфликтологии задаёт тон в исследованиях международных конфликтов в мире (Худайкулова 2015), с другой стороны – Европа в целом, и ЦВЕ в частности, – это как раз тот регион, который за последние годы пережил кардинальное переформатирование пространства безопасности (расширение НАТО на восток), которое сложно концептуализировать в традиционных терминах реализма (Mearsheimer 1990), ведь сегодня бывшие стратегические противники из Североатлантического альянса уже являются для многих стран, ранее входивших в Восточный блок, основными гарантами безопасности. Теория онтологической безопасности может стать полезным инструментом в анализе того, каким образом конфликту между Восточной и Западной Европой, разделёнными железным занавесом, был положен конец. Государства с общей историей, культурой, а также практиками демократий не воспринимали друг друга «внутренними» врагами, что позволило без трудностей заручиться поддержкой новых европейских стран (и, напротив, можно привести примеры, когда для идентичности стран НАТО конфликт в Югославии стал потрясением, на которое нельзя было не отвечать (Steele 2008: 125). А восприятие НАТО как угрозы относится к «пережиткам холодной войны» и порождениям коммунистической пропаганды. Таким образом, концепция онтологической безопасности, в которой отдаётся приоритет политическим практикам и статусам, показывает, каким образом возможен отказ от восприятия безопасности только лишь в физических терминах (Steele 2005).

Примечательно, что в отечественной международно-политической науке практически нет работ по онтологической безопасности, а среди русскоязычных – значительную долю составляют работы коллег из СНГ, в том числе из Украины (Дурманенко 2012), Таджикистана (Кадыркулова 2016), Казахстана (Ким 2018). В редких работах отечественных исследователей онтологическая

безопасность рассматривается исключительно в контексте зарубежного научного дискурса (Елфимова 2018).

Субъект онтологической безопасности

Теория онтологической безопасности не даёт чёткого и однозначного ответа на вопрос о субъектности. Одни ставят во главу угла личность, другие – общество, третьи – государство (правительство). Взаимодействие в конфигурации люди – общество – государство происходит по линии совместного оформления дискурса и рутинных практик, которые помогают поддерживать самоидентичность. Поэтому при освещении вопроса используются все три категории, которые в нашем случае вполне взаимозаменяемы.

По мнению Э. Моравчика, «фундаментальным актором в мировой политике являются индивиды и группы интересов» (Moravcsik 1997: 515). Данный тезис, тем не менее, не совместим с видением представителей структурного конструктивизма (Horf 2013: 10), которые полагают, что не существует такого понятия как идентичность, присущая только «группе интересов» (англ. *private identity*), она всегда более общая и является как бы продолжением идентичности населения (Horf 2013: 18).

Напротив, Копенгагенская школа МО, благодаря которой в понятийный аппарат был введён термин «секьюритизация» (англ. *securitization*), в качестве объекта безопасности выделяет нацию (Buzan, Waever, Wilde 1998: 2-3), или социальную общность, утверждая, что безопасность имеет отношение, прежде всего, к социальным общностям (обществам) и только потом – к индивидам (Buzan 1991: 19-35). Одним из пяти предложенных секторов безопасности выступает социальная безопасность, связанная с обеспечением существования больших групп, разделяющих общую идентичность и формирующих на этом основании безопасность идентичности (Buzan 1991: 120). Её разрушение приводит к неспособности социальной общности существовать в качестве «мы». Школа реализма по-прежнему смотрит на данный вопрос через призму классического подхода, полагая, что содержание безопасности определяется в конечном итоге исключительно национальными интересами государства. Поэтому в современной системе основным объектом безопасности необходимо всё же считать государство.

Концепция ОБ отвечает, главным образом, за психологические и социальные детерминанты поведения государства. И в этой логике в качестве субъекта анализа и проводника государственных интересов выступает глава государства. То есть, по сути, отправной точкой является идентичность политического лидера, формирующая его собственную картину и ощущение мира. В этой логике важна степень его автономности в определении внешнеполитической стратегии. Проблема социальной идентичности государственного деятеля рассматривается через поиск ответов на три вопроса: *с кем я конструирую реаль-*

ность? Что представляет норму в данной реальности, и какими практиками она устанавливается? Кто я в данной реальности?

То есть происходит постоянный процесс оценки себя по отношению к другим на фоне присутствия в системе других государств. В случае если идентичность государственного деятеля (и группы интересов) и формулируемая ими политика идёт вразрез с идентичностью населения, совсем не очевидно, в чью пользу разрешится конфликт идентичностей⁴.

Наиболее остро в дилемме онтологической безопасности государства проявляется проблематика взаимодействия по линии элита – население. В случае если отношения государства с контрагентом выходят за рамки онтологической безопасности, правительство всегда может сформулировать дискурс «осаждённой крепости», тем самым легитимизируя свой изоляционизм и укрепляя дискурсивное противостояние с другим. Это всегда менее затратно, нежели политика диалога и коммуникативного поиска «области общего знания» с контрагентом, что может скомпрометировать элиты на внутривнутриполитическом поле⁵.

Концепция онтологической безопасности: вариативность интерпретаций

Теория онтологической безопасности находится в фокусе двух магистральных линий, связанных с противоречием агента и структуры⁶. В этой логике онтологическая безопасность понимается как: 1) продукт такой организации социальных связей, в рамках которой сохранялась бы гармоничность и целостность дискурса государства (агентское понимание) (Zarakol 2010; 2017); 2) средство обеспечения безопасности идентичности агента от структуры (структурное понимание) (Kinnvall, Mitzen 2017; Krolikowski 2018).

Исходя из того, что теория интерпретируется на разных уровнях анализа, поиск мотивационной составляющей государств в обеспечении ОБ может проходить в четырёх измерениях: во-первых, в формате внешнеполитического пространства, структурируется межгосударственными отношениями; во-вторых, в формате внутривнутриполитического пространства, структурируется функционированием институтов; в-третьих, в формате внешнеполитического пространства, но структурируется внутривнутриполитическим функционированием

⁵ По мнению представителя американской школы конструктивизма Т. Хопфа, причиной провала реформ президента РФ Д.А. Медведева в 2008-2012 гг. стал именно конфликт идентичностей правительства и «здорового смысла» населения (Hopf 2013).

⁶ Например, правительство Порошенко на Украине активно эксплуатировало идею «российской агрессии», навязывая населению дискурс «осаждённой крепости» и непопулярные меры. Соответственно, опция нормализации отношений с Россией ставила бы политический истеблишмент в трудное положение на внутривнутриполитическом поле. См. подробнее: Порошенко заявил, что Украине нужен «холодный мир» с Россией. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6054207> (дата обращения: 25.11.2019).

⁶ А. Вендт сформулировал два подхода в форме «истин» (англ. *truths*): 1) люди и их организации являются целеустремлёнными/целесообразными (англ. *purposeful*) существам; 2) общество состоит из социальных связей, формирующих, структурирующих взаимодействие между этими целеустремлёнными/целесообразными существами. См. подробнее: (Wendt 1987: 337).

институтов; в-четвёртых, в формате внутривнутриполитического пространства, но структурируется влиянием внешнеполитической среды на субъект.

Несмотря на разность подходов, представители всех четырёх измерений обусловленности ОБ пытаются нащупать новые ответы на старые вопросы: *как решить проблему анархии в международных отношениях? Как объяснить поведение государств (в том числе нарушающих нормы)? Как по-новому посмотреть на дилемму безопасности? Как объяснить причины конфликтности в международной среде?*

Итак, рассмотрим *первое* измерение определения ОБ. Государства ощущают потребность в обеспечении онтологической безопасности, главным образом, в рамках внешнеполитического поля взаимодействия. Так, Дж. Митцен в качестве первостепенных выделяет социологические факторы, возникающие в процессе взаимодействия государств, которые формируют их понимание международной среды и ожидания относительно нее (Mitzen 2006b: 335): «Помимо физической безопасности государства стремятся к обеспечению онтологической безопасности, которая отвечает за безопасность личностного “я”, субъективного самовосприятия, мотивирующего государства совершать тот или иной набор поступков на международной арене» (Mitzen 2006b: 344). Иными словами, то, как государства видят других и как они понимают и воспринимают реальность межгосударственного бытия, состоящую из других, влияет на их онтологическую безопасность. Работы Дж. Митцен разных периодов не отличаются однородностью. Исследование 2006 года затрагивает преимущественно структурный уровень анализа, если оперировать категориями А. Вендта: «Напротив, я указываю, что источник конфликта государств следует искать между [*in-between*] государствами, то есть в рамках теории третьего уровня» (Mitzen 2006b: 343). Чтобы продемонстрировать взаимосвязь поиска онтологической безопасности с мотивацией государства, Дж. Митцен рассматривает межгосударственные отношения через переосмысление дилеммы безопасности. Автор использует кейс мирного процесса в Осло, когда Израиль всё-таки пошёл на мирное разрешение конфликта с Организацией освобождения Палестины, поскольку это соответствовало его онтологической безопасности.

Ко *второму* измерению следует отнести исследования внутривнутриполитического обеспечения онтологической безопасности без упоминания экзогенных факторов. В частности, подобные характеристики содержатся в работе А. Зараколь «Государства и онтологическая безопасность: историческое переосмысление», где автор исходит из допущения, что суверенность как таковая заключается в способности государства обеспечить онтологическую безопасность населения. Из этого вытекает, во-первых, что «политический институт как то, что обеспечивает онтологическую безопасность, не является «вневременным» элементом сосуществования человечества, но разновидностью политической власти, сформировавшейся в конкретных политических условиях»; во-вторых, что «внутри любого общества институты могут конкурировать за привилегию обеспечения

онтологической безопасности населения»; в-третьих, «на основании критерия обеспечения онтологической безопасности во времени и пространстве можно сравнивать социумы, институты и государства» (Zarakol 2010: 5-7). Автор выделяет три институциональных способа обеспечения онтологической безопасности населения в рамках анализа государств разных эпох от доосевого времени до Средневековья, Нового и Новейшего времен: А – гиперсуверенность, Б – разделённую суверенность, В – современную суверенность⁷.

Далее обратим внимание на *третье* измерение. В отличие от межгосударственного и внутригосударственного подходов Б. Стили обращает внимание на то, как внутриполитические практики государства отражаются на его понимании среды. Анализ Б. Стили преимущественно сфокусирован на выстраивании нарративной автобиографии государства, а также на анализе его самоидентичности, коллективной памяти и категории стыда, воспроизводимых в государстве и толкающих его на борьбу с онтологическими вызовами среды. По мнению автора, только стабильное понимание своего нарратива в его рефлексии внешней среды гарантирует онтологическую безопасность государства по отношению к внешней неопределённости: «Опасение за собственную идентичность, возникающее у государства, не обязательно должно исходить от другого. Трансформативные возможности возникают не только из диалектики субъект – другой, но также в результате внутренней диалектики, возникающей из социокультурных аспектов в самом государстве» (Steele 2008: 32). Б. Стили подчёркивает эндогенный характер идентичности, мотивирующий поступать так или иначе на международной арене. Вызов самоидентичности государств формируется средой (Steele 2008: 124). Государства, с одной стороны, ограничены (в том числе и собственными историями, формирующими поле автобиографического нарратива) в рамках данной идентичности, а с другой – среда «делает возможным» реакцию государств на данный вызов, как в случае с «гуманитарной интервенцией» НАТО в Косово (1999). В этом ключе любопытна оценка автора популярных *YouTube* видео, на которых военные США возвращаются с войны

⁷ Гиперсуверенность описывается через опыт Египетского царства, когда «закон и справедливость имели различные источники (божественное и человеческое), однако соединялись в воле фараона, вершившего судьбы людей на основании божественной справедливости и человеческих законов. Во многом фараон Древнего Египта напоминает шмиттовского суверена» (Zarakol 2017: 53). Разделённая суверенность соотносится с большинством постсоветских сообществ, где религиозная власть одержала верх над политической, однако степень данного превосходства варьируется. В каком-то смысле политическая власть превратилась в «обслужу» религиозного авторитета и, тем самым, лишилась возможности обеспечивать ОБ населения. Правосудие, законотворчество стало «делом божьим» (Zarakol 2017: 54-56). В современном смысле политическая власть перестала быть суверенной. Переломный этап в формировании третьего типа суверенности автор относит к эпохе Реформации. Во-первых, сам раскол церкви показал, что в прежде универсальном учении существуют серьёзные изъяны, и определённая легитимность института была расшатана. Во-вторых, и католическая церковь, и реформаторы, искавшие поддержки у политической власти для поддержки своей легитимности, в итоге были национализированы политической властью. В-третьих, реформаторское богословие не отрицало подчинённость церкви государственной власти. Реформация также спровоцировала всевозможные интерпретации учения, что окончательно подорвало универсальность религиозной власти (Zarakol 2017: 57-61).

домой и встречают своих детей (Steele 2019). Подобные видео демонстрируют своеобразную онтологическую незащищённость США в роли глобального борца с терроризмом: они символизируют неспособность элит решить вопрос асимметричных войн быстро и эффективно, демонстрируют усталость солдат воевать за эфемерные и пространные цели, а также служат «своеобразным парадом победы» для простых военнослужащих, не удостоившихся официальных почестей со стороны правительства США (Steele 2019).

Наконец, в рамках *четвёртого* измерения, по-другому подходит к проблематике онтологической безопасности К. Кинвалл, которая отводит приоритетное место влиянию глобализации на онтологическую незащищённость государств. При анализе онтологической безопасности государства невозможно изъять и рассмотреть чистую самоидентичность агента в отрыве от интерпретируемой им структуры: «Глобализация стимулирует отрицание и сопротивление представителей традиционных течений, потому что секьюритизированная реальность становится приоритетом людей, чувствующих неопределённость своего социального и экономического положения» (Kinnvall 2004: 763). Гарантом онтологической безопасности государств выступают, по мнению исследователя, религия и национализм, «являющиеся мощным проводником различного спектра верований (дискурсов) и историй, способных сформировать у граждан чувство безопасности, чувство “дома”, защищающего от злоумышленников» (Kinnvall 2004: 763). Такого же подхода придерживается в более ранних работах А. Зараколь, описывая, например, истоки отрицания преступлений, совершенных Японией и Турцией во время Первой и Второй мировых войн соответственно через анализ, во-первых, идентичности данных государств и, во-вторых, вопросов понимания субъектами международной среды. По мнению автора, распространение западных норм и ценностей повлияло на идентичность Турции и Японии, которые в случае признания преступлений прошлого, пошли бы вразрез изменённой, европеизированной идентичности (в рамках дискурса которой преступления против человечности порицаемы) и тем самым признали бы себя в позиции «варвара» (Zarakol 2010: 16). К категории работ, в которых среда преимущественно влияет на субъект, относится публикация Дж. Митцен 2018 г., в которой автор рассматривает влияние миграционного кризиса на онтологическую безопасность ЕС. Онтологическая безопасность ЕС, по Дж. Митцен, определяется «взаимозависимостью» субъективного, интересубъективного и материального влияния миграционного кризиса на Союз, который формирует внутрисполитический дискурс безопасности европейской идентичности (Mitzen 2018: 1375-1376). «Онтологическая безопасность – это своеобразное ощущение себя дома» (Mitzen 2018: 1375-1376), на которое воздействует среда и формирует идентичность субъекта.

Итак, теория онтологической безопасности, будучи всецело продуктом конструктивистской мысли, по-разному интерпретируется даже внутри, казалось бы, единого подхода. Одна часть работ представлена в систематизирующем

ключе, другая выглядит, скорее, как отдельный концепт, в гносеологическом поле которого заключены либо описание нормативного положения акторов на международной арене по отношению друг к другу/окружающей среде, либо проблема воспроизводства самоидентичности государств на внутривнутриполитической арене.

На наш взгляд, гносеологическое поле теорий ОБ обладает следующим набором преимуществ. Во-первых, теории способны описать непохожую ни на реалистскую, ни на либеральную логику поведения государств на международной арене, используя набор концептов и методов (дискурс-анализ) конструктивизма, выводя его из разряда «методологии» в разряд теории, описывающей логику поведения государств (стремление «обезопасить» свою идентичность, отвечать на вызовы неопределённости). Это ставит новые вопросы в теории международных отношений, касательно главенства материальных факторов безопасности над нематериальными. Во-вторых, как справедливо замечают Дж. Митцен и К. Кинвалл (Kinnval, Manners, Mitzen 2018), теории ОБ формулируют новую повестку в исследовании влияния глобализации на уровень международной конфликтности: насколько глобализация способна породить чувство онтологической незащищённости и спровоцировать новые вызовы идентичности, а также является ли «вызов идентичности» своеобразной преградой к высоким формам интеграции и формированию в будущем глобального сообщества безопасности/экономической взаимозависимости?

Современное исследовательское сообщество пока не приблизилось к единому пониманию и трактовке концепта ОБ. В этом смысле понятийный аппарат оперирует *теориями* ОБ, которые отличны друг от друга и заточены под разный набор исследовательских вопросов. Далее мы постараемся представить собственный взгляд и определение теории, которые, мы полагаем, способны «примирить» разность подходов к описываемой теории.

Обеспечение онтологической безопасности государств: когда и почему?

Существующие исследования онтологической безопасности имеют ряд важных недостатков. Во-первых, далеко не все исследователи подходят к рассмотрению данной проблематики с позиции анализа широкого пласта мирополитических процессов. Часть авторов рассматривает исключительно внутривнутриполитические практики государств, другая изучает влияние на них среды. Во-вторых, исследователи не всегда концентрируются на определении того, когда у государства возникает потребность в обеспечении онтологической безопасности.

Первая проблема решается её рассмотрением в рамках подхода, отражённого в ранних работах Дж. Митцен, где проблематика ОБ рассматривается через анализ факторов, находящихся, что называется, *in-between states* (Mitzen 2006b: 354). Онтологическая безопасность – это состояние, возникающее между субъ-

ектом и его контрагентом: государством, сообществом государств или негосударственным актором. Любое рассмотрение ОБ как состояние «дома», внутреннего пространства государства, имеет право на существование, однако это удел социологов и политических психологов. Определение внешнеполитического курса государства через анализ исключительно «домашнего» дискурса затратно и неточно.

Подход к решению второй проблемы более сложный. Концепт описывает определённую форму кризиса, с которым сталкивается идентичность субъекта⁸. При этом условия формирования вызова идентичности варьируются в зависимости от авторского понимания, что в итоге обостряет *проблему инструментальной несформулированности* чётко определённых переменных, отсутствие или наличие которых говорило бы о статусе «онтологического я» субъекта в его отношениях с другими субъектами международных отношений.

Проблема инструментального определения ОБ обнажает довольно слабо сформулированный на сегодняшний день уровень концепта: онтологическая безопасность – это состояние, при котором государства-контрагенты воспринимают себя в предсказуемых для них самих категориях. Однако все процитированные публикации по-разному трактуют категорию «предсказуемости», что делает концепт чрезвычайно абстрактным. Более того, большинство авторов, рассматривающих межгосударственные отношения с точки зрения данной теории, оперируют категорией неопределённости, что не вносит ясности в исследования. Отсутствие чётких «координат» в гносеологическом поле теорий онтологической безопасности требует дополнительных аналитических усилий в их уточнении.

⁸ Агентское понимание ОБ исходит из сохранения последовательности автобиографического нарратива, функционирования внутриполитических институтов и т.д. Более важным является структурное понимание ОБ (Ejdus 2017; Mitzen 2006b; Steele 2008). Релятивное понимание ОБ в межгосударственных отношениях не всегда чётко определено и, как правило, выражено через несоответствие реальности ожиданиям государств от международной среды с массой неопределённостей. Ввиду этого часть авторов прибегает к метафоре Э. Гидденса о т.н. «когнитивном коконе», находясь в котором субъект поддерживает последовательное самовосприятие – в нашем случае в рамках международных отношений – в качестве актора мировой политики (Giddens 1991: 40). Дж. Митцен уделяет пристальное внимание дилемме безопасности, которая, становясь рутинной, воспроизводит между государствами определённого рода социальную структуру, обоюдно разделяемую контрагентами. Государства, по мнению автора, будут скорее всего сохранять конфликтную конфигурацию двусторонних отношений, если она отвечает их ожиданиям от этих отношений. Например, сугубо конфликтный характер отношений сверхдержав во время холодной войны Митцен объясняет стремлением избежать неопределённости: «В период поздней холодной войны США и СССР, возможно, оба полагали себя в качестве обороняющейся стороны. С этой точки зрения, США хотели бы действовать оборонительно, но не были уверены, что Советский Союз не воспользуется такой политикой США. Учитывая такую неопределённость, США не могли позволить себе выразить свою истинную идентичность и были вынуждены неоднократно предпринимать действия, которые можно было бы рассматривать как наступательные (и агрессивные). И поскольку СССР не мог относиться к США как к обороняющейся стороне, оба государства перманентно находились в состоянии гонки вооружений, спорах о ракетах на Кубе и прокси-войнах в Афганистане и в других местах». (Mitzen 2006b: 356) Разделяя межгосударственный уровень анализа, мы полагаем, что связь между данной проблемой несоответствия реальности ожиданиям государств и онтологической незащищённостью требует уточнения. В противном случае в условиях априори анархической системы ОБ была бы попытку недостижима, если бы строилась на том, что реальность перестаёт соответствовать ожиданиям государств.

Ввиду наличия большого количества трактовок на сегодняшний день сообществу исследователей данной проблематики будет довольно затруднительно ответить на вопрос *«Когда государства озабочены поиском онтологической безопасности?»*. На наш взгляд, это возможно через формулирование «инструментального» определения, через фиксирование двух допущений и трёх переменных.

Допущениями служат следующие факторы: во-первых, онтологическая безопасность – это социально конструируемое состояние; во-вторых, в процесс его конструирования должно быть вовлечено не менее двух контрагентов. Переменными определения ОБ выступают нормы, практики и занимаемое положение, или статус, формирующие социально конструируемую реальность между контрагентами. Учитывая все «условия» определения концепта, можно предположить, что ОБ – это довольно редкое состояние, возникающее между государствами. Соответственно, когда практики, нормы и занимаемое положение взаимно конструируются и соотносятся с ожиданиями контрагентов, то состояние, возникающее между ними, можно охарактеризовать как онтологическую безопасность.

Данное определение свидетельствует о довольно важном аспекте касательно социальной жизни контрагентов на международной арене: оба субъекта отношений должны одинаково понимать и воспринимать «реальность», в которой они взаимодействуют. Используя язык культур анархий А. Вендта (Wendt 1999), образуется следующий ряд ситуаций: если оба государства одинаково понимают, что а) их контрагент не имеет права на наличие суверенитета, и б) единственным языком общения является война, то а) они живут в разделяемой гоббсовской культуре анархии, и б) это состояние характеризуется онтологической безопасностью контрагентов. С другой стороны, если а) государства по-разному смотрят на суверенитет друг друга, и б) их нормы и практики понимаются по-разному друг другом, то а) культура анархии между ними не может быть разделяемой (одно государство может находиться в мире Гоббса, другое – в мире Локка), и б) состояние отношений субъектов характеризуется поиском онтологической безопасности.

Онтологическая безопасность государств: поиск и формирование

Ответив на вопрос *«Когда государства мотивированы поиском онтологической безопасности?»* логично задать следующий: *«А что предпринимают государства для её обеспечения?»* Инструментальное описание состояния онтологической безопасности требует теоретической операционализации процесса поиска данной безопасности. В данной части исследования авторами выдвигается идея дорожной карты поиска ОБ государством, состоящая из трёх отдельных этапов.

Поиск онтологической безопасности может происходить через 1) процесс принятия субъектом роли от внешней среды, в которую он вовлечён; 2) навязывание своей роли субъектам, с которыми происходит взаимодействие;

3) разрыв отношений с данной средой. На всех трёх стадиях поиска онтологической безопасности субъект пытается либо принять нормы и практики, по которым происходит взаимодействие со средой, либо заново определить своё положение в реализуемых отношениях с контрагентами. Сразу заметим, что на третьем этапе, с нашей точки зрения, контрагент не может обеспечить себя искомым состоянием. Данную ловушку взаимоотношений мы называем *дилеммой онтологической безопасности*.

Стоит отметить, что схожие классификации взаимодействия контрагентов не раз использовались различными авторами (Greve 2018; Ringmar 1996; Ringmar 2012; Wolf 2011; 2014; Kompridis 2007) в социологических и политологических исследованиях. Большинство работ говорят о конфликтах за признание статуса контрагента, что, безусловно, имеет схожую, но не идентичную тематику нашим исследованиям. Так, в работах П. Грив, использующей четырёхчастную модель взаимодействия контрагентов в борьбе за статус (заимствование/реформа/отпор/разрыв), в большинстве случаев не исследуется роль норм и практик, что делает опять же проблематику более узкой: многие исследователи подчёркивают, что непризнание контрагента может вести к состоянию онтологической безопасности (Huysmans 1998). С нашей точки зрения, привнесение трёхчастной модели взаимодействия контрагентов по поводу статуса в теорию онтологической безопасности является чрезвычайно важным, и помимо П. Грив (Greve 2018) никем не использовалось. Это обогащает теорию и показывает все этапы, через которые контрагенты проходят в своём стремлении к онтологической безопасности.

На наш взгляд, рабочими этапами являются лишь два первых, третий, несмотря на то что к нему часто прибегают государства, не способен обеспечить онтологическую безопасность. Это отсылает нас к полемике с теми авторами, кто трактует ОБ как чувство «внутреннего пространства дома» государства (Mitzen 2018; Kinnvall 2004), или, как в знаменитой метафоре Э. Гидденса «когнитивного кокона» (Giddens 1991: 40). С нашей точки зрения, подобное ощущение не обеспечивает актора ОБ, потому что в отношениях элементарно отсутствует контрагент, с которым «реальность конструируется». Эта идея была разработана при анализе практик обеспечения дискурсивной безопасности в авторитарных государствах с опорой на работы М. Бехравеша (Behravesch 2018) и А. Кроликовски (Krolikowski 2018). Суть парадокса заключается в том, что государства, находясь в международной изоляции, стремятся обеспечить онтологическую безопасность через конструирование собственной реальности, что, однако, не обеспечивает их желаемым результатом. Актор в такой ситуации часто начинает эксплуатировать образ «осаждённой крепости» на внутриполитической арене для укрепления собственной легитимности.

Итак, поиск онтологической безопасности субъекта происходит прежде всего тогда, когда субъект вовлекается в процесс взаимного конструирования реальности со своим контрагентом.

Категоризация поиска субъектом онтологической безопасности с помощью адаптации, смены правил игры и разрыва помогает нам ответить на вопрос, каким образом он её обеспечивает: или принимает уже имеющуюся роль (гегемона, равного или младшего партнёра), адаптируясь к существующей структуре, или односторонне привносит новые для контрагента нормы и практики, навязывая свою роль и меняя правила игры (см. табл. 1). Разрыв отношений в стремлении найти онтологическую безопасность в действительности не предполагает поиск таковой, так как, исходя из наших допущений, процесс конструирования интерсубъективной реальности характеризуется наличием как минимум двух контрагентов. Дилемма онтологической безопасности как раз и направлена на эти две альтернативы: 1) либо сформулировать «собственную реальность», в которой субъект предстает в образе осаждённой крепости, которой угрожает внешний мир, тем самым легитимируя любые внутрисполитические практики, 2) либо пойти на контакт с внешним миром и влиться в конструирование общего знания, пускай и конфликтного. Во многом эта дилемма была перед правительством Х. Рухани, заключившего «ядерную сделку» в 2015 г. с администрацией Б. Обамы, пойдя на колоссальные репутационные издержки внутри страны.

Таблица 1. Категоризация поиска онтологической безопасности

Table 1. Categorization of the ontological security search

Конфигурация	Действие	Пример
Адаптация	Принятие имеющейся роли: статуса подчинённого, интегрируемого, «младшего партнёра».	СССР и страны Восточного блока и КНР (до 1953 г.), Европейский союз и страны «Барселонского процесса», НАТО и страны «Восточного партнёрства»
Смена правил игры	Навязывание своей роли: активная роль в межгосударственных отношениях, попытки добиться «равного статуса», ведение переговоров о пересмотре двусторонних отношений, ведение военных действий.	Революция в Венгрии 1956 г., политика балансирования И. Тито по отношению к СССР, Бархатные революции 1989-1990 гг., внешняя политика СССР 1947-1953 гг.
Разрыв отношений	Разрыв отношений, изоляционизм под предлогом охранительной политики, дилемма онтологической безопасности: изоляция и формулирование охранительного дискурса или переход к коммуникативному действию с контрагентом.	Дискурс «российской агрессии» на Украине, дискурс «русофобии» в России, дискурс «имперского Запада» в Иране, политика КНДР, попытка Великобритании выйти из состава Евросоюза.

Источник: составлено авторами.

Существующие на сегодняшний день подходы к определению понятия «онтологическая безопасность» имеют две важные особенности. Во-первых, существует довольно широкая вариативность определения понятия, что показано в авторском обзоре через четырёхуровневую классификацию работ. Во-вторых, часть авторов, отталкивающихся от классического описания концепта Э. Гидденсом (Гидденс 2005), рассматривает концепт как состояние, при котором

контрагенты определяют друг друга в предсказуемых категориях. Однако переменная предсказуемости является довольно широкой, отчего имеющиеся сегодня знания о понятии не могут дать ответа на вопрос: *«Когда контрагенты испытывают чувство онтологической незащищённости, и готовы ли они пойти на те или иные шаги для обеспечения своей безопасности?»*.

Итак, онтологическая безопасность – это разделяемое контрагентами знание о нормах и практиках, существующих в их отношениях, а также разделяемое ими понимание статусов друг друга. К преимуществу теории следует отнести её вклад в конструктивистскую парадигму: в её объяснение логики поведения государств. Ввиду того, что конструктивизм оставался, как некоторые считают, преимущественно методологическим инструментом (Алексеева 2014), исследователи данной области, как правило, занимались «картированием» идентичностей и ролей государств. Данная теория показывает, что государства способны защищать эти нормы и роли, а также, что более ценно для исследователей-теоретиков, навязывать их другим государствам, что и является, по преимуществу, их логикой поведения. Так, например, реализм способен предложить базовую логику поведения государств, что, безусловно, определяет его ценность именно в прикладном качестве: государства балансируют, в структуре международных отношений происходит непрерывное распределение материальных возможностей, государства нацелены на максимизацию собственной материальной силы и мощи. Либеральная теория также породила широкую инструментальную базу описания логики внешней политики государств: государства стремятся к защите прав человека, обеспечению глобального мира, формированию единого подхода к соблюдению социальных норм, кооперации в региональных и глобальных институтах, а также, по выражению Дж. Миршаймера, к продвижению стратегии «либеральной гегемонии» (Mearsheimer 2018). Так, в своё время теория безопасности человека, а впоследствии и ответственность по защите были обоснованием вмешательства западного блока в процессы гражданских войн в Югославии и Ливии.

В теории ОБ с особенной важностью подчёркивается, насколько иррационально может вести себя государство, оставшееся без чёткого понимания норм и своего статуса (занимаемого положения) в конфигурации отношений с контрагентом. Ещё более важным моментом теории выступает необходимость избегать ситуаций дилеммы онтологической безопасности: государство проецирует собственную, как правило, охранительную реальность, что, однако, не обеспечивает её онтологической безопасностью от контрагента и может потенциально толкать на дальнейшую эскалацию кризисных отношений.

Об авторах:

Александра Викторовна Худайкулова – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО. E-mail: alexan-dra_77@mail.ru.

Никита Яковлевич Неклюдов – эксперт Группы стратегического маркетинга МГИМО. E-mail: nehkludow96@gmail.com.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31389 «Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами»

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Received: May 22, 2019
Accepted: October 19, 2019

The Concept of Ontological Security in International Political Discourse

A.V. Khudaykulova, N.Y. Neklyudov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia

Abstract: The article studies “ontological” security concept. In a general sense the term depicts expectations of a state about its stable and predictable relations with counterparts. With the term gaining theoretical sway in constructivism since the 21st century, we argue, that it still lacks instrumental definition with fixed assumptions and variables. The analysis of ontological security is conducted in twofold manner. First, we overview the broad range of interpretations, demonstrate the absence of an instrumental definition of the concept and suggest some parameters of such a definition. Secondly, we study the ways how a state can gain ontological security. Three options of achieving ontological security are being presented: adaptation (assuming the role of ‘another’ from the external environment); change of rules (imposing its own role on the subject with whom the interaction occurs); and the breach of relations. At all these stages, the state tries either to adopt the norms and practices by which it interacts with the environment, or to redefine its position in ongoing relations with counterparties. We conclude by presenting a sought definition of the term and by arguing that the concept enhances the constructivist contribution to the IR theory since it allows to define the logic of states’ behavior in international arena. Thus, states seek to be socialized into an intersubjective reality and to define norms, practices and status through forging common and communicative knowledge with ‘other’. Otherwise, the state’s behavior could be irrational. Theory emphasizes the need to avoid situations of the ontological security dilemma: the state projects its own, mostly protective reality, which, however, does not provide it with ontological security from the counterparty and could potentially push for further escalation of crisis interactions.

Key words: ontological security, constructivism, identity, norm, routine practice, social relations, intersubjectivity, self, other.

About the authors:

Alexandra V. Khudaykulova – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Applied Analysis of International Problems, MGIMO-University.
E-mail: alexandra_77@mail.ru.

Nikita Ya. Neklyudov – Expert, Strategic Marketing Group, MGIMO-University.
E-mail: nehkludow96@gmail.com.

Acknowledgements:

The reported study is funded by RFBR and EISR, project No. 19-011-31389 “Traditional and ascending centers of power: discussions regarding sovereignty and conflict management”.

Conflict of interests:

Authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Applebaum A. 2013. *Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe, 1944-1956*. Anchor. 640 p.
- Behraves M. 2018. State Revisionism and Ontological (In)Security in International Politics: the Complicated Case of Iran and its Nuclear Behavior. *Journal of International Relations and Development*. 21(4). P. 836–857.
- Buzan B. 1991. *People, states and fear: An agenda for international security studies in the post-cold war era*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 318 p.
- Buzan B. Wæver O. Wilde J. de. 1998. *Security: a New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner. 239 p.
- Cebeci D. 2019. *Growing up Exceptional-The Waning American Century: The US' Withdrawal from the JCPOA Through the Lens of Ontological Security Theory*. Doctoral dissertation. The University of North Carolina at Chapel Hill.
- Ejdus F. 2017. Critical situations, fundamental questions and ontological insecurity in world politics. *Journal of International Relations and Development*. 21(4). P. 883–908.
- Epstein N. 2007. Explaining the War on Terrorism from an Ontological-Security Perspective. *MIT International Review*. Spring. P. 12-19.
- Giddens A. 1979. *Central Problems in Social Theory. Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley: University of California Press. 294 p.
- Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press. 264 p.
- Greve P. 2018. Ontological Security, the Struggle for Recognition, and the Maintenance of Security Communities. *Journal of International Relations and Development*. 21(4). P. 858–882.
- Homolar A., Scholz R. 2019. The power of Trump-speak: populist crisis narratives and ontological security. *Cambridge Review of International Affairs*. 32(3). P. 344–364.
- Hopf T. 2013. Common-Sense Constructivism and Hegemony in World Politics. *International Organization*. 67(2). P. 317–354.
- Hopf T. 2013. *Reconstructing the Cold War. The Early Years, 1945–1958*. Oxford: Oxford University Press. 291 p.
- Huszka B. 2017. Eurosceptic yet Pro-enlargement: the Paradoxes of Hungary's EU Policy. *Southeast European and Black Sea Studies*. 17(4). P. 591–609.
- Huysmans J. 1998. Security! What Do You Mean? From Concept to Thick Signifier. *European Journal of International Relations*. 4(2). P. 226–255.

- Kinnvall C. 2004. Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security. *Political Psychology*. 25(5). P. 741–767.
- Kinnvall C., Mitzen J. 2017. An Introduction to the Special Issue: Ontological Security in World Politics. *Cooperation and Conflict*. 52(1). P. 3–11.
- Kinnvall C., Manners I., Mitzen J. 2018. Introduction to 2018 Special Issue of European Security: “Ontological (In)security in the European Union”. *European Security*. 23(3). P. 249–265.
- Kinnvall C., Mitzen J. 2018. Ontological Security and Conflict: the Dynamics of Crisis and the Constitution of Community. *Journal of International Relations and Development*. 21(4). P. 825–835.
- Kompridis N. 2007. Struggling over the Meaning of Recognition. A Matter of Identity, Justice, or Freedom? *European Journal of Political Theory*. 6(3). P. 277–289
- Krolikowski A. 2008. State Personhood in Ontological Security Theories of International Relations and Chinese Nationalism: A Sceptical View. *The Chinese Journal of International Politics*. 2(1). P. 109–133.
- Laing R. 1960. *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. London: Penguin. 224 p.
- McSweeney B. 1999. *Security, Identity, and Interests. A Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 239 p.
- Mearsheimer J. 1990. Back to the future: Instability in Europe after the Cold War. *International Security*. 15(1). P. 5–56.
- Mearsheimer J. 2018. *The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities*. Yale: Yale University Press. 368 p.
- Mearsheimer J. 2001. *The tragedy of great power politics*. New York: WW Norton & Company. 568 p.
- Mitzen J. 2006. Anchoring Europe's Civilizing Identity: Habits, Capabilities and Ontological Security. *Journal of European Public Policy*. 13(2). P. 270–285.
- Mitzen J. 2006. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations*. 12(3). P. 341–370.
- Mitzen J. 2018. Feeling at Home in Europe: Migration, Ontological Security, and the Political Psychology of EU Bordering. *Political Psychology*. 39(6). P. 1373–1387.
- Mitzen J., Schweller R.L. 2011. Knowing the Unknown Unknowns: Misplaced Certainty and the Onset of War. *Security Studies*. 20(3). P. 2–35.
- Moravcsik A. 1997. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. *International Organization*. 51(4). P. 513–553.
- Ringmar E. 1996. *Identity, Interest, and Action. A Cultural Explanation of Sweden's Intervention in the Thirty Years War*. Cambridge: Cambridge University Press. 236 p.
- Ringmar E. 2012. The International Politics of Recognition. *The International Politics of Recognition*. Ed. by Lindemann T. and Ringmar E. Boulder: Paradigm Publishers. P.3–23.
- Rumelili B. 2015. Identity and De-securitization: The Pitfalls of Conflating Ontological and Physical Security. – *Journal of International Relations and Development*. 18(1). P. 52–74.
- Steele B. 2005. Ontological Security and the Power of Self-Identity: British Neutrality and the American Civil War. *Review of International Studies*. 31(3). P. 519–540.
- Steele B. 2008. *Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State*. New York: Routledge. 208 p.
- Steele B. 2019. Welcome Home! Routines, Ontological Insecurity and the Politics of US Military Reunion Videos. *Cambridge Review of International Affairs*. 32(3). P. 1–23.
- Waltz K. 1979. *Theory of International Politics*. Long Grove: Waveland Press. 256 p.

Wendt A. 1994. Collective Identity Formation and the International State. *The American Political Science Review*. 88(2). P. 384-396.

Wendt A. 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 420 p.

Wendt A. 1987. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*. 41(3). P. 335-370.

Wendt A. 2004. The State as Person in International Theory. *Review of International Studies*. 30(4). P. 289-316.

Wolczuk K. 2016. Managing the Flows of Gas and Rules: Ukraine between the EU and Russia. *Eurasian Geography and Economics*. 57(1). P. 113-137.

Wolf R. 2011. Respect and Disrespect in International Politics: The Significance of Status Recognition. *International Theory*. 3(1). P. 105-142.

Wolf R. 2014. Treating Asian Nations with Respect: The Promises and Pitfalls of Status Recognition. *Global Discourse*. 4(4). P. 462-480

Zarakol A. 2011. *After Defeat: How the East Learned to Live with the West*. New York: Cambridge University Press. 312 p.

Zarakol A. 2010. Ontological (In)Security and State Denial of Historical Crimes: Turkey and Japan. *International Relations*. 24(1). P. 3-23.

Zarakol A. 2017. States and Ontological Security: A Historical Rethinking. *Cooperation and Conflict*. 52(1). P. 48-68.

Alexeyeva T.A. 2014. Think Like Constructivist: Discovering a Polyphonic World. *Comparative Politics Russia*. 1(14). P. 4-21. (In Russian)

Durmanenko A. 2012. Religion and Ontological Security: Analysis of Functionality in the Context of Structuration Theory. *Baltic Humanitarian Journal*. No. 1. P. 5-8. (In Russian)

Elfimova O.S. 2012. The Concept of Security in Western Modern Times Sociologic Theories. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 3. P. 35-41. (In Russian)

Giddens A. 2005. The construction of society. Outline of the Theory of Structuration. (Russ. ed.: Giddens A. *Ustroenie obshestva: Ocherk teorii structuracii*. Moscow: Akademicheskii prospect. 528 p.)

Istomin I. 2018. *Logica povedenia gosudarstv v mezhdynarodnoi politke* [The Logic of States' Behaviour in International Politics]. Moscow: Aspekt Press. 294 p. (In Russian)

Kadyrkulova M. 2016. *Bezhency i ontologicheskaya bezopasnost' strany* [Refugees and Ontological Security of a State]. *Vestnik Sovremennoi Nauki*. No. 5. P. 132-134. (In Russian)

Khudaykulova A. 2016. Conflict Management in the new Century. Back to Proxy Wars. *International Trends*. 14(4). P. 67-79. (In Russian)

Khudaykulova A. 2015. International Conflict Studies as a Research and Teaching Area. *Vestnik RUDN. International Relations*. No. 3. P. 61-73. (In Russian)

Kim D.S. 2018. *K voprosu ob issledovanii ontologicheskikh konceptov bezopasnosti* [An Analytical Study of the Ontological Concepts of Security]. *Social'no-politicheskie nauki*. No. 5. P. 97-100. (In Russian)

Литература на русском языке:

Алексеева Т. 2014. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир. *Сравнительная политика*. № 14. С. 4-21.

Гидденс Э. 2005. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. 2-е изд. Москва: Академический Проспект. 528 с.

Дурманенко А. 2012. Религия и онтологическая безопасность личности: анализ функциональности в контексте теории структуризации. *Балтийский гуманитарный журнал*. № 1. С. 5-8.

Елфимова О. 2012. Концепт безопасности в современных западных социологических теориях. *Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. Серия: социальные науки*. № 3. С. 35-41.

Истомин И. 2018. *Логика поведения государств в международной политике*. Москва: Аспект Пресс. 294 с.

Кадыркулова М. 2016. Беженцы и онтологическая безопасность страны. *Вестник современной науки*. № 5. С. 132-135.

Ким Д. 2018. К вопросу об исследовании онтологических концептов безопасности. *Социально-политические науки*. № 5. С. 97-100.

Худайкулова А. 2015. Международная конфликтология как наука и образовательная дисциплина. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. № 3. С. 67-73.

Худайкулова А. 2016. Новое в управлении международными конфликтами. *Международные процессы*. № 4. С. 67-79.

BRICs Nations Growing Impact on the Global Health Sector

Mihajlo Jakovljevic, Natalia Ekkert, Maria Mikerova, Vladimir Reshetnikov

Medical Sciences University, Serbia; First Moscow State Medical University, Russia; Lund University, Sweden
First Moscow State Medical University

The most notable feature of the past five centuries of global economic history dating back from Colonial Age until the present accelerated globalization is the persistence of «North – South» division between the global rich and poor. This ground pattern has been falling apart over the last three decades with the rise of BRICs emerging economies (Brazil, Russia, India, China). The Chinese Belt and Road Initiative fosters further rapid growth and synergy among these large nations. This ambitious and historically unprecedented infrastructural project if successful can lead to a formation by 2049 of a huge common economic zone bringing opportunities for multilateral development to the BRICs. These profound changes have deep implications for the global health care sector. Previous research on health and pharmaceutical spending has clearly documented that low- and middle-income economies (LMICs), led by these emerging markets, have doubled their share in global health spending from roughly 20% up to approximately 40% in purchasing power parity terms. Alongside with these global developments, a decade ago, some of the leading Western academic centers, confirm new era of rising world's geo-economic and geopolitical multipolarity. The world witnesses this process being accelerated today and seek deeper understanding how it will reflect on long term health and pharmaceutical expenditure trends, particularly in the leading BRICs emerging markets being a front runner of such evolution.

Key words: BRICs, Emerging Markets, OBOR, BRI, New Silk Road, Health, Expenditure, Pharmaceutical, Medical Care, China, Russia, India, Brazil.

Colonial Age Inherited Patterns in Global Economic History and their Demise

Over the past several centuries of global economic history a certain visible pattern has been established in geographical distribution of development. Rich industrialized nations dwell mostly in the northern hemisphere while most of the developing nations remain in the southern one. Manufacturing goods and services

УДК 339.9; 614.2; 323.2
Received: December 01, 2019
Accepted: December 12, 2019

travel usually from the North to the South in search of skillful, educated and cheap labor force. High-quality and expensive goods or services produced there are mostly either exported back to the North or consumed by customers coming from there. Throughout the most of 19th and 20th centuries the only real competitor challenging the worldwide economic dominion of Western Europe and its colonial descendant countries was Imperial Russia and later USSR. Soviet five-year development plans based on entirely different economic model were exceptionally successful in terms of economic output. If we assume the GDP growth rate to be the core indicator of economic development, USSR then heavily outperforms most of world's rapidly developing economies in 1928-1970¹ (Allen 2005: 315-332). These same five-year plans were later embraced by People's Republic of China and become one of the corner stones of its success. From 1940's until early 1980's the USSR was ranked the second global economy after the USA in purchasing power parity terms according to the Bretton Woods financial institutions such as International Monetary Fund and the World Bank². Soviet achievements in industrial development, space exploration, military and medical innovations became well known globally. The country had tremendous geopolitical outreach and served as a hub for socialist societies across approximately half of the world. However, it never managed to overcome economic output of the United States given the diversity of its economy and variety of advantages ranging from the Hollywood Dream Factory to the Silicon Valley breakthrough discoveries in microchip technologies.

Shortly after the American Civil War of 1861-1865 approximately around 1875, according to Angus Maddison's historical estimates³, the USA overtook the crown of the richest nation in terms of real national GDP from the Chinese Empire under Qing dynasty⁴. Given its beneficial geographical position in both world wars outside major war theatres and essentially without war taking place on its soil, this gap extended tremendously in early post WWII decades. Cold War Era lasted approximately from 1945 to 1991 and was followed by the accelerated Globalization Era. Again, unchallenged by major competitors, Western powerhouses got a strong impetus to boost their economic growth, spreading mostly Western- and Japan-based multinational businesses globally across dozens of former socialist state-planned economies. At the peak of its power at the crossroads of millennia, these large multinationals were successfully operating at the expense of national legislations, removing large amounts of national wealth accumulated over multiple generations of development. One of the striking examples is small upper-middle income Serbia that entered so called Eastern European "transition" from the state-planned to the free-market economy with a one decade delay due

¹ The Soviet Union: From farm to factory. Stalin's Industrial Revolution. Nintil. 04.02.2017. URL: <https://nintil.com/2017/02/04/the-soviet-series-from-farm-to-factory-stalins-industrial-revolution/>

² Angus Maddison statistics of the ten largest economies by GDP (PPP). URL: [https://ipfs.io/ipfs/QmXoyvizjW3WknFiJnKLwHCnL72vedxjQkDDP1mXWo6uco/wiki/Angus_Maddison_statistics_of_the_ten_largest_economies_by_GDP_\(PPP\).html](https://ipfs.io/ipfs/QmXoyvizjW3WknFiJnKLwHCnL72vedxjQkDDP1mXWo6uco/wiki/Angus_Maddison_statistics_of_the_ten_largest_economies_by_GDP_(PPP).html) (accessed 10.12.2019)

³ Ibid.

⁴ Maddison Historical Statistics. Groningen Growth and Development Centre. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historical-development/maddison/> (accessed 10.12.2019)

to civil wars in former Yugoslavia (Jakovljević, Jovanović at al. 2011: 161-163; Jakovljevic 2013: 153; Jakovljevic, Lazarevic et al. 2016). It is estimated by a variety of sources, including OECD academic literature, that in a short time span from 2000 to 2013 the country suffered losses of around US\$ 51 billion due to multinational businesses, that was publicly admitted by the major mainstream media⁵. It is meaningless to point out the effect of similar business processes and rapid privatizations of large state-owned enterprises in far richer and larger countries in Europe, Asia and Latin America.

One significant change, however, remained unnoticed. Global share of so called "Collective West", led by the US, within the world's entire economic output measured either in nominal or purchase power parity terms, major convertible or local currencies, continued to shrink and decrease over the most of seven and a half post-WWII decades⁶. This hidden change was not covered by mainstream media but, at the same time, was recognized in prominent anti-globalist academic sources. In fact, back in 1960 the USA had contributed with almost 40% to the global economy of that time⁷. Given the fact that its population was never larger than 4% of mankind we may understand the scale of such advantage. Historically such a successful rate was overrun only by achievements of ancient Imperial China under Tang Dynasty (唐朝 618-907 AD) whose estimated annual GDP per capita was around \$480 (\$US as of 1990 used for comparison⁸) and it accounted for some 58% of world output of that time⁹. Even more impressive is the peak of Song Dynasty (宋朝 960-1279 AD) whose estimated GDP per capita was around US\$ 2,280 contributing with 80% to the global economy of the time.

Here we come up to the point: the crucial change of our days. Hidden underlying changes were taking place gradually even before the end of Cold War while accelerating tremendously since the late 1990's. This was gradual but steady and irreversible movement of world's geo-economic epicenter from the West towards the East, dominantly Far East Asia¹⁰.

The US contribution to the world economy was contracting further in the long run, throughout all the upsides and downs of previous decades, today reaching a level

⁵ Hadson: Iz Srbije je izneta 51 milijarda dolara od privatizacijske pljačke. Radio Slobodna Evropa. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/hadson-kako-je-iz-srbije-izvuena-51-milijarda-dolara/25126407.html> (accessed 10.12.2019); Majkl Hadson za „Novosti”: Iz Srbije izneta 51 milijarda dolara. URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/ekonomija/aktuelno.239.html:458538-Majkl-Hadson-za-Novosti-Iz-Srbije-izneta-51-milijarda-dolara> (accessed 10.12.2019)

⁶ Maddison Angus. Measuring and interpreting world economic performance 1500-2001. URL: <https://crawford.anu.edu.au/pdf/edges/Maddison.pdf> (accessed 10.12.2019)

⁷ Patton Mike. U.S. role in global economy declines nearly 50%. Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/mikepatton/2016/02/29/u-s-role-in-global-economy-declines-nearly-50/#688965255e9e> (accessed 10.12.2019)

⁸ Angus Maddison statistics of the ten largest economies by GDP (PPP). URL: [https://ipfs.io/ipfs/QmXoyipizjW3WknFiJnKLwHCnL72vedxjQkDDP1mXWo6uco/wiki/Angus_Maddison_statistics_of_the_ten_largest_economies_by_GDP_\(PPP\).html](https://ipfs.io/ipfs/QmXoyipizjW3WknFiJnKLwHCnL72vedxjQkDDP1mXWo6uco/wiki/Angus_Maddison_statistics_of_the_ten_largest_economies_by_GDP_(PPP).html) (accessed 10.12.2019)

⁹ China's Historical GDP Share in The World. China Whisper. URL: <http://www.chinawhisper.com/chinas-historical-gdp-share-in-the-world/> (accessed 10.12.2019)

¹⁰ Milanovic Branko. The end of a long era. World Bank Blogs. URL: <http://blogs.worldbank.org/developmenttalk/end-long-era> (accessed 10.12.2019)

of exactly 15.11% in GDP in PPP terms according to the latest data release of 2019¹¹. According to the International Monetary Fund's "World Economic Outlook", this value is going to be at 13.71% in 2024¹². As a comparison, USSR share in world economy in the same terms during the peak of its power was around 16.5%¹³. Furthermore, if we anticipate that 28 countries comprising the European Union (as of May 2019) were coupled together back in 1989, their overall participation in world economy would be around 33%. This is hypothetical scenario since geopolitical maps has changed and many of these states did not exist at the time, with Europe divided by the Iron Curtain, EU15 were capitalist free-market economies while EU-post-2004 were mostly centrally planned socialist ones except for small island states of Malta and Cyprus. In 2019 all these EU nations contribute with 16.02%¹⁴. This is going to decrease heavily¹⁵ for most of reliable long-term forecasts predict that they will have joint economic output approximately of 9% in 2050¹⁶.

Macroeconomic global recession, originated with 2007 bankruptcy of Lehman Brothers, resulted in years of either stagnant or weak real GDP growth in most high-income OECD nations. Ultimately deep vulnerabilities of the US-led neoliberal globalization became obvious even to its most well-known apologists.

As a crown event of this, in autumn 2014 the International Monetary officially recognized the People's Republic of China the richest nation and largest economy in purchasing power parity terms. There are still minor discussions around methodological issues related to the International Comparison Program price surveys conducted in 1990 and 2005 and being the benchmark for PPP conversion¹⁷. This refers mostly to the exclusion of nominal monetary terms as reliable way to compare inherently different economic establishments at the first place. The second argument is that different authors disagree mostly around momentum when China actually surpassed the US in size with most assessments ranging from 2009 to 2017. To those less aware of economic history the Asian rise appears like surprise sudden swift in global tectonic geopolitical movements. However, even superficial insight into the historical archives

¹¹ United States' share of global gross domestic product (GDP) adjusted for purchasing power parity (PPP) from 2014 to 2024. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/270267/united-states-share-of-global-gross-domestic-product-gdp/> (accessed 10.12.2019)

¹² GDP based on PPP, share of world. IMF. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD/USA/RUS> (accessed 10.12.2019)

¹³ The Soviet Union: GDP growth. Nintil. URL: <https://nintil.com/2016/03/26/the-soviet-union-gdp-growth/> (accessed 10.12.2019)

¹⁴ European Union: share in global gross domestic product based on purchasing-power-parity from 2014 to 2024. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/253512/share-of-the-eu-in-the-inflation-adjusted-global-gross-domestic-product/> (accessed 10.12.2019)

¹⁵ Budiman Abby. Few see EU as world's top economic power despite its relative might. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/09/few-see-eu-as-worlds-top-economic-power-despite-its-relative-might/> (accessed 10.12.2019)

¹⁶ The EU has shrunk as a percentage of the world economy. URL: <https://fullfact.org/europe/eu-has-shrunk-percentage-world-economy/> (accessed 10.12.2019); A Collection Of Maps Illustrated Estimates Of GDP Going Back 2000 Years. Visualizing Economics. URL: <http://visualizingeconomics.com/the-wealth-of-nations> (accessed 10.12.2019)

¹⁷ Milanovic Branko. The end of a long era. World Bank Blogs. URL: <http://blogs.worldbank.org/developmenttalk/end-long-era> (accessed 10.12.2019)

reveals that the roots of today's world economic order can be traced back to where it was a century and a half ago.

Rise of the Emerging Markets led by the BRICS Nations

In this brief insight into the world economic history we clearly recognize the so called "Rich North – Poor South" pattern of the Colonial Period trade and investment flows. Bipolarity of the Cold War put an end to the imperial legacies of Western Europe: the role of the Non-Aligned Movement led by India, Egypt and Yugoslavia remains disputable but a contributing factor accelerating the process. However, policies of the Third World nations leaders, such as Mahatma Gandhi, Nelson Mandela, Fidel Castro and Patris Lubumba, led to the destruction of classic European colonialism.

However even since the 1980's with Perestroika in the USSR and Deng Xiaoping reforms in China, introduced in 1978 but bringing first fruits only in 1989, early signs of new profound changes were looming on the horizon. They were largely overseen by academic centres and analytical houses during the 1990's covered by other prevailing mainstream events of that time. Finally, when the rise of "newly established" economies became obviously visible and impossible to hide, Goldman Sachs analysts marked them as the Emerging Markets¹⁸ – a group of rapidly developing world economies, sharing several common features. They had inherited variety of different economic systems and inner governing practices but developed outside the Collective West and club of traditional high-income, welfare economies of the 1960's¹⁹. Several acronyms have been introduced to group them, such as EM7 (Brazil, China, India, Indonesia, Mexico, Russia and Turkey), MIST (Mexico, Indonesia, South Korea and Turkey), Next Eleven (Bangladesh, Egypt, Indonesia, Iran, Mexico, Nigeria, Pakistan, Philippines, South Korea, Turkey and Vietnam) and others (Reshetnikov, Arsentyev et al. 2019: 22-26). They were all developing at much faster pace than the most of time before during and after the latest world economic recession of 2008-2016. The measured and forecasted contribution of EM7 to real GDP growth worldwide on a 2017-2020 horizon was vastly exceeding the one of G7 (USA, Japan, Germany, UK, France, Italy, Canada) at the ratio of 50% to 25% of world's GDP²⁰. This fastest developing group of nations, known as BRICS (Brazil, Russia, India, China, later to be joined by South Africa)²¹, ultimately joined together²² putting a challenge to the order existing at the

¹⁸ Reddy Sanjay G. The BRICS and a Changing World. URL: <https://reddytoread.com/2017/09/19/the-brics-and-a-changing-world/> (accessed 10.12.2019)

¹⁹ Civil BRICS. URL: <http://civilbrics.ru/en/gr-brics/> (accessed 10.12.2019)

²⁰ Ayhan Kose. Big emerging market economies versus the G-7: Which group will drive the upswing in global growth? URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2017/07/14/big-emerging-market-economies-versus-the-g-7-which-group-will-drive-the-upswing-in-global-growth/> (accessed 10.12.2019); World Bank Documents: How Important are Spillovers from Major Emerging Markets? URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/786391496863791206/How-important-are-spillovers-from-major-emerging-markets> released on 2017/06/07 (accessed 10.12.2019)

²¹ The BRICS Post. URL: http://www.thebricspost.com/about-us/#.XfTjo_zgrcd (accessed 10.12.2019)

²² Interviewees, columnists, authors and pundits of BRICS Business Magazine. BRICS Magazine. URL: <https://www.brics-magazine.com/en/people> (accessed 10.12.2019)

beginning of 21st century. Initially, in 2001, the acronym was coined by Jim O'Neil²³, whose remarks were followed by a great variety of reports and market estimates of future development pathways of these nations up to 2050.

In a diversity of scenarios, mathematical modelling approaches and geopolitical calculations there is broad consensus among academia, major industry sectors and political elites, that BRICs nations are about to play a crucial role in the establishment of the 21st century world order. The year 2008 was marked by establishment of BRIC as a multilateral association. BRICs leaders might have seriously considered the ancient wisdom, that if you compete with another geopolitical challenger, such as the West, you would probably have to be more like them²⁴, or at least embrace some of the core features of this different development model. How much emerging nations were successful in embracing this wisdom can be noticed in the fact of their far higher resilience and much faster recovery rates before, during and after the global economic crisis of 2007-2008²⁵. Real Gross Domestic Product rates among EM7 have on average outpaced the ones in leading OECD G7 nations since the beginning of 21st century, according to the International Monetary Fund²⁶. Whatever were the underlying reasons driving BRICs initiative, it was destined to become one of the crucial factors in geopolitics and geoeconomics of the century.

There are also other influential tendencies. The One Belt One Road initiative of People's Republic of China (now Belt and Road Initiative - BRI), announced in 2013, also widely known as the new Silk Road is probably the largest milestone event of the decade. Alongside with it there were several core developments triggering significant changes in international geo-economic landscape ultimately leading to the rise of multipolarity. There happened a chain reaction of sudden loss of global confidence into the neoliberal economic model as the most successful one, after its last disastrous recession following the previous ones in 1930's and 1970's. Surprisingly this is the case even in Western academic circles, with some prominent centers of economic thought in Chicago, Canada, France or Israel, far outside non-Western competitor nations. The outcomes of recent proxy wars and attempted or realized colored revolutions in Middle East, Eastern Europe and Latin America triggered the split. Epilogues of many of these conflicts at the contemporary geopolitical moment are increasingly being perceived worldwide by the low-and-middle-income nations (LMICs) as the increasing influence and strength of the Russian Federation and People's Republic of China and theirs, to a large extent, mutually complementary policies (Jakovljevic, Getzen 2016; Школьников 2019). The last but not the least change occurred inside the Western

²³ Building Better Global Economic BRICs. Goldman Sachs Report. URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf> (accessed 10.12.2019)

²⁴ BRICS represents a vital force bolstering global economy: experts. Hellenic Shipping News. URL: <https://www.hellenic-shippingnews.com/brics-represents-a-vital-force-bolstering-global-economy-experts/> (accessed 10.12.2019)

²⁵ BRICS Chamber of Commerce and Industry. URL: <http://www.bricscci.com/> (accessed 10.12.2019)

²⁶ Asia and Pacific Regional Economic Outlook. IMF. URL: <https://data.imf.org/?sk=388DFA60-1D26-4ADE-B505-A05A558D9A42&slid=1479329132316> (accessed 10.12.2019)

democracies, namely the populism movements and their firm grip on power in many countries including the rich and most influential ones (Gusterson 2017: 209-214).

Global Health Sector in Rising World's Multipolarity of the 2020's

All these changes inevitably influence the global health care sector – global multinational pharmaceutical industry, also known as “Big Pharma”, alongside with medical device industry which have yielded their profits for the long post-WWII decades almost exclusively inside the US, Japanese and EU5 Western Europe markets (Germany, France, UK, Italy, Spain) (Jakovljevic, Groot, Souliotis 2016). But the landscape began to change substantially. Since the end of the Cold War there happened a continuous and profound fall of purchasing power in the Western middle class²⁷. On the opposite, after the Russian recession reached its bottom in 1998 the recovery began suddenly and at the bold pace. Similarly, Chinese milestone event on Tiananmen Square in 1989 marked the threshold year for rapid further development. Rise of India²⁸ and Brazil also changed the traditional North-South polarity in world economic order. The latest global economic crises was far better sustained among the emerging economies compared to G7 (Jakovljevic 2016: 70-76). This means that both real GDP growth and employment rates remained continuously higher among the EM7. Furthermore, middle class continues to grow among the BRICs states (Kravets, Sandikci 2014). This trend is entering its third decade now in BRICs, with China being the overachiever lifting 800+ million people from poverty (Jakovljevic 2015). Also, the purchasing power of this middle class is growing rapidly as well, particularly in rich coastal and industrial areas surrounding capitals and megacities²⁹. The world witness the blossoming of medical tourism in Russia and Asian economies driven largely by growing demand for medical care and affordability line. The 11th formal meetings of BRICS heads of state took place in Brasilia in March 2019 with a strong emphasis on coordination of health policies among them³⁰.

Pharmaceutical prescribing and dispensing as the most dynamic sector of medical services market is probably the best landmark presenting the peak of an iceberg of what happens “beneath the surface” of these socioeconomic phenomena. Share of drug acquisition expenses in developed free market OECD economics rarely exceeds 15%-25% with the tendency to the bottom value. Unlike this, domestic pharmaceutical sector of China accounted few years ago for up to 44% of entire health expenditure on hospital care. There is a peculiarity of traditional Asian medicine across China, Japan, Korea and nations of Indochina that medicines prescribing and dispensing are

²⁷ In rich countries, the middle class is getting smaller and smaller, generation by generation. Quartz. URL: <https://qz.com/1592826/the-middle-class-is-shrinking-generation-by-generation/> (accessed 10.12.2019)

²⁸ Raja Mandala: Rearranging the BRICS. Carnegie India, 09.05.2017. URL: <https://carnegieindia.org/2017/09/05/raja-mandala-rearranging-brics-pub-73000> (accessed 10.12.2019)

²⁹ The rise of Asia's middle class. Asia's emerging middle class: past, present, and future. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/27726/special-chapter-02.pdf> (accessed 10.12.2019)

³⁰ BRICS Brazil 2019. URL: <http://brics2019.itamaraty.gov.br/> (accessed 10.12.2019)

not separated like in the European tradition and its colonial descendant cultures. Both steps are being done at the doctor's office; in China roughly 50% of all drugs are being dispensed to inpatients during hospital admission and additional 34% to outpatients again in clinic-associated pharmacies. These historical differences are driving the current change and patterns. Among the rich, so-called highly-regulated markets such as Japan, Switzerland, France and Benelux countries in Europe sales of expensive brand drugs have been dominated against affordable generic (copycat) medicines for decades. Such order is determined by multinational "Big Pharma" presence which harvested its profits but also led to cutting edge innovations in pharmacology.

Among the leading BRICs nations it was traditionally the opposite case. These rapidly developing economies had their domestic generic manufacturing sector satisfying local needs with a rather limited export capacities to surrounding dependent markets. The USSR was historically much ahead of India and China in these industries. Over the course of time all of these traditional patterns were put to the test of time. India has gradually developed globally the most competitive generic drugs manufacturing sector. Its large companies such as *Ranbax*[®] and many others adapted to the business environment in roughly 200 countries and political entities across the world including those with most stringent pharmaceutical technology standards such as Japan. In the meantime, financial burden of slowing economy in the West and ageing population in their societies have raised sustainability issues with long run health expenditure. This is largely attributable to the prevalence of chronic lifetime expensive to treat noncommunicable diseases (NCDs) in the West and the East alike (Jakovljevic, Milovanovic 2015; Jakovljevic, Jakab et al. 2019: 727).

One of the core adaptive strategies was shifting mass consumption from original, branded to copycat drugs (generic) medicines and from novel biological to the so-called biosimilar medicines. This has resulted in a wave of legislation changes leading to rapid market uptake of generic medicines following brand patent expiry primarily in the USA in late 1980's and Canada during 1990's. Today this trend is even prevailing in a traditionally conservative brand-dominated Japanese market. In the meantime, China has achieved to overrun a hurdle, long thought to be far away – one year ago it became the world second largest pharmaceutical market with the clear potential of becoming the second largest health care market³¹. So far the US supremacy in terms of value brand turnover remains undisputed and medicinal device market of Japan still surpasses Chinese one for a substantial margin.

³¹ Fast growth in China's pharmaceutical market to benefit foreign firms: report. China Daily. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201909/29/WS5d901f4ca310cf3e3556e1cc.html> (accessed 10.12.2019); Tan, H. China's pharmaceutical industry is poised for major growth. CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2018/04/19/chinas-pharmaceutical-industry-is-poised-for-major-growth.html> (accessed 10.12.2019); China's pharmaceuticals industry is growing up. Economist. URL: <https://www.economist.com/business/2019/09/28/chinas-pharmaceuticals-industry-is-growing-up> (accessed 10.12.2019); Wong, J. China's Drug Market Is Opening Up. The Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/articles/chinas-drug-market-is-opening-up-11573468202> (accessed 10.12.2019); Characterising Eastern China's pharmaceutical manufacturing market: Shandong and Jiangsu. URL: <https://www.pharmaceutical-technology.com/comment/china-pharmaceutical-industry-2019/> (accessed 10.12.2019)

Belt and Road Initiative appears to be probably the largest scale infrastructural investment project in a written history of mankind. Tradition of Chinese Imperial legacy as “the Middle Kingdom” is actually filled with prominent examples of large scale coordinated efforts of huge number of people (Rossabi 1983).

Probably among the most well-known ones are the Great Wall legacy of early statehood of the 7th century BC and the build-up of a large naval fleet for early Ming dynasty treasure voyages (1405-1433 AD) exploring the shores of Indian Ocean and Africa³². Yet contemporary China differs in several core aspects with its historically preceding statehoods in sense it has been long absorbing the dominantly foreign-born knowledge and technologies. This is actually not a unique case in Far East Asia. Following Meiji reforms of 1868 Imperial Japan caught up approximately four centuries of European colonial development since Renaissance Era in roughly four decades. It culminated with a conquest of the Korean Peninsula, Russo-Japanese War of 1905 and consecutive 1930 conquest of Chinese heartland. People's Republic of China in a different international circumstances followed Japanese example in the similar footsteps beginning from Deng Xiaoping reforms in mid-1970's (Vogel 2011). Rapid developments were actually visible worldwide mostly after 1989. The less impressive but also difficultly achieved peculiarities of modern Chinese development refer to the successful delivery of social justice in many spheres of life and controlling the gap between the rich and the poor as measured via Gini index (Xie, Zhou 2014). Core characteristics of socialism with Chinese characteristics are now well-known as a mega scale industrialisation, unseen urbanization and birth of megacities with Shanghai conurbation recently becoming the largest city on Earth. Probably the most glorious recent examples are satellite landing on a dark side of the Moon and essential technological breakthroughs in 5G cell phone networks.

Therefore, Chinese society, academia and industry sector alike, have clearly developed their ability not only to absorb the knowledge and reproduce industrial techniques patented by other nations but as well to move the cutting edge of science creating new authentic knowledge and technologies (Tang, Hussler 2011). Once again this might be a surprise only for those with superficial awareness of Asian history. Silk bug breeding, paper invention, dynamite and porcelain manufacturing, early insights into the military and state strategy and introduction of first vaccines in history of medicine are only few notable examples.

Capability to establish large-scale economy, deliver high degree of welfare to its citizens and become a global hub for export industries and trade are not new in the long Chinese history. Both previously mentioned Tang Dynasty (唐朝 618-907 AD) and Song Dynasty (宋朝 960-1279 AD) presented long lasting imperial statehoods during whom Chinese civilization served in even more dominant role in world economy of

³² Viviano F. China's Great Armada. Six Hundred Years ago China's Admiral Zheng He Led a Mighty Fleet on the First of Seven Voyages that Reshaped an Empire. *National Geographic*, 2005. URL: <http://sdaworldhistory.edublogs.org/files/2017/08/Zheng-He-National-Geographic-oz6it6-1lznt3x.pdf> (accessed 10.12.2019)

its time, compared to 21st century (Wittfogel 1935). Notably its share and participation in global economic output, observing the best accessible methodological framework, was even far larger compared to the one the world witnesses in 2019. However, there is something really brand new today in Chinese geoeconomic behaviour. That is a new policy of opening to the world as a society that traditionally perceived itself as the Middle Kingdom and had no essential drive to civilize barbarian tribes across its frontiers like most other imperial civilizations did throughout religious or colonial missionaries through the Old World and the Americas. This new strategy of building bridges in spirit of mutual benefit and confidence among primarily the nations of Asia, Africa and Europe is indeed a new one. Chinese accumulated wealth, given the new circumstances in world trade affairs needs foreign investment to consolidate its export-oriented economy. National industrial capacities by far exceed domestic needs and such an engagement primarily in surrounding foreign countries and later in Eastern Europe beyond Russia, Middle East and Eastern Africa appear to be justified from the economic point of view. Chinese model of economic growth, given the gradual decrease of real GDP growth rate is now entering a transition period. This year's national GDP is entering its lowest value over the past 27 years which is largely driven by the ongoing trade war between the USA and China. Internal market reforms are underway to transform China into a mature competitive economy driven by domestic consumption instead of export alone: the process is likely to take years to consolidate. Yet in the meantime the accumulated wealth and abundance of foreign currency and gold reserves serve as a guarantee of China's ability to push hard for timely delivery of more than ambitious architectural plans alongside many of the New Silk Road high-speed railway routes, airport terminals and large naval capacities intended to serve core ports of Indo-Pacific maritime trade.

These efforts could be hardly achieved without its core counterpart in foreign policy – the Russian Federation also initiates the reunification and expansion of Great Eurasia. This is taking place through the Eurasian Economic Union and visible consolidation of the Post-Soviet ethnic geography under the new geopolitical circumstances³³ (Фатыхова 2019). India is sceptical and careful about participation in BRI projects. Inclusion of a variety of core traditional statehoods alongside the old Silk Road routes such as Persia – Islamic Republic of Iran, Ottoman Empire – Turkey, Pakistan and shared interests by other large or nodal states in Middle East, Eastern Europe and Africa, BRI continues to gather momentum. Visibly there is a variety of anticipated and unintended obstacles ranging from huge diversity of ethnicities, religions and traditions each with its own perception of newly re-established Chinese confidence and capabilities in the international arena. Others come in ways of spontaneous or ignited crisis, instability, civil unrests and conflicts taking place right at the core branches and neuralgic spots of this huge Chinese project. Yet, how its architects and funders such as

³³ Пут према Великој Евроазији. Нови Стандард. URL: <https://www.standard.rs/2019/11/29/put-prema-velikoj-evroaziji/> (accessed 10.12.2019)

the New Development Bank and Asian Investment Bank, the BRICS³⁴ and associated emerging markets governments will strive to their goals, remains to be seen.

What obviously stands in place as a visible consequence of such connectivity among Asian, Russian, Persian, Turkish and other nations is a build-up of mutual interdependence and deepening economic ties. Collaborative fruits are not only visible in giant energy projects, high speed railways and trade volume but also in ramifications outsourcing from accelerated access to the 4.0 industries, advanced robotics and artificial intelligence.

Conclusive Remarks

Overlooking the three decades long horizon since the end of the Cold War we are witnessing gradual but profound weakening of purchasing power of middle class in the traditionally rich OECD nations. Indeed, there were quite positive socioeconomic trends affecting health care affordability and equity in a beneficial way, but mostly prevailing during the 1990's. Although Western European, North American and Japanese health spending still remains much higher than the that in the emerging ones' in per capita nominal terms, these statistics is beginning to change (Jakovljevic, Fernandes et al. 2019: 3043). The purchasing power of medical care services and drugs in such countries is gradually decreasing, and insurance premiums are becoming much more restrictive (Schoen, Collins 2008). The epicentre of biomedical innovations traditionally led by the US, EU5 and Japan is steadily moving toward Asia. Most of innovative targeted biological medicines, personalized as per pharmacogenetic requirements to treat cancer and autoimmune diseases are being produced in these traditional high-income societies (Friedman 2010: 835). However, given the gaps in insurance coverage, they remain largely out of reach for the most patients even in the richest of nations. Thus, "Big Pharma" seeks its return on research and development expenses presenting an array of market access strategies to launch these products to rich citizen elites in the emerging and Western nations alike (Kumar, Juluru et al. 2014). Providing ageing population with the medicines is almost unbearable burden; it is clear that current health and social support systems, created in the era of demographic growth, are not financially sustainable today (Ogura, Jakovljevic 2014). Given the strong drive to the rapid Western rise in health spending, twice exceeding the pace of their economy growth, it is obvious that the line of medical care affordability is contracting in the West and expanding in the East.

There are several core inefficiency factors in the BRICs development models: uneven rural-urban development and deepening social inequalities between their rich elites and the poor suburban peripheries are among them (Ivins 2013). China and Russia have probably the most elaborate and long-term strategies to cope with poverty

³⁴ Expert Group "Public economic disputes and international taxation, international mediation & ad hoc arbitration". BRICS Law Institute. URL: <http://bricslawinstitute.com/en/expert-group-on-economics.html> (accessed 10.12.2019)

and socioeconomic inequalities ultimately affecting the affordability of medical care (Reshetnikov, Arsentyev et al. 2019; Marten, McIntyre 2014).

Over the course of the three analyzed decades we may observe few core milestone events for the BRICs nations and their respective health sectors. Some of them were the Russian Federation's turn over from aid recipient into an international donor country long ago in 2007 and Russia's threshold reaching the high-income country status in August 2013³⁵ (De Cordier 2016), Chinese success in delivering rapid growth of living standards and growing middle class in Brazil and India alike³⁶. Four out of five BRICS states have significantly expanded their GDP share of health spending including the Republic of South Africa with a notable exception of India fixed at 4% (Jakovljevic, Timofeyev 2019). Yet its health expenditures in absolute per capita terms were also growing rapidly given the increasing national wealth. This is crucial health economics indicator since it depicts the long-term devotion of BRICs governments to assign significant share of national real gross domestic product resources to the medical care instead of many other areas. This means, that in contrast to the Cold War period, their contemporary authorities have clearly realized the feedback loop of healthy population with decent life expectancy towards the overall national economic productivity (Давыдова 2015; Караваева 2004; Арсентьев, Решетников 2018; Loeppke, Nicholson 2008). Over the course of time, BRICs has begun to stand at the core of multinational pharmaceutical manufacturers ("Big Pharma") long term investment plans. This means both local build-up of research and development capacities for molecular development of innovative pharmaceuticals and their further development through clinical trials (Jakovljevic 2014).

Compound annual growth rates (CAGR) of developing markets, including to a lesser extent Indonesia, Mexico and Turkey, are far exceeding those in established mature OECD markets³⁷. These same underlying trends are depicted in re-thinking of pharmaceutical manufacturers start-ups and market strategies is affecting the medicinal device and lab equipment industries but slower and at a delayed pace. The striking example is that China has ultimately managed, after decades of struggle, to become the second world's pharmaceutical market, while Japan is still holding firm grip on its strong second position in imaging diagnostics and medical devices³⁸. The big change is upcoming, but it shall take more time to happen to an extent that will be clearly visible to all the stakeholders in global health sector's arena. We anticipate that brand new reshaping of world's economic landscape and competitiveness of health industries connected to it is about to lead to far more affordable and accessible medical care for the hundreds of millions of people in the Third World that traditionally lived at the verge of poverty.

³⁵ Global: Russia Moves Into High-Income. Global Finance. 09.03.2013. URL: <https://www.gfmag.com/magazine/september-2013/milestones-world-bank-lifts-russia-into-high-income-category> (accessed 10.12.2019)

³⁶ Rigolini J., Seshasayee H., Tobón N. 2012. Latin America's Middle Class in Global Perspective. *Americas Quarterly*. 6(4). URL: <https://www.americasquarterly.org/Latin-Americas-Middle-Class-in-Global-Perspective> (accessed 10.12.2019)

³⁷ Ural, A. & Sözer, J.O. Key success factors for global pharmaceutical companies in emerging markets. PhD Thesis. URL: <https://katalog.marmara.edu.tr/eyayin/tez/eTez024218.pdf> (accessed 10.12.2019)

³⁸ Torsekar M.P. 2018. China's Changing Medical Device Exports. *Journal of International Commerce and Economics*. 1. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/jice2018&div=2&id=&page=> (accessed 10.12.2019)

About the authors:

Mihajlo B. Jakovljevic – Dr. of Medical Science, Professor, Head of the Department of Global Health Economics and Policy, Faculty of Medical Sciences, University of Kragujevac, 34000 Kragujevac, Serbia; Visiting Research Fellow, Division of Health Economics, Lund University, SE 220 07 Lund, Sweden; Associate Professor, Semashko Department of Public Health and Healthcare, First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), 119991 Moscow, Russia. E-mail: sidartagothama@gmail.com.

Natalia V. Ekkert – Dr. of Medical Science, Professor, N.A. Semashko Department of Public Health and Healthcare, First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), 119991 Moscow, Russia. E-mail: natekk@mail.ru.

Maria S. Mikerova – Candidate of Medical Science, Associate professor, the N.A. Semashko Department of Public Health and Healthcare, First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), 119991 Moscow, Russia. E-mail: masha-med@mail.ru.

Vladimir A. Reshetnikov – Dr. of Medical Science, Professor, Head of the Semashko Department of Public Health and Healthcare, First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), 119991 Moscow, Russia. E-mail: resh1960@mail.ru.

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

Поступила в редакцию: 01.12.2019 г.
Принята к публикации: 10.12.2019 г.

Растущее влияние стран БРИКС на глобальный сектор здравоохранения

М. Яковлевич, Н.В. Эккерт, М.С. Микерова, В.А. Решетников
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-150-166

Крагуевацкий университет; Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова; Лундский Университет
Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

Аннотация. За последние пять веков сменилось несколько основных вех мировой экономической истории. Отличительной особенностью всех этих периодов, включая период холодной войны и последующую ускоренную глобализацию, сохранялось разделение мира по оси – «богатый (промышленно развитый) Север и бедный глобальный Юг». За последние три десятилетия эта основополагающая модель внезапно разрушилась с возвышением новых экономик стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), которые часто называют лидерами развивающегося мира. Китайская инициатива «Пояса и пути» даёт мощный импульс дальнейшему быстрому росту и взаимодействию между этими крупными странами. Эта амбициозная, крупнейшая в своем роде в истории человечества инфраструктурная инициатива, при условии успешной реализации в значительной степени до 2049 г. вероятно создаст объединённую экономическую

зону огромного масштаба, открывающую возможности для многостороннего развития стран БРИКС. Кроме того, подобные значительные изменения имеют серьезные последствия для глобального сектора здравоохранения. Предыдущие исследования авторов, посвященные изучению расходов на здравоохранение и фармацевтическую индустрию, продемонстрировали, что мировые экономики с низким и средним уровнем дохода во главе с развивающимися рынками БРИК удвоили свою долю в глобальных расходах на здравоохранение примерно с 20% до 40% (в расчётах по ППС). Наряду с этими глобальными событиями десятилетие назад некоторые ведущие западные научные центры подтвердили начало новой эры геоэкономической и геополитической многополярности. Авторы анализируют, как данные трансформации отразятся на долгосрочных тенденциях расходов на здравоохранение и фармацевтическую индустрию, особенно в развивающихся рынках БРИК.

Ключевые слова: БРИКС, развивающиеся рынки, один пояс – один путь, инициатива пояса и пути, Новый Шелковый путь, здравоохранение, расходы, фармацевтическая индустрия, медицинское обслуживание, Китай, Россия, Индия, Бразилия.

Об авторах:

Михайло Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой глобальной экономики здравоохранения и политики, факультет медицинских наук, Крагуевацкий университет, 34000 Крагуевац, Сербия; приглашенный научный сотрудник, отдел экономики здравоохранения, Лундский университет, SE22007, Лунд, Швеция; доцент, кафедра общественного здоровья и здравоохранения имени Н.А. Семашко, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет), 119991 Москва, Российская Федерация.
E-mail: sidartagothama@gmail.com.

Наталья Владимировна Эккерт, доктор медицинских наук, профессор, кафедра общественного здоровья и здравоохранения имени Н.А. Семашко, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет), 119991 Москва, Российская Федерация. E-mail: natekk@mail.ru.

Мария Сергеевна Микерова, кандидат медицинских наук, доцент, кафедра общественного здоровья и здравоохранения имени Н.А.Семашко, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М.Сеченова (Сеченовский университет), 119991 Москва, Российская Федерация. E-mail: masha-med@mail.ru.

Владимир Анатольевич Решетников, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения имени Н.А.Семашко, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М.Сеченова (Сеченовский университет), 119991 Москва, Российская Федерация.
E-mail: resh1960@mail.ru.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

References:

De Cordier B. 2016. Russia's International Aid Donorship: from Diplomatic Status Symbol to "Frontline Aid"? *Global Affairs*. 2(1). P. 21-34.

Friedman Y. 2010. Location of Pharmaceutical Innovation: 2000-2009. *Nature Review. Drug Discovey*. 9(11). P. 835-836. DOI: 10.1038/nrd3298

Gusterson H. 2017. From Brexit to Trump: Anthropology and the Rise of Nationalist Populism. *American Ethnologist*. 44(2). DOI: 10.1111/amet.12469

Ivins C. 2013. Inequality Matters: BRICS Inequalities Fact Sheet. *Oxfam Policy and Practice: Climate Change and Resilience*. 9(1). P. 39-50.

Jakovljevic M., Fernandes P.O., Teixeira J.P., Rancic N., Timofeyev Y., Reshetnikov V. 2019. Underlying Differences in Health Spending within the World Health Organization Europe Region — Comparing EU15, EU post-2004, CIS, EU Candidate, and CARINFONET Countries. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 16(17). DOI: 10.3390/ijerph16173043

Jakovljevic M., Getzen T.E. 2016. Growth of Global Health Spending Share in Low and Middle Income Countries. *Frontiers of Pharmacology*. 7(21). DOI: 10.3389/fphar.2016.00021

Jakovljevic M., Groot W., Souliotis K. 2016. Health Care Financing and Affordability in the Emerging Global Markets. *Frontiers in Public Health*. 4(2). DOI: 10.3389/fpubh.2016.00002

Jakovljević M., Jovanović M., Lazić Z., Jakovljević V., Đukić A., Velicković R., Antunović M. 2011. Current Efforts and Proposals to Reduce Healthcare Costs in Serbia. *Serbian Journal of Experimental and Clinical Research*. 12(4). P. 161-163.

Jakovljevic M., Lazarevic M., Milovanovic O., Kanjevac T. 2016. The New and Old Europe: East-West Split in Pharmaceutical Spending. *Frontiers in Pharmacology*. 7(18). DOI: 10.3389/fphar.2016.00018

Jakovljevic M., Timofeyev Y., Ekkert N.V., Fedorova J.V., Skvirskaya G., Bolevich S., Reshetnikov V.A. 2019. The Impact of Health Expenditures on Public Health in BRICS Nations. *Journal of Sport and Health Science*. 8(6): P. 516-519.

Jakovljevic M.B. 2013. Resource Allocation Strategies in Southeastern European Health Policy. *European Journal of Health Economics*. 14. P. 153-159. DOI: 10.1007/s10198-012-0439-y

Jakovljevic M.B. 2014. The Key Role of the Leading Emerging BRIC Markets in the Future of Global Health Care. *Serbian Journal of Experimental and Clinical Research*. 15(3). P. 139-143. DOI: 10.2478/sjocr-2014-0018

Jakovljevic M.B. 2015. BRIC's Growing Share of Global Health Spending and Their Diverging Pathways. *Frontiers in Public Health*. 3: 135. DOI: 10.3389/fpubh.2015.00135

Jakovljevic M.B., Milovanovic O. 2015. Growing Burden of Non-Communicable Diseases in the Emerging Health Markets: the Case of BRICS. *Frontiers of Public Health*. 3: 65. DOI: 10.3389/fpubh.2015.00065

Jakovljevic M.M. 2016. Comparison of Historical Medical Spending Patterns among the BRICS and G7. *Journal of medical economics*. 19(1). P. 70-76. DOI: 10.3111/13696998.2015.1093493

Kravets O., Sandikci O. 2014. Competently Ordinary: New Middle Class Consumers in the Emerging Markets. *Journal of Marketing*. 78(4). P. 125-140. DOI: 10.1509/jm.12.0190

Kumar A., Juluru K., Thimmaraju P.K., Reddy J., Patil A. 2014. Pharmaceutical Market Access in Emerging Markets: Concepts, Components, and Future. *Journal of Market Access & Health Policy*. 2(1). 25302. DOI: 10.3402/jmahp.v2.25302

Loeppke R., Nicholson S., Taitel M., Sweeney M., Haufle V., Kessler R.C. 2008. The Impact of an Integrated Population Health Enhancement and Disease Management Program on Employee Health Risk, Health Conditions, and Productivity. *Population Health Management*. 11(6). P. 287-296. DOI: 10.1089/pop.2008.0006

Marten R., McIntyre D., Travassos C., Shishkin S., Longde W., Reddy S., Vega J. 2014. An Assessment of Progress towards Universal Health Coverage in Brazil, Russia, India, China, and South Africa (BRICS). *The Lancet*. 384(9960). P. 2164-2171. DOI: 10.1016/S0140-6736(14)60075-1

Ogura S., Jakovljevic M. 2014. Health Financing Constrained by Population Aging-An Opportunity to Learn from Japanese Experience. *Serbian Journal of Experimental and Clinical Research*. 15(4). P. 175-181. DOI: 10.2478/sjecr-2014-0022

Rancic N., Jakovljevic M.M. 2016. Long Term Health Spending alongside Population Aging in N-11 Emerging Nations. *East Eur Bus Economic Journal*. 2(1). P. 2-26.

Reshetnikov V., Arsentyev E., Boljevic S., Timofeyev Y., Jakovljevic M. 2019. Analysis of the Financing of Russian Health Care over the Past 100 Years. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 16(10). DOI: 10.3390/ijerph16101848

Roberts P.C. 2013. *The Failure of Laissez Faire Capitalism and Economic Dissolution of the West: towards a New Economics for a Full World*. Atwell Publishing. 190 p.

Rossabi M. (Ed.). 1983. *China among Equals: the Middle Kingdom and Its Neighbors*, 10th 14th centuries. University of California Press. 400 p.

Schoen C., Collins S.R., Kriss J.L., Doty M.M. 2008. How Many Are Underinsured? Trends Among US Adults, 2003 And 2007: Growing Numbers of Adults with Insurance Find that They Are not Adequately Protected from the Rising Cost of Health Care. *Health Affairs*. 27(4). P. 298-309. DOI: 10.1377/hlthaff.27.4.w298

Tang M., Hussler C. 2011. Betting on Indigenous Innovation or Relying on FDI: The Chinese Strategy for Catching-up. *Technology in Society*. 33(1-2). P. 23-35. DOI: 10.1016/j.tech-soc.2011.03.001

Vogel E.F. 2011. Deng Xiaoping and the Transformation of China. Belknap Press of Harvard University Press. 928 p.

Wittfogel K.A. 1935. The Foundations and Stages of Chinese Economic History. *Zeitschrift für Sozialforschung*. 4(26). P. 26-60.

Allen R.C. 2005. A Reassessment of the Soviet Industrial Revolution. *Comparative Economic Studies*. 47 (2). P. 315-332. DOI: 10.1057/palgrave.ces.8100101

Arsentiev E.V., Reshetnikov V.A. 2018. K biografii N.A. Semashko: deyatel'nost' pervogo narkoma zdravookhraneniya v 1920-1925 gg. [On the Biography of N. Semashko: the Activities of the First People's Commissar of Health in 1920-1925]. *Istoriya Meditsiny*. 5(3). P. 217-229. DOI: 10.17720/2409-5583.t5.4.2018.05e (in Russian)

Davydova T.V. 2015. Reformirovaniye sovetskogo zdravookhraneniya v poslevoyennyye gody: istoricheskiy analiz [Reform of Soviet Healthcare in the Postwar Years: a Historical Analysis]. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 8(148). P. 164-170. (In Russian)

Fatykhova V.M. 2019. Yevraziyskoye sotrudnichestvo v oblasti nauki i vysshego obrazovaniya: perspektivy neofunktsional'nogo «peretekaniya» [Eurasian Cooperation in the Field of Science and Higher Education: Perspectives of Unofficial "Flowing"]. *MGIMO Review of International Relations*, 2(65). P. 159-175. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-159-175 (In Russian)

Jakovljevic M., Jakab M., Gerdtham U., McDaid D., Ogura S., Varavikova E., Getzen T.E. 2019. Comparative Financing Analysis and Political Economy of Noncommunicable Diseases. *Journal of Medical Economics*. 22(8). P.722-727. DOI: 10.1080/13696998.2019.1600523

Karavaeva E.I. 2004. Zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii o zdravookhranении (istoriya, sovremennoye sostoyaniye, tendentsii razvitiya) [The Legislation of the Russian Federation on Health Care (History, Current Status, Development Trends)]. *Siberian Law Journal*. 2. P. 24-28. (In Russian)

Shkolnikov A.Yu. 2019. Geostrategicheskiy vzglyad na budushcheye Rossii [Geostrategic View of the Future of Russia]. *Svobodnaya Mysl'*. 2. P. 5-34. (In Russian)

Xie Y., Zhou X. 2014. Income Inequality in Today's China. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 111(19). P. 6928-6933. DOI: 10.1073/pnas.1403158111

Список литературы на русском языке:

Арсентьев Е.В., Решетников В.А. 2018. К биографии Н.А. Семашко: деятельность первого наркома здравоохранения в 1920-1925 гг. *История медицины*. 2018. 5(3). С. 217-229. DOI: 10.17720/2409-5583.t5.4.2018.05e

Давыдова Т.В. 2015. Реформирование советского здравоохранения в послевоенные годы: исторический анализ. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 8(148). С. 164-170.

Караваева Е.И. 2004. Законодательство Российской Федерации о здравоохранении (история, современное состояние, тенденции развития). *Сибирский юридический вестник*. 2. С. 24-28.

Фатыхова В.М. 2019. Евразийское сотрудничество в области науки и высшего образования: перспективы неофункционального «перетекания». *Вестник МГИМО Университета*. 2(65). С. 159-175. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-159-175

Школьников, А.Ю. 2019. Геостратегический взгляд на будущее России. *Свободная мысль*. (2). С. 5-34.

Эффекты от проведения спортивных мега-событий на приток прямых иностранных инвестиций: результаты эмпирического анализа

И.М. Драпкин, С.А. Лукьянов

Уральский федеральный университет
Государственный университет управления
Санкт-Петербургский государственный университет

Целесообразность для страны-организатора проведения спортивных мега-событий, к которым относятся Олимпийские игры и Чемпионаты мира и Европы по футболу, представляет собой предмет дискуссии как в обществе, так и в научной среде. С одной стороны, проведение многих Олимпиад и Чемпионатов мира и Европы по футболу принесло убыток странам-хозяевам. Кроме того, зачастую местные жители выступают против проведения подобных мероприятий из-за роста цен и создания неудобств для повседневной жизни. С другой стороны, эффекты от проведения спортивных мега-событий носят долгосрочный характер и выходят далеко за рамки прямого финансового результата от их проведения. Одна из сложностей при оценке эффектов спортивных мега-событий состоит в том, что многие из них с трудом поддаются измерению.

Авторы статьи анализируют влияние спортивных мега-событий на притоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в принимающей стране, констатируя дефицит аналогичных исследований. Имеется большое количество публикаций, исследующих влияние мега-событий на экономический рост, внешнеторговый оборот, международные туристические потоки, но авторы обнаружили только одну статью, посвящённую взаимосвязи спортивных мега-событий и ПИИ.

Для проведения эмпирического анализа авторами была использована база данных за 1970–2018 гг. по 195 странам, из которых 24 приняли у себя 48 спортивных мега-событий. В результате выявлено статистически значимое положительное влияние спортивных мега-событий на притоки прямых иностранных инвестиций, причём данный эффект носит характер долгосрочного и наблюдается не только в период подготовки к проведению мега-события, но и в течение последующих четырёх лет. Авторы дают следующее объяснение полученным результатам. Во-первых, ускорение темпов экономического роста, возникающее в стране в результате проведения спортивного мега-события, приводит к росту объёмов поступающих прямых иностранных инвестиций. Во-вторых, проведение спортивного мега-события улучшает имидж страны за рубежом, что благоприятно сказывается на инвестиционной привлекательности страны для зарубежных инвесторов.

УДК: 339.727.22

Поступила в редакцию: 01.09.2019 г.

Принята к публикации: 25.11.2019 г.

В-третьих, рост открытости экономики вследствие проведения мега-события, (выраженный, например, в увеличении объемов международной торговли), оказывает положительное влияние на входящие потоки ПИИ.

Ключевые слова: спортивные мега-события; прямые иностранные инвестиции; Олимпийские игры; Чемпионат мира по футболу; Чемпионат Европы по футболу; эффекты от спортивных мега-событий.

Спортивные мега-события, такие как Олимпийские игры и Чемпионаты мира и Европы по футболу, представляют собой значимые события мирового масштаба¹. За право проводить спортивные мега-события всегда разворачивается острая конкуренция, в которую всё активнее вовлекаются страны с развивающейся экономикой. Неуклонно возрастает и объем средств, которые страны инвестируют в организацию спортивных мега-событий, из чего можно сделать вывод, что власти стран оценивают проведение таких событий как возможность улучшить экономические и социальные показатели, придать импульс развитию страны и региона.

Принимая во внимание колоссальные объемы средств, которые затрачены на организацию последних спортивных мега-событий, постановка вопроса о получении прибыли от их проведения вряд ли уместна. Так, расходы (в млрд долл.) на проведение Олимпийских игр в Пекине (2008) оцениваются 44, в Лондоне (2012) – 14,6, в Сочи (2014) – 51²; на проведение Чемпионатов мира по футболу расходы выросли с 4,6 в Германии (2006) и 3,6 в ЮАР (2010) до 11,8 в Бразилии (2014) и 14,2 в России (2018)³. Заявленные расходы на проведение чемпионата в Катаре (2022) составляют фантастические 220 млрд долл.⁴

Считается, что проведение спортивных мега-событий приносит стране-организатору краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные положительные эффекты.

К краткосрочным и среднесрочным эффектам (эффектам на период активной подготовки и проведения спортивных событий) можно отнести: активизацию экономической активности в строительстве и сфере услуг, рост занятости и туристических потоков и т.п.

Долгосрочные выгоды состоят в строительстве используемых в дальнейшем спортивных сооружений, развитии городской инфраструктуры (реконструкция и строительство аэропортов, дорог, гостиниц, расширение электросетей и теле-

¹ Мега-событие можно определить как событие фиксированной продолжительности, которое привлекает большое количество посетителей, сопряжено с существенными затратами и оказывает значительное воздействие на окружающую среду и население (Müller 2015).

² https://en.wikipedia.org/wiki/Cost_of_the_Olympic_Games (accessed: 01.04.2019).

³ https://en.wikipedia.org/wiki/Economics_of_the_FIFA_World_Cup (accessed: 01.04.2019).

⁴ https://en.wikipedia.org/wiki/2022_FIFA_World_Cup_controversies (accessed: 01.04.2019).

коммуникаций), создание условий для развития сферы обслуживания, улучшение международного имиджа страны, рост общественного благосостояния, улучшение предпринимательского климата. Стоит добавить и нематериальные выгоды, как то гордость населения за свою страну, рост сплочённости нации, увеличение числа занимающихся физической культурой и спортом.

Потенциальные отрицательные стороны проведения спортивных мега-событий заключаются в расходах на их подготовку (см. выше), вытесняющих другие социально значимые государственные расходы, в очень высоких расходах на эксплуатацию спортивных объектов после проведения мега-событий, а также росте цен и создании неудобств для местных жителей в период проведения спортивного события. Необходимо принимать во внимание низкую эффективность государственных инвестиций.

В настоящее время отсутствует методика, которая позволяла бы оценить все виды эффектов. В исследованиях рассматриваются один или несколько эффектов, к примеру, влияние на экспорт, международный туризм, занятость, рост ВВП и т.п. Самые популярные методики оценки эффектов – это регрессионный анализ и конструирование моделей общего экономического равновесия.

Значительное количество эмпирических исследований связано с оценкой влияния на экономический рост, экспорт и международные туристические потоки (обзор приведён ниже). Логично предположить изученность эффектов, связанных с притоком ПИИ⁵, однако, к нашему удивлению, мы обнаружили только одну такую статью: это работа норвежских учёных во главе с Якобсеном (Jakobsen *et al.* 2013). Таким образом, настоящее исследование направлено на заполнение обнаруженного научного пробела. Проведение Россией Олимпийских игр 2014 г. и Чемпионата мира по футболу 2018 г. подчёркивает актуальность выбранной темы исследования.

На основе базы данных за 1970–2018 гг. по 195 странам, 24 из которых провели или планируют провести 48 спортивных мега-событий, мы поставили задачу проверить наличие положительной статистически значимой взаимосвязи между проведением спортивного мега-события и притоком ПИИ.

Детерминанты прямых иностранных инвестиций: теоретический аспект

В рамках моделей международной торговли ПИИ рассматриваются как межстрановая миграция капитала.

Теории международной торговли – классическая теория Рикардо и неоклассическая теория Хекшера-Олина-Самуэльсона – основаны на постулировании абсолютной мобильности капитала. Из теоремы о выравнивании цен на факто-

⁵ Прямые иностранные инвестиции, наряду с внешней торговлей, являются важнейшими показателями открытости экономики. С теоретической точки зрения внешняя торговля и ПИИ либо замещают, либо дополняют друг друга (в зависимости от типа ПИИ), соответственно их потоки во многом определяются одними и теми же факторами.

ры производства следует, что цена капитала выравнивается в результате международной торговли. Это означает, что потоки прямых зарубежных инвестиций в экономике относительно не значимы и при анализе международной торговли товарами могут не учитываться вовсе. Манделл (Mundell 1957) рассматривает ПИИ в рамках неоклассической теории как результат установления торговых барьеров. В модели Манделла значимое влияние на движение инвестиций между странами оказывают торговые издержки (пошлины и налог на экспорт).

В середине 1980-х гг. были разработаны модели международной торговли, предполагающие несовершенную конкуренцию на рынках, возрастающую отдачу от масштаба производства, а также продуктовую дифференциацию. ПИИ приписана функция альтернативы международной торговле, из чего следует, что решение фирм осуществить инвестиции за пределами своей страны в сильной степени зависит от величины транспортных издержек.

Анализируя факторы, влияющие на потоки ПИИ, современные исследователи выделяют вертикальные (ориентированные на экономию издержек) и горизонтальные (ориентированные на поиск рынков сбыта) прямые зарубежные инвестиции.

Вертикальные ПИИ рассматриваются в работах Хелпмана (Helpman 1984) и Хелпмана и Кругмана (Helpman and Krugman 1985). Такой тип ПИИ возникает между странами с различной обеспеченностью факторами производства, а также между странами, находящимися на разных этапах экономического развития (развитые и развивающиеся страны). Детерминантом притока ПИИ в данном типе моделей выступает разница цен на факторы производства.

Горизонтальные ПИИ были рассмотрены в моделях Маркузена (Markusen 1984, 2002) и Маркузена и Венейблса (Markusen and Venables 1998). Ключевым фактором прямых зарубежных инвестиций в данных моделях считается размер рынка принимающей и инвестирующей страны. К прочим существенным факторам авторы относят экономию от масштаба (как на уровне фирмы, так и на уровне завода) и степень дифференциации товаров в отрасли.

Основной недостаток рассмотренных моделей состоит в допущении об однородности фирм в экономике. Между тем в реальной экономике ПИИ осуществляют только наиболее эффективными фирмами (Драпкин 2010). С начала XXI в. развиваются новейшие теории прямых зарубежных инвестиций, связанные с моделированием неоднородности (гетерогенности) фирм в экономике.

Хелпман и др. (Helpman et al. 2004) рассматривают влияние производительности компании на выбранную ей форму внешнеэкономической экспансии: среди фирм, оперирующих на зарубежных рынках, менее производительные предпочитают экспорт, а более производительные осуществляют ПИИ. Поскольку модели с гетерогенными фирмами основаны на моделях монополистической конкуренции, то значимыми факторами ПИИ в экономике считаются величина транспортных издержек, размер рынка стран, степень дифференциации товаров в отрасли. Если Хелпман и др. рассматривают горизонтальные ПИИ, то

Гроссман и др. (Grossman et al. 2006) показывают, что производительность фирм влияет и на решение фирм осуществлять вертикальные ПИИ.

Таким образом, в классических моделях основным фактором, влияющим на решение фирм осуществлять инвестиции за рубеж, считаются транспортные издержки. В современных теориях обоснована значимость таких факторов, как размеры рынка обеих стран, стоимость факторов производства в странах, степень дифференциации товаров в отрасли. В новейших теориях выявлен ещё один фактор ПИИ – уровень производительности фирмы, которая осуществляет инвестиции.

Обзор литературы

Исследования, связанные с эффектами от проведения спортивных мега-событий.

Поскольку потенциальные эффекты от проведения спортивных мега-событий выходят за рамки финансового результата, интерес представляет выявление и оценка долгосрочных эффектов для стран-организаторов.

Роуз и Шпигель показали, что проведение мега-событий, подобных Олимпийским играм, положительно сказывается на национальном экспорте (Rose, Spiegel 2011). Однако Биста с помощью методов регрессионной оценки не выявил надёжного положительного эффекта на совокупный экспорт страны (Bista 2017). Исследуя влияние спортивных мега-событий на экспорт и туризм, Сонг приходит к выводу о наличии положительных долгосрочных последствий для экспорта и отрицательных для туристического сектора (Song 2010). Ли и др. обнаружили, что последствия для экспорта положительны и имеют долгосрочный характер, тогда как последствия для туристического сектора возникают в интервале четырёх лет до и после проведения Олимпийских игр (Li et al. 2011).

В докладе Исследовательского института Мизухо показано, что количество иностранных туристов начинает расти со времени, когда выбран город-хозяин Олимпийских игр, а не в год их проведения, причём динамика, как правило, опережает линию предшествующего 10-летнего тренда (Mizuho Research Institute 2014). Ли и др. при оценке влияния олимпийских игр в Пекине в 2008 г. на приток иностранных туристов с помощью вычислимой модели общего экономического равновесия обнаружили, что *ex ante* (до проведения события) последствия оцениваются как положительные, а при анализе *ex post* (после проведения события) – наоборот. Леви и Бергер сравнили количество туристов за восемь лет до Олимпийских игр с данными за восемь лет после их проведения, не обнаружив роста потоков иностранных туристов (Levy and Berger 2013).

В исследованиях Уолмана (Wallman 2006), а также Хотчкисса и др. (Hotchkiss et al. 2015) показано, что Олимпийские игры и другие спортивные мега-события увеличивают уровень занятости и приводят к росту реальной заработной платы в регионе.

Якобсен и др. не обнаруживают значимых эффектов от проведения спортивных мега-событий на приток в страну прямых иностранных инвестиций.

Брюкнер и Паппа показывают, что проведение Олимпийских игр обеспечило принимающим странам рост реального ВВП до 10% в годы подготовки к играм. Увеличение ВВП в этот период объясняется главным образом ростом инвестиций в строительство инфраструктурных объектов и доходов от иностранного туризма. Уровень ВВП существенно не снижается после Олимпийских игр (Bruckner, Pappa 2015).

Анализ существующей литературы позволяет выделить две основные категории исследований на тему влияния спортивных мега-событий на экономику: *ex ante* и *ex post*. Результаты большинства исследований *ex post* показали, что прогнозы чаще всего бывают преувеличены и, как правило, не сбываются, так как заложенные в них механизмы влияния спортивных мега-событий основаны на наборе предположений, которые не всегда реализуются в полной мере (Kristiansen, Brødstedt 2011). К тому же исследования не учитывают такие факторы, как кризисы, значительные политические и социальные события, оказывающие значительное влияние на показатели развития стран-организаторов мега-событий (Owen 2005).

Исследования, связанные с выявлением детерминантов прямых иностранных инвестиций.

В построении эмпирической модели настоящего исследования используется структурная модель факторов (детерминантов) ПИИ. По этому вопросу имеется обширная научная литература.

Одной из ключевых детерминант ПИИ принято считать *размер рынка и рыночный потенциал*. Большой размер рынка позволяет компаниям существенно увеличить продажи, а также потенциально получить экономию на масштабе (Amiti 1998). В анализе потоков ПИИ нередко используются гравитационные модели, в которых размер рынка играет роль одной из центральных объясняющих переменных. Зависимость между размером рынка страны и ПИИ многократно протестирована в эмпирической литературе (Barrell, Pain 1997; Bevan, and Estrin 2004; Mariev et al. 2016). Положительная связь между размером рынка и притоком ПИИ предполагает, что осуществлённые инвестиции относятся к типу *«market-seeking»* («ищущие рынок») (Vodusek 2004). Кроме размера инвестору важен темп роста рынка и уровень развития национальной экономики (выраженный, например, показателем ВВП на душу населения).

Зачастую инвестирование в развивающиеся страны мотивируется экономией на *трудовых издержках* (*«efficiency-seeking FDI»*). Отрицательная зависимость между потоком ПИИ и уровнем трудовых издержек выявлена в работах Кенингса и Мерфи, Беллака и др., (Konings, Murphy 2006, Bellak et al. 2008) и др. Кроме того, среди детерминантов ПИИ, связанных с трудом, следует упомянуть доступность квалифицированного труда и его производительность (Filippaios, Papanastassiou 2008). Напротив, относительно невысокий уровень

притоков ПИИ может быть обусловлен низким уровнем человеческого капитала (Azemar, Desbordes 2010; Suliman and Mollick 2009).

Открытость принимающей экономики. Высокая степень вовлечённости страны и региона в международные экономические отношения, к которым в первую очередь относятся экспортно-импортные операции, положительно сказывается на притоке ПИИ по нескольким причинам. Во-первых, открытость экономики связана с либеральным торговым режимом (Campos and Kinoshita 2008; Trevino et al. 2008). Во-вторых, инвесторы склонны к инвестированию в те страны, с которыми уже налажены внешнеэкономические связи. В-третьих, считается, что двусторонние соглашения о свободной торговле стимулируют приток ПИИ, в особенности таких, которые направлены на повышение эффективности (Waldkirch 2010; Baltagi et al. 2008).

Макроэкономические характеристики страны оказывают существенное влияние на уровень неопределённости и рисков, которые компании обязательно учитывают при оценке зарубежных инвестиционных проектов. В подтверждение этому тезису было выявлено, что уровень инфляции (Leibrecht, Riedl 2012), дефицита государственного бюджета (Azeem et al; 2012), а также уровень налогообложения (Folfas 2011) принадлежат к числу значимых детерминантов ПИИ.

Инфраструктура – важная характеристика для принятия инвестиционных решений, поскольку состояние инфраструктуры напрямую влияет на себестоимость продукции. Это подтверждено рядом эмпирических исследований (Benassy-Quere et al. 2007; Bellak, Leibrecht 2009).

Агломерационные эффекты. Географическая близость производств друг к другу несёт в себе несколько потенциальных выгод для компаний. Во-первых, для фирм одной отрасли сказывается экономия от локализации благодаря общему доступу к ресурсам, широкому рынку рабочей силы и распространению технологий. Во-вторых, имеют место позитивные эффекты, связанные с концентрацией производства на ограниченной территории. Особенность компаний с ПИИ концентрироваться на определённых территориях доказана многими эмпирическими исследованиями (Guimaraes et al. 2000; Driffield, Munday 2000; Cantwell, Piscitello 2005).

Институциональные факторы. Объём ПИИ во многом зависит от уровня развития институтов: ТНК воспринимают слабые институты как риск дополнительных издержек ведения бизнеса. Низкая коррупция, слабый риск национализации и эффективная защита сделок ведут к росту ПИИ (Gastanaga et al. 1998), тогда как коррупция, недостаточное законодательное регулирование и политическая нестабильность оборачиваются сокращением потоков ПИИ (Asiedu 2006; Wei 2000). К аналогичным последствиям приводит непредсказуемая государственная политика, избыточная административная нагрузка и невыполнение государством своих обязательств (Daude, Stein 2007). Напротив, улучшение контроля над коррупцией, политическая стабильность, повышение качества регулирования и эффективности государственной власти стимулируют

ют притоки ПИИ (Gani 2007). Страны с более развитым уровнем демократии привлекают больше ПИИ (Ahlquist 2006).

Схожесть стран. Подмечено, что страны, близкие друг к другу в силу культурных, исторических, географических характеристик, при прочих равных более склонны к осуществлению взаимных ПИИ. К показателям, характеризующим сходство стран, можно отнести общность языка (Folfas 2011), границы, исторических корней (Africano 2005).

В таблице 1 представлена структурная модель детерминантов ПИИ в теоретических и эмпирических исследованиях.

Табл. 1. Структурная модель факторов, влияющих на притоки прямых иностранных инвестиций

Table 1. Structural model of foreign direct investment determinants

Источник: составлено авторами.

Страна	Группа факторов	Фактор	Анализ в теориях ПИИ	Анализ в эмпирических исследованиях
Характеристики экспортера ПИИ	Сторона спроса	Размер рынка	+	+
	Сторона издержек	Расстояние до импортера ПИИ	+	+
		Производительность	+	+
		Структура издержек	+	
Характеристики импортера ПИИ	Сторона спроса	Размер рынка	+	+
		Схожесть с импортером	+	+
		Склонность к разнообразию в потреблении	+	
	Сторона издержек	Трудовые издержки	+	+
		Барьеры ПИИ		+
		Налоги	+	+
		Торговые барьеры	+	+
		Институты		+
		Макроэкономическая стабильность		+
		Инфраструктура		+

Методология эмпирической оценки и база данных

Настоящим исследованием мы хотим проверить гипотезу о том, что проведение спортивных мега-событий оказывает положительное влияние на приток прямых иностранных инвестиций в страну. Данная гипотеза основана на следующем. С одной стороны, проведение спортивных мега-событий стимулирует экономический рост в стране-организаторе (Bruckner, Pappa 2015), а высокие темпы роста выступают значимым фактором притоков ПИИ (Choi 2004;

Kherfi, Soliman, 2005). С другой стороны, крупные спортивные события посещает большое количество иностранных туристов, которые, помимо прочего, получают возможность лично познакомиться со страной и сформировать собственное суждение относительно рисков ведения в ней бизнеса. В-третьих, наличие положительной взаимосвязи между проведением спортивных мега-событий и открытостью экономики (выраженной, например в объёмах внешней торговли (Rose, Spiegel 2009; Song 2010)), может свидетельствовать в пользу гипотезы о положительной взаимосвязи между проведением спортивного мега-события и притоком ПИИ.

На основе представленного выше обзора теоретических и эмпирических исследований мы формулируем эконометрическую модель, которая будет оценена на имеющейся базе данных.

В качестве зависимой переменной $\ln fdi_{it}$ выступает логарифм объёма поступивших прямых иностранных инвестиций в страну i в году t^6 .

Ниже приведены переменные, использованные в модели в качестве объясняющих, а также обоснована логика включения каждой переменной в модель.

$\ln sizeofeconomy_{it}$ – размер экономики, выраженный логарифмом ВВП страны i за год t . Размер рынка страны играет важнейшую роль в выборе страны для осуществления инвестиций. На больших рынках прибыль иностранных инвесторов выше не только за счёт больших продаж, но и благодаря снижению средних издержек при возрастающей отдаче от масштаба. Мы ожидаем положительную зависимость между объёмом рынка принимающей страны и объёмами поступающих в страну ПИИ.

$\ln ecdevel_{it}$ – уровень экономического развития страны i за год t , измеренный логарифмом ВВП на душу населения. Мы считаем, что ВВП на душу населения напрямую связан с уровнем доходов населения в стране, а следовательно, оказывает на поступление ПИИ значительное влияние. При этом инвесторы, ориентированные на снижение издержек, выберут страну с более низким показателем ВВП на душу населения, а инвесторы, ориентированные на поиск рынка – в страну с более высоким значением данного показателя. Таким образом, мы ожидаем положительное или отрицательное влияние данного показателя на объём поступающих ПИИ.

$\ln trade_open_{it}$ – показатель открытости торговли, рассчитанный как логарифм отношения объёмов экспорта и импорта страны i за год t к её ВВП. Влияние данного показателя на поток ПИИ мы объясняем следующими обстоятельствами. Во-первых, активная интеграция страны в мировую экономику (измеренная объёмом международной торговли) повышает инвестиционную привлекательность этой страны и ведёт к росту притоков ПИИ. Во-вторых,

⁶ Более точным подходом к моделированию движения прямых иностранных инвестиций в мировой экономике считается гравитационный подход, учитывающий размер страны-экспортёра ПИИ и расстояние между странами. Однако мы не имеем возможности использовать данный подход ввиду того, что авторам недоступны данные по межстрановым потокам ПИИ за длительный (30-40 лет) период.

иностранные компании зачастую осуществляют свою экспансию в страну в несколько этапов. Пока объёмы продаж невелики, они экспортируют свою продукцию в страну. Когда продажи достигают определённого уровня, либо компании убеждаются в приемлемости рисков ведения бизнеса в данной стране, иностранные компании могут построить завод в этой стране. Построив завод, иностранные компании зачастую поставляют на него ключевые комплектующие собственного производства. Таким образом, объёмы международной торговли и ПИИ оказываются тесно взаимосвязанными.

$inflationcpi_{it}$ – темп роста потребительских цен в стране i за год t . Инфляция – один из важнейших индикаторов макроэкономической стабильности. При низкой инфляции не происходит падения реальных доходов населения, ставки по кредитам находятся на низком уровне, курс национальной валюты относительно стабилен, в целом уровень неопределённости для инвестиционных проектов снижается. Мы ожидаем, что коэффициент при данной переменной в регрессионном уравнении будет иметь отрицательный знак.

$gdpgrowth_{it}$ – ежегодный рост экономики, рассчитанный как темп роста ВВП на душу населения в страны i за год t . Аналогично предыдущему показателю, темп роста ВВП на душу населения показывает состояние макроэкономической стабильности. Мы считаем, что при прочих равных страны с более высоким показателем будут привлекать больше ПИИ.

$balance_{it}$ – сальдо торгового баланса страны i за год t . Увеличение внешнеторгового оборота страны, как правило, ведёт к росту притоков ПИИ. Сальдо торгового баланса, отражающее позицию страны в международной торговле, будет коррелировано с поступающим в страну объёмом ПИИ. При этом если ПИИ обусловлены наращиванием импорта, то связь с данной переменной будет отрицательной, а если ПИИ ориентированы на экспорт товаров из страны, можно ожидать положительную корреляцию между объёмом ПИИ и торговым балансом страны.

$debt_{it}$ – уровень государственного долга в страны i за год t , в % от ВВП. Уровень государственного долга, во-первых, свидетельствует о наличии у государства ресурсов для действий ситуации кризиса, во-вторых, – о возможностях государства стимулировать потребление в экономике. Страны с относительно низким уровнем госдолга слабее подвержены внешним шокам, а также располагают большими резервами для создания благоприятных условий бизнесу национальных и иностранных компаний. Руководствуясь данной логикой, мы ожидаем отрицательного влияния размера госдолга на поток ПИИ в страну.

wto_{it} – дамми-переменная, отражающая членство страны i в ВТО/ГАТТ в году t (значение 1, если страна была членом ВТО/ГАТТ в соответствующем году и 0 в противном случае). Членство страны в ВТО свидетельствует не только о наличии в стране низких таможенных барьеров и режима благоприятствования международной торговли, но и об обязательствах страны не вводить дискриминационные меры в отношении иностранных инвесторов. Членство в ВТО/

ГАТТ означает приверженность страны процессам международной интеграции, глобализации, нацеленность на создание условий для благоприятствования деятельности иностранных компаний и мы ожидаем положительную корреляцию между объёмом ПИИ и данной переменной.

Таким образом, оцениваемая эконометрическая модель имеет вид:

$$\ln fdi_{it} = \beta_0 + \beta_1 \ln size of economy_{it} + \beta_2 \ln ecdevel_{it} + \beta_3 \ln trade_open_{it} + \beta_4 \ln fl_{it} + \beta_5 \ln gdp growth_{it} + \beta_6 \ln balance_{it} + \beta_7 \ln debt_{it} + \beta_8 \ln wto_{it} + e_{it}. (1)$$

Отметим, что для построения эконометрической модели не требуется включения в число регрессоров всех возможных факторов, которые могут оказывать влияние на приток ПИИ в страну. Во-первых, коллинеарность (линейная зависимость) между отдельными факторами может привести к смещённым оценкам. Во-вторых, из-за большого количества регрессоров в модели значимые факторы могут показаться незначимыми. В-третьих, влияние всех неучтённых факторов учитывается в ошибке регрессии. Для оценки качества используемой модели обычно используется коэффициент детерминации (R^2), обозначающий долю вариации зависимой переменной, объяснённой выбранными факторами.

В качестве базы данных для эконометрического анализа нами использованы показатели 195 стран за 1970-2018 гг., размещённые в открытом доступе на сайтах Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Международного валютного фонда и Всемирного банка. В силу того, что часть значений зависимой переменной $\ln fdi_{it}$ принимает значение, равное нулю, а логарифмическая функция определена лишь в положительной зоне значений аргумента, при проведении эконометрических оценок часть наблюдений была выброшена. Общее количество оцененных наблюдений в базе данных составило 5191.

Табл. 2. Спортивные мега-события в период 1970–2022 гг.

Table 2. Large-scale sport events during 1970–2022

Источник: составлено авторами.

Развитые страны			Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой		
Страна	Годы	Кол-во	Страна	Годы	Кол-во
Канада	1976, 1988, 2010	3	Китай	2008	1
Испания	1992, 1982	2	Бразилия	2014, 2016	2
США	1996, 1980, 1994, 2002	4	Россия	1980, 2014, 2018	3
Австралия	2000	1	Украина	2012	1
Греция	2004	1	Мексика	1970, 1986	2
Великобритания	1996, 2012	2	Аргентина	1978	1
Франция	1984, 1992, 1998, 2016	4	ЮАР	2010	1
Норвегия	1994	1	Катар	2022	1
Япония	1972, 1998, 2020	3	Корея	1988, 2002, 2018	3

Развитые страны			Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой		
Страна	Годы	Кол-во	Страна	Годы	Кол-во
Италия	1980, 1990, 2006	3	-	-	-
Германия	1972, 1974, 1988 2006	4	-	-	-
Польша	2012	1	-	-	-
Португалия	2004	1	-	-	-
Швеция	1992	1	-	-	-
Бельгия	1972	1	-	-	-
Итого событий		33	Итого событий		15

В составленную базу данных вошли все страны, принимавшие или готовые принять у себя спортивные мега-события в 1970–2022 гг. За рассматриваемый период 15 развитых и девять развивающихся стран провели на своей территории в общей сложности 48 спортивных мега-событий (см. табл. 2).

Результаты эконометрического анализа

В таблице 3 приведены данные оценки модели, предложенной в предыдущем параграфе. Модель оценена тремя методами: сквозной регрессией, панельной регрессией со случайными эффектами и панельной регрессией с фиксированными эффектами. Во избежание проблемы мультиколлинеарности перед оцениванием мы убедились в том, что парная корреляция между регрессорами модели не превышает 0,5.

Для определения оптимальной модели интерпретации результатов были проведены стандартные тесты. Тест Вальда, сравнивающий модель простой регрессии с моделью с фиксированными эффектами, показал, что регрессионная модель с фиксированными эффектами лучше подходит для описания данных, чем модель простой регрессии. На основании теста Бройша-Пагана, который сравнивает модель простой регрессии с моделью со случайными эффектами, сделан вывод о том, что регрессионная модель со случайными эффектами лучше подходит для оценки имеющейся базы данных, чем модель простой регрессии. Тест Хаусмана, сравнивающий модель с фиксированными и со случайными эффектами, показал, что регрессионная модель с фиксированными эффектами подходит лучше, чем модель со случайными эффектами.

Проинтерпретируем знаки коэффициентов при оценке модели с фиксированными эффектами. Размер экономики страны-импортёра ПИИ имеет ожидаемое положительное влияние на приток ПИИ в страну, подтверждая значимость ёмкости рынка для иностранных компаний. Коэффициент при переменной ВВП на душу населения имеет отрицательный знак, что мы объясняем как иллюстрацию негативного влияния уровня зарплат в стране на объём поступле-

ний ПИИ. Степень открытости экономики имеет положительную корреляцию с объёмом прямых иностранных инвестиций, что подтверждает гипотезу о взаимосвязи между ПИИ и объёмом внешней торговли страны. Рост инфляции отрицательно влияет на приток ПИИ, увеличивая неопределённости и ухудшая экономические показатели инвестиционных проектов. Переменные, отражающие уровень государственного долга и членство страны в ВТО, оказались не значимыми. После исключения из модели незначимых переменных, переменная «торговый баланс» стала значима с отрицательным знаком, что интерпретируется нами как значительная степень ориентации ПИИ на экспорт продукции, произведённой в стране.

Табл. 3. Результаты оценивания регрессионного уравнения

Table 3. Results of estimating of the econometric equation

Источник: составлено авторами.

Показатели	Сквозная регрессия	Со случайными эффектами	С фиксированными эффектами	С фиксированными эффектами
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Размер экономики	– 0,067*** (0,131)	0,179*** (0,035)	1,702*** (0,112)	1,565*** (0,019)
ВВП на душу населения	0,115*** (0,019)	0,149*** (0,045)	– 1,417*** (0,131)	– 1,232*** (0,122)
Открытость экономики	1,370*** (0,045)	1,655*** (0,065)	1,303*** (0,075)	1,339*** (0,659)
Инфляция	– 0,000 (0,000)	– 0,000*** (0,000)	– 0,000*** (0,000)	– 0,000*** (0,000)
Темп роста экономики	0,032*** (0,004)	0,020*** (0,003)	0,018*** (0,003)	0,019*** (0,003)
Торговый баланс	– 0,000*** (0,000)	– 0,000*** (0,000)	– 0,000*** (0,000)	– 9,043*** (0,238)
Государственный долг	– 0,001 (0,000)	– 0,001*** (0,001)	– 0,000 (0,000)	
Членство в ВТО	0,331 (0,005)	– 0,170*** (0,067)	– 0,047 (0,070)	
β_0	– 4,139*** (0,127)	– 6,465*** (0,237)	– 9,045*** (0,279)	– 9,043*** (0,238)
R^2	0.29	0.24	0.27	0.27
Наблюдений	5191	5191	5191	5191

Примечание. R^2 – коэффициент детерминации. Коэффициенты, отмеченные «***», значимы на 1%-м доверительном интервале. В скобках указаны стандартные ошибки.

Влияние спортивного мега-события на приток в страну прямых иностранных инвестиций будем оценивать на основе собранных данных о проведении крупнейших событий. В качестве крупнейших мы рассматривали летние и зимние Олимпийские игры, Чемпионат мира и Европы по футболу. Выбор этих мероприятий в качестве спортивных мега-событий соответствует устоявшейся практике в известных исследованиях и обусловлен тем, что эти события – самые масштабные и посещаемые в мире.

На основе этих данных мы сконструировали девять дамми-переменных, с помощью которых и будем оценивать влияние спортивных мега-событий на приток ПИИ. Эти дамми-переменные отражают разные временные рамки предполагаемого эффекта от проведения события (см. табл. 4).

Табл. 4. Дамми-переменные для оценки влияния проведения спортивных мега-событий на притоки ПИИ
Table 4. Dummy variables for estimating the effects of hosting large-scale events on FDI inflows

n m	1		2		3	
1	d_{11}	(0;4)	d_{12}	(0;8)	d_{13}	(0;12)
2	d_{21}	(-4;4)	d_{22}	(-4;8)	d_{23}	(-4;12)
3	d_{31}	(-8;4)	d_{32}	(-8;8)	d_{33}	(-8;12)

Источник: составлено авторами.
Примечание. $n=1, 2, 3$ – количество четырёхлетних периодов после наступления события, $m=1, 2, 3$ – количество четырёхлетних периодов до наступления события.

Каждая фиктивная переменная равна 0, если в этом году нет предполагаемого эффекта от события, и равна 1, если предполагается эффект от события. Так, например, переменная d_{22} равна 1 за четыре года до события и восемь лет после события, и равна 0 в остальные временные отрезки.

Табл. 5. Коэффициенты при дамми-переменных при включении их в оцениваемую модель
Table 5. Coefficients of dummy variables after including them in the estimating model

Дамми-переменные	Регрессия с фиксированными эффектами
d_{11}	0,248*** (0,019)
d_{12}	0,092 (0,085)
d_{13}	0,128 (0,003)
d_{21}	0,259 (0,083)
d_{22}	0,125 (0,082)
d_{23}	0,114* (0,087)
d_{31}	0,306*** (0,080)
d_{32}	0,224*** (0,084)
d_{33}	0,193** (0,090)

Источник: составлено авторами.
Примечание. Коэффициенты, отмеченные «***», значимы на 1%-м доверительном интервале, отмеченные «**» – на 5%-м, «*» – значимы на 10%-м доверительном интервале. В скобках указаны стандартные ошибки.

Каждая дамми-переменная по очереди включалась в уже протестированную модель притоков ПИИ, куда вошли только значимые переменные (см. колонку 5 таблицы 3). Значения коэффициентов при дамми-переменных. На 1%-ом доверительном интервале значимыми оказались переменные d_{11} , d_{31} , d_{32} , на 5%-ом доверительном интервале – переменная d_{33} , на 10%-м доверительном интервале – переменная d_{23} . Включение дамми-переменных в модель сохранило значимость остальных объясняющих переменных.

Чтобы оценить, оправданно ли добавление новых переменных в оцениваемую модель, мы рассчитали информационные критерии качества Акаике и Шварца. Эти критерии оценивают «штраф» модели за увеличение в ней количества переменных. Если эти критерии в модели с добавленными новыми переменными ниже, чем в модели без добавления новых переменных, то добавление переменной считается оправданным, и модель с этой переменной лучше, чем без неё. Значения информационных критериев Акаике и Шварца для групп стран с развитой и развивающейся экономикой приведено в таблице 6. Результаты свидетельствуют, что наиболее достоверна модель с включением дамми-переменной d_{31} . Другими словами, проведение спортивного мега-события положительно влияет на приток ПИИ на временном интервале, начинающемся за восемь лет до и заканчивающимся четырьмя годами после проведения события.

Табл. 6. Информационные критерии (ИК) Акаике и Шварца
Table 6. Akaike and Schwarz information criteria

Значение ИК Акаике			
Временные отрезки	4	8	12
0	15324	15331	15329
–4	15321	15329	15329
–8	15317	15324	15327
Значение ИК модели без дамми-переменных: 15330			
Значение ИК Шварца			
Временные отрезки	4	8	12
0	15370	15376	15375
–4	15367	15375	15375
–8	15362	15370	15373
Значение ИК модели без дамми-переменных: 15369			

Источник: составлено авторами.

Таким образом, полученные результаты эконометрического анализа можно трактовать как подтверждение гипотезы о положительной взаимосвязи спортивных мега-событий и притоком ПИИ в принимающую экономику. Наличие положительной взаимосвязи между проведением спортивного мега-события и ПИИ на интервале после проведения события может быть вызвано либо уско-

рением темпов экономического роста в стране, либо положительными эффектами, связанными с ростом туристических потоков с страну-организатор спортивного мега-события.

В завершении обсуждения полученных результатов обозначим возможные направления дальнейших исследований в рамках выбранной темы. Во-первых, при наличии базы данных по межстрановым потоками ПИИ за длительный период (40–45 лет) представляется целесообразным эконометрическое моделирование спортивных мега-событий на притоки ПИИ на основе гравитационного подхода с применением продвинутых методик оценивания. Во-вторых, недостаточно изучено долгосрочное влияние спортивных мега-событий на показатели занятости, дефицита бюджета, темпы инфляции, уровень государственного долга и т.п. В-третьих, интерес представляет анализ влияния мега-событий на такие социальные показатели, как вовлечённость населения в занятия спортом, гордость населения за страну, международный имидж страны и т.п. В-четвёртых, можно ставить вопрос об эффектах на региональном уровне.

Спортивные мега-события и прямые иностранные инвестиции в российской экономике

В настоящее время российская экономика сталкивается со значительным снижением поступлений ПИИ. Если в 2010–2014 гг. их среднегодовой объём составлял 36,2 млрд долл., то в 2015–2018 гг. – 22,1 млрд⁷. В основе данного явления лежат несколько взаимосвязанных причин: изменения внешнеполитической обстановки, нулевые темпы роста экономики, снижение реальных доходов населения. Кроме того, усилия российских властей по деофшоризации привели к перерегистрации многих российских активов из офшорных зон в российскую юрисдикцию и, как следствие, к снижению объёма ПИИ.

Выводы, представленные в данном исследовании, можно интерпретировать как ожидание роста ПИИ в российскую экономику в среднесрочной перспективе. Несоответствие наблюдаемой российской действительности полученным научным выводам авторы не считают основанием подвергать их сомнению по следующим причинам.

Во-первых, выявленное положительное влияние спортивных мега-событий на приток ПИИ – это лишь один из факторов, определяющих движение ПИИ. В случае проведения спортивного мега-события приток ПИИ в страну может снизиться под действием прочих детерминантов ПИИ (снижения показателей, влияющих положительно и/или роста показателей, влияющих отрицательно). К снижению ПИИ могут также привести внешние шоки.

Во-вторых, любой регрессионно-корреляционный анализ направлен на выявление общей закономерности для группы наблюдаемых объектов. В силу раз-

⁷ Данные с сайта unctad.org.

личных причин выявленная закономерность применительно какому-то одному из объектов может не выполняться, например, в силу ошибки измерения, действия неучтённых в модели факторов или индивидуальных эффектов и т.п.

Наконец, задача расчёта эффектов для отдельно взятой страны предполагает другой инструментарий для исследования, например, построение модели общего экономического равновесия, что выходит за рамки данной работы.

Для авторов очевидно, что применительно к российской экономике негативные факторы перевесили положительные эффекты от проведения спортивных мега-событий. В то же время с высокой долей вероятности можно утверждать, что без проведения Олимпийских игр и Чемпионата мира по футболу падение прямых иностранных инвестиций оказалось бы более существенным.

Об авторах:

Игорь Михайлович Драпкин – доктор экономических наук, профессор кафедры международной экономики и менеджмента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира 19).
E-mail: i.m.drapkin@mail.ru.

Сергей Александрович Лукьянов – доктор экономических наук, профессор РАН, заведующей кафедрой экономической теории Государственного университета управления (109542, г. Москва, Рязанский пр., 99, стр.1), профессор кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9).
E-mail: s.lukyanov@mail.ru.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Моделирование сбалансированного технологического и социально-экономического развития российских регионов» (проект № 19-18-00262).

Received: September 1, 2019
Accepted: November 25, 2019

The Effects of Large-Scale Sport Events on foreign direct investment inflows: the Results of Empirical Estimation

I.M. Drapkin, S.A. Lukyanov
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-167-187

Ural Federal University
State University of Management
St. Petersburg State University

Abstract: The expediency of hosting large-scale sport events (LSE), such as the Summer and Winter Olympic Games, FIFA World Cup and UEFA European Championship, is a matter of public and scientific discussion. The main argument against hosting large-scale sport events is the substantial direct financial losses for an organizing country in most cases. Moreover, local residents often oppose hosting major sport events because of price increase and different inconveniences in their everyday life. At the same time the effects of hosting large-scale events have long-term nature and go beyond direct financial benefits. One of the difficulties in estimating the effects of LSE is that they are hard to measure.

The literature review shows the deficit of research on how large-scale events influence the foreign direct investment inflows in the hosting country. In contrast to numerous papers on LSE influence on economic growth, foreign trade, international tourist flows, the authors found only one article devoted to LSE influence on FDI inflows. The present paper analyzes the influence of major sport events on foreign direct investment flows to the hosting country. The estimated database comprises data for 195 countries for the period of 1970–2018, 24 out of which hosted or will host 48 major sport events. The regression analysis indicates that LSE induce significant influence on foreign direct investment flows in the hosting economy. Comparing several models, we show that the most reliable is the model where hosting LSE positively influence on FDI inflows within the period starting 8 years before and ending 4 years after the event. We explain the result by the following. Firstly, fostering economic growth due to hosting LSE serves as a catalyst of foreign direct investment inflows. Secondly, LSE improves image of the hosting country abroad that positively affects the attractiveness of the country to foreign investors. Thirdly, the growing openness of the economy due to LSE (expressed for example in growth of international trade) positively affects the FDI inflows.

Key words: major sport events, foreign direct investment, Olympic games, FIFA World Cup, UEFA European Championship, effects of hosting major sports events.

About the authors:

Igor' M. Drapkin – doctor of economics, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira Ave., Yekaterinburg, Russia, 620002, professor at the department of International economics and management. E-mail: i.m.drapkin@urfu.ru.

Sergey A. Lukyanov – doctor of economics, professor of the Russian Academy of Science, State University of Management, 99, Ryazansky Prospect, Moscow, Russia, 109542, head of the department of Economic theory; Saint-Petersburg State University, 7–9, University embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034, professor at the department of international economics. E-mail: s.lukyanov@mail.ru.

Funding:

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 19-18-00262 "Empirical modelling of balanced technological and socioeconomic development in Russian regions".

Conflict of Interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Africano A. 2005. FDI and Trade in Portugal: a Gravity Analysis. *Research Work in Progress*. No. 174. P. 1–24.
- Ahlquist J. 2006. Economic Policy, Institutions, and Capital Flows: Portfolio and Direct Investment Flows in Developing Countries. *International Studies Quarterly* No. 50. P. 681–704. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2006.00420.x
- Amiti M. 1988. New Trade Theories and Industrial Location in the EU: A survey of evidence. *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 14(2). Pp. 45–53.
- Asiedu E. 2006. Foreign Direct Investment in Africa: The Role of Natural Resources, Market Size, Government Policy, Institutions and Political Instability. *The World Economy* No. 29. P. 63–77. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2006.00758.x>
- Azeem S., Hussain H., Hussain R. 2012. The Determinants of Foreign Investment in Pakistan: a Gravity Model Analysis. *Scientific Journal of Logistics*. 8(2). P. 81–97.
- Azemar C., Desbordes R. 2009. Short-Run Strategies for Attracting Foreign Direct Investment. *The World Economy*. 33(7). P. 928–957. DOI:10.1111/j.1467-9701.2010.01226.x
- Baltagi B., Egger P., Pfaffermayr M. 2008. Estimating regional trade agreement effects on FDI in an interdependent world. *Journal of Econometrics*. 145(1–2). P. 194–208. DOI: 10.1016/j.jeconom.2008.05.017
- Barrell R., Pain N. 1997. Foreign Direct Investment, Technological Change, and Economic Growth within Europe. *The Economic Journal*. 107 (445). P. 1770–1786. DOI:10.1111/j.1468-0297.1997.tb00081.x
- Bellak C., Leibrecht M., Stehrer R. 2010. The Role of Public Policy in Closing Foreign Direct Investment Gaps: an Empirical Analysis. *Empirica*. 37(1). P. 19–46. DOI: 10.1007/s10663-009-9107-6
- Bénassy-Quéré A., Coupet M., Mayer T. 2005. Institutional Determinants of Foreign Direct Investment. *CEPII Working Paper*. No. 2005-05. Paris: CEPII Research Center. 30 p.
- Bevan A., Estrin S. 2004. The determinants of foreign direct investment into European transition economies. *Journal of Comparative Economics*. 32 (4). P. 775–787. DOI: 10.1016/j.jce.2004.08.006.
- Bista R. 2017. Revisiting the Olympic Effect. *Review of International Economics*. 25(2). P. 279–291. DOI: 10.1111/roie.12266.
- Bruckner M., Pappa E. 2015. New Shocks in the Data: Olympic Games and Their Macroeconomic Effects. *Journal of Money, Credit and Banking*. 47(7), P. 1339–1367. DOI: 10.1111/jmcb.12247.
- Cantwell J., Piscitello L. 2005. Recent Location of Foreign-owned Research and Development Activities by Large Multinational Corporations in the European Regions: The Role of Spillovers and Externalities. *Regional Studies*. 39(1). P. 1–16. DOI: 10.1080/0034340052000320824
- Choi C. 2004. Foreign direct investment and income convergence. *Applied Economics*. 36(10). P. 1045–1049. DOI: 10.1111/rode.12187
- Daude C., Stein E. 2007. The quality of institutions and foreign direct investment. *Economics & Politics*. No. 19. P. 317–344. DOI: 10.1111/j.1468-0343.2007.00318.x
- Driffield N., Munday M. 2000. Industrial Performance, Agglomeration, and Foreign Manufacturing Investment. *Journal of International Business Studies*. 31(1). P. 23–37. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8490897
- Filippaios F., Papanastassiou M. 2008. US Outward Foreign Direct Investment in the European Union and the Implementation of the Single Market: Empirical Evidence from a Cohesive Framework. *Journal of Common Market Studies*. No. 46. P. 969–1000. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2008.00826.x

- Folfas P. 2011. FDI between EU Member States: Gravity Model and Taxes. *Working paper*. 16 p.
- Helpman E. 1984. A Simple Theory of International Trade with Multinational Corporations. *Journal of Political Economy*. 92(3). P. 451–471.
- Helpman E., Krugman P. 1985. Market Structure and Foreign Trade. *Cambridge: MIT Press*. P. 342–376.
- Helpman E., Melitz M., Yeaple S. 2004. Export Versus FDI with Heterogeneous Firms. *American Economic Review*. 94(1). P. 300–316. DOI:10.1257/000282804322970814
- Hotchkiss J., Moore R., Rios-Avila F. 2015. Reevaluation of the Employment Impact of the 1996 Summer Olympic Games. *Southern Economic Journal*. 81(3), P. 619-632. DOI: 10.4284/0038-4038-2013.063.
- Jakobsen J., Solberg H., Halvorsen T., Jakobsen T. 2013. Fool's Gold: Major Sport Events and Foreign Direct Investment. *International Journal of Sport Policy and Politics*. 5(3). P. 363-380. DOI: 10.1080/19406940.2012.717099
- Gani A. 2007. Governance and Foreign Direct Investment Links: Evidence from Panel Data Estimations. *Applied Economics Letters*. No.14. P. 753–756. DOI: 10.1080/13504850600592598
- Gastanaga, V., Jeffrey B., Pashamova B. 1998. Host Country Reforms and FDI Inflows: How Much Difference do They Make? *World Development*. No. 26. P. 1299–1314.
- Grossman G., Helpman E., Szeidl A. 2006. Optimal Integration Strategies for the Multinational Firm. *Journal of International Economics*. 70(1). P. 216–238. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2005.07.011>
- Guimaraes P., Figueiredo O., Woodward D. 2000. Agglomeration and the Location of Direct Investment in Portugal. *Journal of Urban Economics*. № 47. P. 115-135. DOI: 10.1006/juec.1999.2138
- Kherfi S., Soliman M. 2005. FDI And Economic Growth in CEE and MENA Countries: a Tale of Two Regions. *International Business & Economics Research Journal*. 4(12). P. 113-120. DOI: <https://doi.org/10.19030/iber.v4i12.3649>
- Konings, J., Murphy, A. P. 2006. Do Multinational Enterprises Relocate Employment to Low-Wage Regions? Evidence from European Multinationals. *Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv)*. No. 142 (2). P. 267-286. DOI: 10.1007/s10290-006-0067-7
- Kristiansen R., Brødsted M. 2011. The Economic Impact of Major Sporting Events. Aarhus School of Business and Social Science. P. 1-75.
- Leibrecht M., Riedl A. 2012. Modelling FDI Based on a Spatially Augmented Gravity Model: Evidence for Central and Eastern European Countries. *Working Paper Series in Economics*. 239. 29 p.
- Levy B., Berger P. 2013. On the Financial Advantage of Hosting the Olympics. *International Journal of Humanities and Social Science*. 3(1). P. 11-20.
- Li S., Blake A., Cooper C. 2011. Modelling the Economic Impact of International Tourism on the Chinese Economy: A CGE Analysis of the Beijing 2008 Olympics. *Tourism Economics*. 17(2). P. 279-333. DOI: 10.5367/te2011.0025.
- Mariev O., Drapkin I., Chukavina K. 2016. Is Russia Successful in Attracting Foreign Direct Investment? Evidence Based on Gravity Model Estimation. *Review of Economic Perspectives – Národohospodársky obzor*. 16(3). P. 245–267. DOI: 10.1515/revecp-2016-0015.
- Markusen J. 1984. Multinationals, Multi-Plant Economies, and the Gains from Trade. *Journal of International Economics*. Vol. 16. P. 341–356.
- Markusen J. 2002. Multinational Firms and the Theory of International Trade. Cambridge: MIT Press. 462 p.

Markusen J., A. Venables. 1998. Multinational Firms and the New Trade Theory. *Journal of International Economics*. Vol. 46. P. 183–203.

Müller M. 2015. What Makes An Event a Mega-Event? Definitions and Sizes. *Leisure Studies*. 34(6). P. 627–642. DOI: 10.1080/02614367.2014.993333

Mundell R. 1957. International Trade and Factor Mobility. *American Economic Review*. 47. P. 17–29.

Owen J. 2005. Estimating the Cost and Benefit of Hosting Olympic Games: What Can Beijing Expect from Its 2008 Games. *The Industrial Geographer*. 3(1). P. 1–18.

Rose A., Spiegel M. 2011. The Olympic Effect. *Economic Journal, Royal Economic Society*. 121(553). P. 652–677. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2010.02407.x

Song W. 2010. Impacts of Olympics on Exports and Tourism. *Journal of Economic Development*. 35(4). P. 93–110. DOI: 10.35866/caujed.2010.35.4.005

Suliman A., Mollick A. 2009. Human Capital Development, War and Foreign Direct Investment in Sub-Saharan Africa. *Oxford Development Studies*. 37(1). P. 47–61. DOI: 10.1080/13600810802660828

Vodusek Z. 2001. Foreign Direct Investment in Latin America: the Role of European Investors. An update. *SOE-IDB Working Paper Series 5, Inter-American Development Bank*.

Trevino L. J., Thomas D. E., Cullen J. 2008. The Three Pillars of Institutional Theory and FDI in Latin America: An institutionalization process. *International Business Review*. 17(1). P. 118–133. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2007.10.002

The Economic Impact of the 2020 Tokyo Olympic Games. 2014. *Mizuho Research Institute*. P. 1–11.

Walldkirch A. The Effects of Foreign Direct Investment in Mexico since NAFTA. *World Economy*. 2010. 33(5). P. 118–133. DOI: 10.2139/ssrn.1115300

Wallman A. 2006. The Economic Impact of the 2002 Olympic Winter Games in Salt Lake City. *Boston College Electronic Thesis or Dissertation*. 39 p.

Wei, S. 2000. How Taxing is Corruption on International Investors? *Review of Economics and Statistics*. 82. P. 1–11. DOI: 10.1162/003465300558533

Драпкин, И.М. 2010. Mezhdunarodnaya trgovlya, pryamyee zarubezhnyye investitsii i aglomeratsionnyye efekty v usloviyakh geterogennosti [International Trade, Foreign Direct Investment and Agglomeration Effects in a Heterogeneous Environmen] *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 3. Obshchestvennyye nauki. 2(77). S. 99–114. (In Russian)

Литература на русском языке:

Драпкин И.М. 2010. Международная торговля, прямые зарубежные инвестиции и агломерационные эффекты в условиях гетерогенности. *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 3. Общественные науки. (77). С. 99–114.

Евразия: сложности управления

Ю.И. Надточей, И.А. Сафранчук

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
МакМиллан Центр международных и региональных исследований Йельского университета, США

Рецензия на книгу: Sakwa R., Dutkiewicz P., Lukyanov F. (eds.) *Eurasia on Edge: Managing Complexity*. Lanham: Lexington Books, 2018. 324 p.

Ключевые слова: Евразия, евразийская интеграция, безопасность, институты, постсоветское пространство, российско-китайские отношения, ЕАЭС.

Тема роли и места евразийского континента в современных международных отношениях не является принципиально новой для исследовательского сообщества. Подобных научных работ ежегодно издаётся довольно много, однако лишь немногие из них заметно выбиваются вперед благодаря наличию в них нетривиальных исследовательских подходов и новаторских оценок изучаемых явлений и феноменов. К таковым, несомненно, относится и коллективный труд, подготовленный группой влиятельных политологов и специалистов по международным отношениям «Евразия на грани: сложности управления» под редакцией П. Дуткевича, Р. Саквы и Ф. Лукьянова.

Эта работа стала результатом совместных усилий академических сообществ Дискуссионного клуба «Валдай», Центра общественного управления и менеджмента (Канада) и исследовательского института *TRENDS Research & Advisory (OAE)*, а её появление на рубеже десятилетий (2010-2020-х гг.) вряд ли можно назвать простой случайностью. Поднимаемые авторами монографии исследовательские вопросы и поиски ответов на них проводят своего рода символический водораздел в развитии стран и целых регионов, расположенных на евразийском континенте. Этим определяется её актуальность и новизна. Работа охватывает широкий круг тем – от роста новых центров силы в Евразии до развития на её просторах новых интеграционных проектов, влияющих на динамику не только региональных, но общемировых политических и экономических процессов.

УДК: 327.5

Поступила в редакцию: 15.07.2019 г.

Принята к публикации: 11.11.2019 г.

Безусловно, по отдельности все эти исследовательские сюжеты освещались в научной и экспертной литературе и ранее. Однако одной из несомненных заслуг авторов рецензируемой монографии стала попытка (причём весьма не безуспешная) собрать под одной обложкой и обобщить сложные феномены большой евразийской геополитики, объединяя их центральной идеей. *Суть её заключается в наделении Евразии «интегральной субъектностью», которой она была лишена в первое десятилетие после холодной войны, в силу фактической, а также интеллектуальной однополярности и доминирования первой в истории мировой цивилизации неевразийской державы – США.*

Заданный ещё в 1997 г. З. Бжезинским вектор, согласно которому в американском – и ещё шире в евроатлантическом дискурсе – Евразия рассматривалась как подобие некоей шахматной доски, а отдельные её части – такие как постсоветское пространство – даже «чёрной дыры», закреплял за Евразией всего лишь место географического материка, а не международного политического макрорегиона, имеющего собственную внутреннюю логику и динамику развития (Бжезинский 1998: 58). Эти обширные географические пространства – прежде всего пространство бывшего СССР – рассматривались как материал, как площадка апробации западных социально-экономических и политических практик, как территория, которая в перспективе могла бы быть подключена к евроатлантической системе, причём на условиях правил функционирования самой этой системы.

Однако к концу второго десятилетия XXI в. подобные интеллектуальные штампы выглядят уже явным анахронизмом, уступая место потребности в более взвешенных и научно обоснованных оценках роли Евразии в мировой политике. Возвышение евразийских гигантов (КНР, Индии), долгое время рассматривавшихся в качестве стран «второго эшелона» мировой экономической и политической систем, нашло отражение уже в новых работах по евразийской проблематике. Не остались незамеченными и тенденции трансформации постсоветского пространства, его истории, политики, культуры, которое пройдя через годы «интеллектуального забвения», вновь стало предметом скрупулезных исследований и острой экспертной полемики о роли Северной Евразии в международных отношениях (Новая имперская история...2017; Пути и по-яса...2019; Тренин 2012; Преобразование...2017).

По времени они совпали с кризисными явлениями в рамках самой однополярной системы и составляющих её элементов (государств, союзов, организаций), для которой Евразия ранее выступала своего рода мишенью для отработки геостратегий, направленных на переваривание евразийской континентальной массы (*Eurasian landmass*). Теперь же сама однополярная система во главе с её гарантом США в той или иной мере перешла от стратегии вовлечения в свою орбиту евразийских стран и регионов (*engagement*), к стратегии высвобождения (*disengagement*) и занятия своего рода позиционной обороны их сдерживания (Brooks, Wohlforth 2016: 4-5).

Представляется, что авторы рассматриваемой нами коллективной работе в значительной степени продолжили эту линию на переосмысление евразийского дискурса в свете новых геополитических и геоэкономических реалий. В условиях нарастающих центробежных тенденций внутри евро-атлантического сообщества и центростремительных внутри евразийских «больших пространств», их труд по праву может считаться явным отходом от устоявшегося однополярного тезиса конца XX – начала XXI вв.

Исследование основывается на трёх ключевых нарративах, характеризующих процессы в Евразии. Из них, по мнению авторов, вытекает и её субъектность в трёх сферах (экономической, политической, институциональной) (с. 271). Отдельный блок вопросов общий для всех этих сфер составляют вопросы безопасности. Здесь авторы также предлагают ряд новаторских исследовательских подходов. В частности, интересным представляется оригинальное применение в работе уровней анализа, позволившее исследователям создать «трёхмерный отпечаток вызовов для Евразии в области безопасности» (*3D security scan*) на внутригосударственном, региональном и глобальном уровнях (с. 275).

Как справедливо отмечают авторы, границы между этими уровнями отнюдь не являются непроницаемыми, а это значит, что для обеспечения безопасности на евразийских просторах необходимо предотвращать эффект «перетекания» вызовов с одного уровня (например, с внутригосударственного на региональный) на другой и препятствовать формированию «трансграничных кластеров угроз».

Одной из важнейших и можно сказать центральных сюжетных линий в книге выступают российско-китайские отношения. Эта проблематика для всей работы является как бы сквозной, пронизывающей все прочие сюжеты, посвящённые более конкретным вопросам – безопасности, экономике, интеграции, внутренней политике отдельных стран и регионов.

Такая задумка авторского и редакторского коллективов вполне объяснима текущим моментом: впервые с конца 40-х – начала 50 гг. прошлого века – времени формирования ещё советско-китайского тандема – Москва и Пекин синхронно не подвергались столь мощному внешнему давлению со стороны Вашингтона. И если первая попытка строительства между двумя державами «братства на век» была неудачной в силу идеологических причин, то теперь сближение базируется на принципах политического реализма и обуславливается уже скорее вынужденным прагматизмом. Как справедливо отметил один из авторов работы Ж. Хуашенг, для КНР Евразия (в том числе и Россия) является собой скорее стратегический тыл, а не источник опасности (с. 271), в то время как для РФ, Китай является важным источником модернизации в условиях продолжающегося конфликта с евроатлантическими странами.

Так называемый «поворот на Восток», ставший модной темой последних нескольких лет вначале в американском, а затем и в российском политико-экспертном дискурсе, потребовал от специалистов его более тщательной, эксперт-

ной проработки, лишённой пустой риторики (К Великому океану...2017). К тому же реальная политика внесла свои коррективы с саму суть концепции «поворота». Если изначально он ассоциировался с американскими планами укрепления отношений с КНР в формате G2, то последующий отказ от них Вашингтона и переход к сдерживанию Пекина содержательно изменил политику и стратегию США в Азии. Российское сближение с Китаем в условиях нарастающих трений Пекина и Москвы с Западом (прежде всего, с США) создало предпосылки для ренессанса своего рода «большого треугольника» – США – КНР – РФ, с той существенной разницей, что конфликтующие углы в нём теперь расположены по иному принципу: вместо американо-китайского тандема времён холодной войны возник тандем российско-китайский (т.е. подлинно евразийский).

Насколько он окажется прочен – вопрос далеко не теоретический. В самой системе отношений между Поднебесной и Российской Федерацией складывается две группы факторов как способствующих сближению, так и препятствующих ему. К первой, несомненно, можно отнести декларируемые принципы: обе страны заявляют о неприятии американского доминирования в мире, не принимают тезис о безальтернативности неолиберальной модели западной демократии, твердо стоят на страже своего суверенитета, разделяют озабоченность в отношении таких угроз и вызовов как терроризм и сепаратизм.

Вторую группу факторов составляют причины и обстоятельства, не способствующие сближению России и Китая и консервирующие различия в их стратегических приоритетах. В геополитической сфере эти различия, например, проявляются по части целей построения желаемого мирового порядка. Р. Вайц в своей главе отмечает, что Китай остается государством статус-кво, нацеленным на сохранение существующей системы международных отношений и её институтов, некогда созданных по инициативе США. КНР никогда не стремилась оспаривать статус Америки как военной сверхдержавы, ставя под сомнение (весьма обоснованно) лишь экономические основы однополярной системы (с. 154). Добиваясь её модернизации, Китай пытается занять в ней место одного из бесспорных экономических (а не военных) лидеров, в то время как Москва никогда не скрывала своего неудовлетворения, прежде всего, именно военно-силовой однополярностью Вашингтона и, как показывает практика (Грузия, Украина, Сирия), готова противодействовать ей гораздо жёстче, чем Пекин.

Это обстоятельство создаёт существенные препятствия на пути налаживания между двумя странами согласованных действий в области «высокой» политики безопасности (формирование полноценного военно-политического союза антиамериканской направленности). Больше же сближение на военно-политической основе, по мнению А. Лукина, возможно только если США открыто начнут процессы силовой «демократизации» как Китая, так и России, что в нынешних условиях представляется маловероятным исходом (с. 265). Однако остаётся широкое пространство для сотрудничества в сфере безопасности на более «низком» уровне (борьба с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом).

Здесь возникает второй сюжет, которому авторы уделяют особое внимание – региональная безопасность, обеспечение которой в условиях дисбалансов в российско-китайских отношениях является крайне сложной задачей.

Ситуация усугубляется и тем, что конфликтные точки Евразии, в условиях глобализации и взаимозависимости всё больше стягиваются в единое конфликтное поле, через которое нестабильность распространяется на те части материка, которые в силу своей отдалённости напрямую не связаны с конкретными очагами напряжённости, но испытывают на себе их деструктивное воздействие. По сравнению с европейским и евроатлантическим пространствами, в Евразии нет такой разветвлённой сети региональных институтов безопасности, способных стабилизировать политическую обстановку, гася конфликтность через развитые интеграционные структуры. Нет там и свойственной Европе политической однородности групп государств. Более того, даже сами страны Евразии, как отмечают авторы, понимают Евразию по-разному (с. 2). Категории этих стран также варьируются – от великих держав (России, КНР) и важных региональных государств (Турция, Иран), способных (при наличии у них политической воли) выступать стабилизаторами международной обстановки, до несостоявшихся или находящихся близко к этому статусу государств (Сирии, Афганистана). Последние невольно, в силу собственной хрупкости, привносят в евразийский геополитический порядок элементы дезорганизации и даже хаоса.

Тень асимметрии российско-китайских отношений ложится и на проекты евразийской интеграции – ещё один из важных сюжетов, освещаемых авторами. Безусловно, они признают, что пик дезинтеграционных процессов в Евразии – особенно на постсоветском пространстве – остался позади, а в предстоящие десятилетия нас ждёт время консолидации осколков «бывшей империи», разорванных геополитическими сдвигами начала 90-х гг. На практике, однако, не всё оказывается так просто. С одной стороны, процесс поглощения постсоветских территорий евроатлантическими странами и организациями в значительной мере исчерпал себя, а сближение республик бывшего СССР с запуском проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС) уже стало больше походить на «настоящую» интеграцию, весьма отличную от процедуры «мирного развода» и дележа советского наследства, реализовывавшуюся в рамках Содружества Независимых Государств. Примечательно, что в главе по евразийской интеграции, подготовленной Е. Винокуровым и А. Либманом, СНГ в качестве интеграционного объединения не рассматривается вовсе (с. 35).

С другой – интеграция «нового типа», начавшаяся уже в XXI в., не ограничивается региональными постсоветскими рамками, становясь евразийской в полном смысле этого слова с подключением к ней субъектов, никогда не входивших ни в состав СССР, ни впоследствии в состав СНГ – в первую очередь Китая.

Фактически авторы признают, что возможности России по реинтеграции постсоветского пространства в одиночку были и остаются ограниченными. Однако между прошлым и настоящим подходами России к интеграции имеются

различия. Изначально республики бывшего СССР рассматривались Москвой как субъекты, которые наряду с Россией в перспективе присоединятся к большой Евро-Атлантике. Предполагалось что такая евро-атлантическая интеграция фрагментов бывшего СССР будет по-прежнему происходить под чутким российским контролем, поскольку именно статус России как правопреемницы СССР, с точки зрения российских реформаторов ельцинской поры, давал ей несравненно большие права и привилегии по сравнению с другими бывшими советскими республиками, а следовательно, позволял не только говорить с Западом на равных, но и совместно с ним определять решения, касающиеся других стран СНГ, нередко не считаясь с интересами последних.

Однако со временем признание Москвой иллюзорности собственной перспективы евро-атлантической интеграции «на условиях России», помноженная на попытки реорганизовать постсоветское пространство через политику активного вмешательства в дела сопредельных государств, ещё в большей степени поставили под вопрос легитимность российских притязаний на первенство среди равных в постсоветской Евразии. Ускорился процесс расхождения ткани пространства СНГ, отдельные части которого (Грузия, Узбекистан, Украина) всё больше стали тяготеть к альтернативным центрам силы в Евразии (Китаю, Турции, Ирану), ориентируясь, в том числе, на выдвигаемые ими геополитические и геоэкономические проекты. Россия же вынуждена считаться с этим фактом и именно по этой причине от неё и её ближайших союзников (Беларуси) исходят такие инициативы как «интеграция интеграций» или сопряжение ЕАЭС с китайской инициативой «Один пояс – один путь».

Принимая в расчёт данные реалии, можно согласиться с доводами авторов о том, что дальнейшие перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве будут зависеть, в том числе, и от тех внерегиональных и непостсоветских партнёров Москвы (Пекина, Тегерана, Стамбула), которые выразят готовность к сотрудничеству с ней по таким вопросам, не забывая при этом о своих интересах. И здесь возникает вполне закономерный вопрос, к которому исследователи постепенно подводят читателя: будет ли Евразия выстроена вокруг постсоветского пространства, которое обретёт субъектность или же скорее эта субъектность будет создаваться за счёт «поглощения и освоения» этого пространства сопредельными странами, растворившись в альтернативных проектах без российского или с второстепенным российским участием (Большая Азия, Большой Туран и т.д.)

Так или иначе, но авторы далеки от мысли, что в Евразии возможно сконструировать некую особую идентичность, схожую с той, что создана в Европе, субъектность которой (в лице ЕС) мало кем подвергается сомнению. Страны и регионы евразийского материка представляют собой настоящий образец плюрализма. Это настоящий конгломерат различных политических, экономических и социокультурных паттернов, унификация которых представляется недостижимой целью.

Такой сложносоставной характер евразийской геополитической картины, её мозаичность, помноженная на неопределённость вопроса о самих границах Евразии и действующих на её арене акторов, заставляют задуматься о её способности контролировать глобальный хаос. Ведь с этой задачей в недавнем прошлом не смогли справиться евро-атлантические страны во главе с США, о чём свидетельствует опыт таких амбициозных проектов как пространство безопасности от Ванкувера до Владивостока.

Этот вопрос авторы монографии оставляют без однозначного ответа, предлагая найти его читателю самостоятельно, вернее выбрать из трёх возможных опций – сценариев, предложенных П. Дуткевичем и Р. Саквой. Каждый из сценариев связан с определённой перспективой будущего развития Евразии (пессимистичной, оптимистичной и реалистичной). И если первые две представляют собой некие радикальные альтернативы – либо безудержный прогресс, либо неизбежный упадок общеевразийского сотрудничества, – то третья альтернатива предполагает гораздо большую вариативность потенциальных рисков и возможностей.

Авторы не склонны видеть в сложной евразийской картине (а именно слово *complexity* вынесено в заголовок книги) путь к фиаско евразийских стран и регионов, а равно и не рисуют её будущее в радужных тонах. Скорее, напротив, сложность и многообразие форм и моделей развития Евразии может быть как ключом к успеху, так и препятствием на пути к нему.

В конечном счёте, вариативные модели нелиберальной модернизации принесли плоды многим евразийским странам, в то время как идеологический монизм западных демократий, основанный на неолиберальных концептах и рецептах унификации (рыночная экономика плюс либеральная демократия) далеко не всегда способен решать практические задачи в условиях неопределённости. В нестандартных кризисных ситуациях (будь то миграция, экономическая рецессия, региональный сепаратизм) политико-экономическая и идеологическая гомогенность евро-атлантического сообщества лишает его членов достаточной гибкости, а евразийская гетерогенность может создать пространство для компромиссов, столь необходимых в условиях нарастающей международной нестабильности.

Очевидно, что подобная культура компромиссов понадобится евразийским государствам и региональным организациям не только в диалоге с внешним миром и неевразийскими акторами (странами и региональными группировками Европы, Северной и Южной Америки, Африки). Прежде всего, это необходимо для внутривевразийского диалога. Особенно между наиболее крупными его участниками, выстраивающими плотную ткань отношений как в многосторонних форматах (ШОС, БРИКС, ЕАС), так и на уровне двусторонних связей.

Приведут ли Евразию такие форматы сотрудничества к долгой эре стабильности и процветания, станет понятно уже в ближайшем будущем, так как именно сейчас в сложных для многих крупных, средних и малых стран материка про-

ходят своего рода стресс-тесты евразийских интеграционных проектов. Можно согласиться с мнением авторов о том, что Евразия перестаёт быть реципиентом западных политических, экономических и социальных практик и становится поставщиком новых идей и новых подходов (с. 272)

При этом крупные и наиболее влиятельные евразийские страны (в первую очередь, РФ и КНР), выступающие в роли интеграторов евразийских пространств, не склонны действовать в духе «нормативной силы», свойственной ЕС. Напротив их интеграция реализуется в русле концепций незападного регионализма, который базируется на интересах, а не на нормах и принципах, а потому здесь вряд ли найдется место практикуемой ЕС политике обусловленности, где объём и масштаб сотрудничества с внешними неевропейскими странами определяется уровнем их демократичности и приверженности ценностям Союза.

Возможно, что именно эти практики и подходы, отрабатываемые в наши дни на евразийских просторах, постепенно кристаллизуются в уже и более общие принципы будущего мирового устройства. Станут ли они той самой основой искомого одними и избегаемого другими многополярного мира – мира более сложного, гетерогенного, но, в то же время, возможно, более многообещающего и перспективного?

Книга под редакцией П. Дуткевича, Р. Саквы и Ф. Лукьянова призывает к дальнейшим размышлениям над этим бесконечно сложным, дискуссионным вопросом. В этой связи она вряд ли может считаться «законченным научным исследованием», опирающимся на чёткую теоретико-методологическую базу. Скорее этот труд представляет собой хороший, обстоятельный обзор текущих тенденций, проблем и перспектив, объясняемых доступным языком, а потому адресованный не только узкой группе специалистов, но и довольно широкой по охвату читательской аудитории, интересующейся международными отношениями.

Об авторах:

Юрий Иванович Надточей – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО.

Иван Алексеевич Сафранчук – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, ИМИ, МГИМО Университет; научный сотрудник и лектор, МакМиллан Центр международных и региональных исследований Йельского университета.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 15, 2019

Accepted: November 11, 2019

Eurasia: Challenges of Governance

Yu.I. Nadtochey, I.A. Safranchuk

DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-188-197

Moscow State Institute of International Relations (University)

MacMillan Center for International and Area Studies, Yale University, USA

Book review: Eurasia on Edge: Managing Complexity. Lanham: Lexington Books, 2018. 324 p.

Key words: Eurasia, Eurasian integration, security, institutions, post-Soviet space, Russian-Chinese relations, EAEU.

About the authors:

Yu. I. Nadtochey – Candidate of Science (History), associate professor at MGIMO – University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454.

Ivan A. Safranchuk – PhD in Political Science, senior research fellow at the Institute of International Studies, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454; associate research scholar and lecturer at the MacMillan Center for International and Area Studies at the Yale University, 34 Hillhouse Ave, New Haven, CT 06511, USA.

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Brooks S.G., Wohlforth W.C. 2016. *America Abroad: Why the Sole Superpower Should Not Pull Back from the World*. New York: Oxford University Press.

Brzezinski Z. 1998. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [Grand Chessboard. The Domination of America and its Geostrategic Imperatives]. Moscow: International relations. P. 58. (In Russian)

Novaya imperskaya istoriya Severnoi Evrazii [The New Imperial History of Northern Eurasia]. 2017. In 2 parts / ed. Kazan: "Ab Imperio". (In Russian)

Puti i poyasa Evrazii. Natsional'nye i mezhdunarodnye proekty razvitiya na Evraziiskom prostranstve i perspektivy ikh sopryazheniya. [Ways and Belts of Eurasia. National and International Development Projects in the Eurasian Space and Prospects for their Integration]. 2019. Ed. by A.V. Lukin, and V.I. Yakunin. Moscow: Ves Mir publishing House. (In Russian)

Trenin D.V. 2012. *Post-imperium: evraziiskaya istoriya* [Post-Imperium: Eurasian History]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Preobrazovanie Evraziiskogo prostranstva: obshchie perspektivy v predstavlenii analiticheskikh tsentrov Kitaya, Rossii i Kazakhstana [Transformation of the Eurasian Space: Common Perspectives in the Representation of Analytical Centers of China, Russia and Kazakhstan]. 2017. Ed. Moscow: Valdai international Discussion club. (In Russian)

K Velikomu okeanu – 5: ot povorota na Vostok k Bol'shoi Evrazii [To the Great ocean – 5: from turning East to Greater Eurasia]. 2017. Moscow: Valdai international Discussion club. (In Russian)

Литературы на русском языке

Бжезинский З. 1998. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. Москва: Международные отношения. С. 58.

Новая имперская история Северной Евразии. 2017. В 2-х частях. Под ред. И.В. Герасимова. Казань: «Ab Imperio».

Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения. 2019. Под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. Москва: Издательство «Весь мир».

Тренин Д.В. 2012. *Post-imperium: евразийская история*. Москва: РОССПЭН.

Преобразование Евразийского пространства: общие перспективы в представлении аналитических центров Китая, России и Казахстана. 2017. Под ред. Т.В. Бордачева. Москва: Международный Дискуссионный клуб «Валдай».

К Великому океану – 5: от поворота на Восток к Большой Евразии. 2017. Москва: Международный дискуссионный клуб «Валдай».

Экономистам о джихаде

Р.И. Беккин

Институт Африки РАН

Рецензия на книгу: Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Ислам, глобальное управление и новый миропорядок. М.: ИАФр, 2018. 376 с.

Авторы исследуют роль и место ислама в международном развитии и глобальном управлении в контексте актуальных вопросов межкультурного и межконфессионального взаимодействия в современном мире, возникающие при этом вызовы и угрозы, включая проблематику борьбы с экстремизмом и международным терроризмом. В центре внимания авторов – комплексная оценка и прогноз развития «мусульманского сегмента» современного полицентричного мира, конфликт между пространственной экспансией традиционного ислама и неолиберальным миропорядком, феномен «арабской весны», технологии управления массами со стороны различных политических сил, опасность региональной дестабилизации и угрозы глобальной безопасности и интересам России.

Ключевые слова: исламская экономика, новый миропорядок, исламское государство (ИГ), джихадизм.

Авторы рецензируемой монографии – Леонид Фитуни и Ирина Абрамова – хорошо известны среди российских специалистов своими публикациями, посвящёнными вопросам экономики арабских стран и международному экономическому сотрудничеству. В монографии «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок», изданной Институтом Африки РАН, не меньшее внимание, чем экономическим проблемам, уделено политической тематике. Авторы поставили перед собой задачу отразить «сложные социально-экономические процессы и весьма неоднозначную динамику развития стран Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока за последнее десятилетие и трансформации, связанные с изменением места ислама в полицентричном мире» (с. 13). Таким образом, говоря о мусульманском мире в целом, авторы фокусируют своё внимание на так называемом «Большом Ближнем Востоке».

УДК: 330.34

Поступила в редакцию: 16.10.2019 г

Принята к публикации: 19.12.2019 г.

Однако изучение вопросов глобальной безопасности и борьбы с международным терроризмом, которым уделено немало места в книге, обязывает Л.Л.Фитуни и И.О.Абрамову переносить внимание не только на мусульманские страны, но и на регионы, где мусульмане не составляют большинство населения. В частности, в финальной главе 5 «По ту сторону идентичности: миграции и диаспоры» в фокусе исследователей оказалось положение мусульманских диаспор в странах Западной Европы. В указанной главе авторы рассматривают особенности миграции из разных регионов Ближнего Востока, анализируют современное положение мусульманских диаспор в европейских государствах и др.

Особое внимание в книге уделено феномену джихадизма. Авторы исходят из того, что распространение терроризма под исламскими лозунгами является не столько итогом просчётов спецслужб стран Европы, сколько результатом продуманной политики, направленной на то, чтобы «в открытую или втемную использовать их (*сторонников радикального ислама. – Р.Б.*) в своих целях» (с. 325). Авторы, в частности, утверждают, что «Запад пестует, финансирует, укрепляет кадровый состав организаций и структур, необходимых ему для борьбы с геополитическими соперниками» (с. 325). Такая позиция очевидно имеет своих приверженцев, в том числе и в США и странах Европы, однако нуждается в серьёзной доказательной базе. К слову, не вполне корректен и обезличенный термин «Запад», встречающийся на страницах книги, когда речь идёт о сложнейших политических процессах, затрагивающих значительную часть мира. Авторы используют понятие «коллективный Запад» (с. 9), но и оно также нуждается в обосновании.

Вместе с тем несправедливо будет обвинять авторов в предвзятом подходе и ангажированности. Напротив, они стараются показать, что в основе тех или иных событий или явлений лежит множество причин. Так, например, в главе 3, посвящённой причинам и последствия «арабской весны», написано следующее: «Авторы однозначно считают, что причины и предпосылки происходящего кроются в самих арабских обществах и их проблемах. Не требует доказательства и тот факт, что революционные выступления в регионе нельзя объяснить воздействием лишь какого-то одного фактора или причины...» (с. 205).

Скорее можно говорить о присутствии в рецензируемой книге некоторых элементов публицистического стиля, когда речь заходит не об экономической проблематике, а о вопросах, касающихся мировой политики и международных отношений. Одной из примет этого стиля является выдвижение тезисов, которые отражают лишь одну точку зрения (автора или авторов). Впрочем, это довольно распространённое явление в российских научных работах, в которых затрагиваются актуальные политические проблемы, в том числе тема международного терроризма.

Тема терроризма под исламскими лозунгами проходит красной линией сквозь всю работу. Глава 4 посвящена феномену «Исламского государства»

(ИГ)¹. Говоря о данном террористическом образовании, авторы рассматривают такие вопросы, как: география распространения ИГ на Африканском континенте; технология вовлечения детей и подростков в экстремистскую и террористическую деятельность; гендерная политика ИГ и др. Тема ИГ также рассматривается в других главах книги, в частности, в главе 1.

Авторы справедливо указывают на трудности статистического описания организаций, подобных ИГ. Их изучение осложняется тем, что «даже в случае получения исследователем первичных данных, достоверность последних нелегко в полной мере подтвердить альтернативными методами из других источников. Поскольку, как правило, выборки «с земли» малы и случайны, они могут существенно отличаться и даже противоречить друг другу. В этих случаях достоверность любого первичного обследования может быть без труда поставлена под сомнение. В отличие от точных или естественных наук, повторение эксперимента другими исследователями при идентичных условиях практически исключено» (с. 256-257). Тем не менее, авторам в целом удалось показать сущность, а также формы и основные методы деятельности ИГ. При написании главы авторы использовали материалы собственных полевых исследований (например, интервью с работниками одной из тюрем в Марокко, где содержались представители ИГ).

Наиболее сильной частью работы являются первые три главы, где авторы рассматривают тенденции экономического развития мусульманского мира (на примере арабских стран).

В главе 1 «Мусульманский мир: между традиционными ценностями и новым миропорядком» рассматриваются такие вопросы, как исламские финансы и альтернативные модели глобального управления; модели исламской экономической модернизации; влияние структурных и макроэкономических дисбалансов на фундаментальные тренды социально-экономического развития и др. Анализируя структуры экономик стран Ближнего Востока, авторы приходят к выводу, что уход от нефтяной зависимости для многих стран региона в обозримой перспективе объективно невозможен (с. 55). Говоря об экономических проблемах в современном арабском мире, Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамова отмечают, что «социально-деструктурная реакция больших масс населения на структурные и экономические дисбалансы – одна из особенностей региона БВСА. Ни в одном другом крупном экономико-географическом районе мира резкое подорожание предметов потребления... и неуклюжие попытки проведения реформ в последние десятилетия не приводили к таким вспышкам насилия и кровавым последствиям, как в арабском мире» (с. 56).

Авторы пытаются ввести новый термин: «мусульманская экономика», под которой они понимают «современную экономику мусульманских стран» (с. 25).

¹ Организация, запрещённая на территории РФ.

Мусульманская экономика в монографии противопоставляется «исламской экономике», под которой понимается «экономика, создаваемая полностью или преимущественно на основе мусульманского права (шариата)» (с. 25).

Не стану здесь обсуждать неоднозначность термина «исламская экономика», на что указывают и авторы рецензируемой монографии. Понятие «исламское экономика» уже прочно вошло в язык теоретиков и практиков, и является общепринятым в среде экономистов и представителей других дисциплин. Что касается термина «мусульманская экономика», то попытка ввести его в оборот может быть признана не вполне удачной.

Авторы утверждают, что слова «исламский» и «мусульманский» – полные синонимы, исходя из того, что в арабском языке второе слово изначально является производным от первого, а оба они – происходят от корня, обозначающего название религии – “Ислам”» (с. 26). Соответственно, развивают авторы свою идею, «любая “исламская экономика” является “мусульманской”, поскольку её носителями являются мусульмане, а географически как целостное явление она может существовать только в мусульманском государстве (в противоположность отдельным экономическим и финансовым услугам, предоставляемым с учетом требований исламского права, которые могут оказываться, например, в Англии или Китае). С другой стороны, не всякая “мусульманская экономика”, согласно предложенной нами классификации, является “исламской”. Если говорить о конкретных государствах, то, например, экономики Турции, Албании, Азербайджана, Казахстана, Киргизии или Боснии и Герцеговины и т.п. таковыми не являются» (с. 26-27).

Позволю себе не согласиться с данной точкой зрения. Определение «исламский» обозначает понятие, производное, имеющее происхождение от ислама как религии. В то же время слово «мусульманский» отсылает нас к самим приверженцам ислама – мусульманам. Иными словами, если мы говорим о «мусульманской экономике», то корректней понимать под ней не сумму народных хозяйств мусульманских стран, а совокупность хозяйств, принадлежащих мусульманам, независимо от страны проживания (Беккин 2013). В конце концов, в мусульманских странах живут христиане и представители других религий, а также неверующие. Все они участвуют в производстве общественных благ. В то же время мусульмане, проживающие за пределами мусульманского Востока, также являются активными участниками экономических отношений.

Таким образом, если мы говорим об экономике стран, где ислам является государственной религией или большинство населения составляют мусульмане, то предпочтительнее было бы говорить об «экономике мусульманских стран» или «экономике стран Организации Исламского Сотрудничества (ОИС)».

Тема исламских финансов продолжена в главе 2 «Исламский мир и глобальное управление: вызовы и возможности». Здесь также рассматриваются такие вопросы, как: институты и правовые инструменты глобального управления в системе противодействия международному терроризму; роль агрессивных не-

государственных акторов в регионе; глобальное управление и развитие науки в мусульманских странах и др.

Говоря о перспективах участия арабских стран в мировой экономике и международных экономических отношениях, авторы пишут: «В обозримом будущем определяющими факторами активного, а не пассивного участия мусульманских стран в мировой экономике и в формировании новой системы ГУ станут их природно-ресурсный потенциал и быстрорастущее и качественно меняющееся население. Возрастание человеческого капитала посредством роста научного потенциала мусульманских стран континента является важным условием реализации их целей развития в XXI в. Именно эти детерминанты будут оказывать значимое воздействие на развитие глобальной экономики и определять социально-экономические перспективы самих мусульманских государств» (с. 137-138). С этим утверждением сложно не согласиться. Однако главе, которую завершает приведенная цитата, не хватает анализа влияния климатических изменений на будущее арабо-мусульманского мира.

В главе 3 «Неолиберальный порядок: ловушка “арабской весны”» рассматриваются причины и последствия революций начала 2010-х гг. для экономического развития арабских стран. В главе даются основные характеристики макроэкономической и финансовой ситуации в Египте и Тунисе в первой половине 2010-х гг. Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамова дают взвешенный и объективный анализ причин, вызвавших массовые протесты в странах Северной Африки. По мнению авторов, «главная фундаментальная проблема, приведшая к падению старой власти, заключалась в неспособности последней создать адекватные изменившимся условиям парадигмы (пере)распределения национального дохода» (с. 158).

Концептуально и методологически книга Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамовой стоит в ряду с известной монографией Н.В. Жданова «Исламская концепция миропорядка», первое издание которой появилось в 1991 г. (Жданов 1991; Жданов 2003). В обеих указанных работах представлены как политические, так и экономические аспекты изучаемой проблемы. Несмотря на то, что работа Жданова привлекает внимание исследователей и в наши дни, отдельные концептуальные недостатки, присущие «Исламской концепции миропорядка», можно встретить и в книге «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок». Это касается в основном тех частей книги Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамовой, где речь идёт об исламе и политической ситуации в арабо-мусульманском мире. Вопрос об идейно-политической борьбе в современном исламе фактически сводится на страницах монографии к проблематике джихадизма и терроризма под исламскими лозунгами. Идеология джихадизма, безусловно, важна для исследователя, занимающегося изучением актуальных проблем на Ближнем Востоке, но ею не исчерпывается современная политическая мысль в исламе. Да и само джихадистское движение настолько пёстро с идеологической точки зрения, что требует отдельного исследования (Garaev 2018). Этим обстоятельством, по-

видимому, следует объяснить недостаточно подробное рассмотрение данной проблемы в рецензируемой книге.

Однако, несмотря на отмеченные выше спорные моменты, монография Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамовой «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок» представляет собой важный труд, дающий комплексное понимание политических и экономических явлений, происходящих в современном арабомусульманском мире. Принимая во внимание лёгкий язык и стиль изложения, данную книгу можно было бы рекомендовать и для использования в учебных целях.

Об авторе:

Ренат Ирикович Беккин – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор РАН ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН, 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. E-mail: bekkin@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Received: October 16, 2019.
Accepted: December 19, 2019

To Economists about Jihad

R.I. Bekkin
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-198-204

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Fituni L.L., Abramova I.O. Islam, Global Governance and the New World Order. Moscow: Iafr, 2018. 376 p.

The authors examine the role and place of Islam in international development and global governance in the context of pressing issues of inter-civilizational and inter-confessional interaction in the modern world, the challenges and threats that arise, including the problems of combating extremism and international terrorism. The authors focus on a comprehensive assessment and forecast of the development of the «Muslim segment» of the modern polycentric world, the conflict between the spatial expansion of traditional Islam and the neo-liberal world order, the «Arab spring» phenomenon, mass management technologies from various political forces, the danger of regional destabilization and threats to global security and the interests of Russia.

Key words: Islamic economy, new world order, Islamic state (IS), jihadism.

About the author:

Renat I. Bekkin – Dr. Sci. in Economics, PhD in Law, professor of the Russian Academy of Sciences; Leading Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001. E-mail: bekkin@mail.ru.

Conflict of interests:

Author declares the absence of conflict of interests.

References:

Garaev D. 2018. *Post-Soviet Jihadism*. PhD thesis. Amsterdam.

Bekkin R.I. 2013. Islamskoe ili musul'manskoe pravo? (k voprosu o pravovykh aspektakh islamskikh finansov) [Islamic or Muslim Law? (The Legal Aspects of Islamic finance)]. *Problemy sovremennoj ekonomiki*. 4(48). P. 429-430. (In Russian).

Zhdanov N.V. 1991. *Islamskaya konceptsiya miroponyadka: mezhdunarodno-pravovye, ekonomicheskie i gumanitarnye aspekty* [Islamic Concept of World Order. International Legal, Economic and Humanitarian Aspects]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian). 214 p.

Zhdanov N.V. 2003. *Islamskaya konceptsiya miroponyadka* [Islamic Concept of World Order]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 563 p. (In Russian).

Литература на русском языке:

Беккин Р.И. 2013. Исламское или мусульманское право? (к вопросу о правовых аспектах исламских финансов). *Проблемы современной экономики*. 4(48). С. 429-430.

Жданов Н.В. 1991. *Исламская концепция миропорядка: междунар. правовые, экон. и гуманит. аспекты*. Москва: Междунар. отношения. 214 с.

Жданов Н.В. 2003. *Исламская концепция миропорядка*. Москва: Междунар. отношения. 563 с.

Человек vs. технологии: дисимметрия финансового рынка

С.В. Рогачёв

Институт социально-политических исследований Российской академии наук

Рецензия на книгу: Миловидов В.Д. Симметрия заблуждений: факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции: монография / В.Д. Миловидов; предисл. М.Е. Фрадкова. Москва: Магистр, 2019. 336 с.

Ключевые слова: международные финансы, технологическая революция, большие данные, неопределённость финансового рынка, иррациональное поведение инвесторов, информационная асимметрия, симметрия заблуждений, экспоненциально масштабируемые события.

Современный мир пронизан технологиями. Любая сфера жизнедеятельности человека – экономическая, политическая, социальная, духовная – отмечена новыми формами и способами активности, которые существенно меняют подход личности к труду и досугу. Не является исключением и финансовый рынок, который в условиях интернационализации и технологизации приобретает принципиально новые характеристики, мало сравнимые с корректировками прежних времён. Это свойство современности в трудах многих учёных гипертрофируется вплоть до тотемизации, возведения в абсолют технологического фактора при оценке перспектив развития мировой экономики (Kurzweil 1999; Brian 2009). В результате такого подхода из цепи принятия решений вытесняется основной субъект финансовых отношений – человек с его страстями и желаниями, зачастую сиюминутными и мало поддающимися рационализации. Нивелируется тот факт, что, несмотря на все достижения технологической революции, экономика – это, прежде всего, деятельность людей.

Подобная противоречивость порождает растущую неопределённость финансового рынка, который развивается в дихотомии трансформаций, связанных с апробированием инновационных цифровых технологий, и с проявлениями многогранной, во многом инстинктивной человеческой природы.

УДК 336.113.11

Поступила в редакцию: 20.11.2019 г.

Принята к публикации: 10.12.2019 г.

Соответственно, в условиях дисимметричных, несоразмерных по сравнению с прежними временами изменений рыночной динамики, диктующей участникам финансовых отношений не только возможности, но и риски, перед экспертами возникает вопрос о выборе оптимальных стратегий поведения.

Указанные обстоятельства обуславливают высокую актуальность выхода в свет книги В.Д. Миловидова «Симметрия заблуждений: факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции» с точки зрения приращения научного знания в области теории и практики международных экономических отношений.

Рецензируемый труд характеризуется использованием обширной источниковой базы. Отправным пунктом своего исследования В.Д. Миловидов называет работу Адама Смита «Теория нравственных чувств», принципиально дополняющей его «Исследование о природе и причинах богатства народов» (Smith 2012). Большое внимание в монографии уделено и трудам американского антрополога Дэвида Гребера (Graeber 2011), осуществившего всесторонний анализ гуманитарных составляющих эволюции долговых отношений. Автор фокусируется на исследованиях таких современных авторов, как В. Смит, Э. Хадас, К. Ханн, Д. МакКлоски и пр. (Миловидов 2019: 44-53).

Учёный выводит исследование закономерностей развития финансовых отношений за пределы экономической теории – в область гуманитарной экономики. Примечательно, что гуманитарный подход к исследованию отраслевых экономических теорий только начинает зарождаться. Так называемый экономический гуманизм представляет собой совокупность теорий поведенческой экономики, экономической истории, философии, антропологии и психологии. Отрадно видеть среди первых исследователей гуманитарной экономики представителя российской науки.

По мнению В.Д. Миловидова, в финансовых отношениях рельефно проявляется иррациональность поведения экономических субъектов. Соответственно, особое внимание в монографии уделено анализу поведенческих особенностей участников финансового рынка (финансовых посредников, институтов и пользователей финансовых услуг), а также проблеме преодоления асимметрии информации в сфере международных финансов. В этой парадигме исследованы и основные факторы неопределённости финансового рынка (Миловидов 2019: 42-74). Отметим, что проблема рисков в развитии финансового рынка остаётся просторным полем для последующих изысканий как теоретического, так и эмпирического характера, нацеленных на «очеловечивание» финансовых отношений.

Использованная методика выгодно отличает рецензируемую монографию от ряда страдающих сухим «экономизмом» и мало применимых в практике инвестиционной деятельности исследований (Fama et al. 2005; Sharpe 2010). Вместе с тем, следует заметить, что, несмотря на обширность использованных автором источников, в книге всё же ощущается дефицит работ, выполненных в русле

гуманитарной экономики. Кроме того, усилению теоретической основы рецензируемой монографии способствовало бы более обширное привлечение трудов нобелевских лауреатов из области теории поведенческой экономики, в частности, Джорджа Акерлофа и Роберта Шиллера (Акерлоф, Шиллер 2010), Ричарда Талера и Касса Санстейна (Thaler et al. 2008) и пр.

Особого внимания читателя заслуживает ключевая концепция «симметрии заблуждений», предложенная В.Д. Миловидовым. Привлекая результаты исследований в области социологии и психологии, автор демонстрирует, что укоренённую в обществе или внутри конкретных социальных групп ложную убеждённость – «симметрию заблуждений» – крайне сложно выявить. Люди склонны объяснять явления и факты, исходя из своей убеждённости (даже если она ложная), и игнорировать иные варианты объяснений. В.Д. Миловидов обращается к феномену «агрессивного пренебрежения», который он связывает со стремлением массового и индивидуального сознания отвергать любое несогласие с ним. «Агрессивное пренебрежение» альтернативной информацией в условиях технологизации и интернационализации финансового рынка во многом обуславливает состояние «симметрии заблуждений», вводит человека в своего рода слепую зону, когда принятие обдуманного, верного решения становится маловероятным. Кроме того, в условиях цифровизации, характеризующейся ускоренным распространением нередко ложных новостей, повышается значимость фактора объективности информации. В.Д. Миловидов рассматривает «симметрию заблуждений» как явление, способное провоцировать финансовый кризис (Миловидов 2019: 79-86).

Убедительна интерпретационная база, использованная учёным для анализа явлений и процессов, связанных с фактором иррациональности участников финансового рынка. Она обусловлена сущностью природы человека: его эмоциональностью, склонностью принимать желаемое за действительное, ограниченной способностью перерабатывать информацию и пр. К числу следствий «симметрии заблуждений» можно отнести предвзятый поиск информации, особенности процессов запоминания, специфику толкования и пр. Сверх того, в условиях неопределённости инвесторы подвержены когнитивным искажениям подчинённого порядка: «поляризации взглядов» (*attitude polarization*) – разногласия становятся сильнее, даже если сторонам были представлены одни и те же свидетельства (Kuhn et al. 1996: 115–120); «стойкости убеждения» (*belief perseverance*) – мнение сохраняется, даже если поддерживающие его свидетельства опровергнуты (Nickerson et al. 1998: 175–220); «первичности информации» (*primacy effect*) – склонности отдавать предпочтение информации, полученной первой (Baron 2007); «иллюзорности корреляции» (*illusory correlation*) – склонности видеть взаимосвязь между явлениями или ситуациями там, где её нет (Fine 2006) и пр.

Приведённые в монографии аргументы из области гуманитарной экономики могут быть применимы для научного анализа проблем, присутствующих не

только в области международных финансов, но и в других сферах, связанных с форсированным внедрением инновационных технологий. По сути, речь идёт об управляемом создании в культуре, политике, экономике, вплоть до сегмента «субкультур, живущих по своим собственным правилам», в рамках которых привнесённые образцы поведения копируются или имитируются другими участниками, но лишь до тех пор, пока они сами не становятся мейнстримом (своего рода «болезнь роста») (Миловидов 2013). В данном контексте целесообразно исследовать развивающиеся под воздействием искусственного интеллекта процессы взаимодействия пользователей социальных сетей.

Работы отечественных учёных в указанной области свидетельствуют, что активное внедрение в информационно-коммуникационные процессы технологий анализа больших данных (*big data*) предоставляет каждому пользователю соответствующих интернет-сервисов возможность создания персонализированной новостной ленты, основанной на предпочтениях и сетевой активности личности. Человек оказывается в своеобразном «информационном пузыре» (*filter bubble*), изолирующем его от нарушающих гармонию индивидуальной картины мира информационных раздражителей. Аналогичные процессы происходят в результате технологизации финансового рынка. Адресаты подобных систем – люди, склонные по своей природе отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с их точкой зрения или гипотезой (*confirmation bias*), особенно если это касается эмоционально значимых для личности вопросов или глубоких убеждений. Симметрия заблуждений – распространенное явление среди пользователей социальных сетей (Рогачёв и др. 2020).

При анализе современной сферы международных финансов В.Д. Миловидов не пренебрегает изучением последствий технологизации финансового рынка. Видно, что автор свободно пользуется методами эконометрики, статистического анализа, аналитической группировки, сопоставления динамических рядов, элементами экономико-математического моделирования и пр. Результаты, полученные благодаря этому научному инструментарию, он успешно дополняет эмпирическими данными международной финансовой статистики (Всемирного банка, Международного валютного фонда, Совета финансовой стабильности, Всемирного экономического форума и пр.), а также экспертными оценками, что способствует ясности и взвешенности формулировок итоговых выводов.

В.Д. Миловидов демонстрирует потенциал применения инновационных методов к исследованию явлений и процессов, протекающих на финансовом рынке. Например, полноценный анализ состояния финансовой сферы посредством интернет-ресурса «Гугл Тренды», который взял на себя смелость предпринять учёный, является одним из первых среди современных исследований. Это повышает интерес к работе, но одновременно усиливает риски репрезентативности и валидности полученных результатов применительно к тем странам, где упомянутая поисковая система не играет доминирующей роли – например, к Китаю. Следует констатировать, что научный инструментарий подобного рода

исследований подлежит дальнейшей разработке и научной апробации. Вместе с тем, используя инновационные методики, автор развивает экономическую науку – применение потенциала больших данных для анализа явлений и процессов финансового рынка, сильно подверженного рискам и неопределённости в условиях набирающей силу технологической революции, имеет большие перспективы, прежде всего по части прогнозирования.

Как отмечает В.Д. Миловидов, существующие технологии роботизации финансовых операций и обработки больших массивов данных, дематериализация используемых на финансовых рынках инструментов не только существенно ускорили проведение финансовых операций, но также привели к смене рыночных тенденций. По собственному опыту автор свидетельствует, что такие технологические новшества во многом изменили подходы к регулированию финансового рынка. Использование цифровых технологий, улучшая информированность инвесторов, одновременно способствует стабилизации рыночной динамики (Миловидов 2019: 269–298).

Представляется, однако, что приведённые автором в этой части работы аргументы не столь однозначны. В частности, нивелируется то обстоятельство, что стремительная мимикрия цифровых технологий ускоряет динамику процессов на финансовом рынке, что отнюдь не снижает его неопределённость. Кроме того, такой ракурс анализа не всегда учитывает инвесторов-новичков как участников финансовых отношений, а также инвесторов, мало знакомых с последними достижениями технологической революции, при том что количественный состав обеих указанных категорий достаточно велик (Миловидов 2019: 299).

Таким образом, в научном труде существует противоречие между стремлениями автора остаться в рамках гуманитарного подхода – с одной стороны, и продемонстрировать потенциал современных инноваций – с другой. В своих более ранних работах В.Д. Миловидов, не оспаривая возможность создания благодаря развитию технологий на базе искусственного интеллекта цифровой экономики, поднимал вопрос о «бесконфликтности и надёжности» такой системы. Учёный последовательно отстаивает позицию многие годы, в соответствии с которой искусственный интеллект способен решить ряд задач в сфере повышения уровня благосостояния общества, но необоснованное «очеловечение» искусственного интеллекта может дискредитировать саму целесообразность его появления. (Миловидов 2017: 171-189). Безусловно, можно согласиться с автором в том, что последние инновационные достижения вряд ли позволят исключить субъективный фактор в процессе принятия решений инвесторами. Это обусловлено тем обстоятельством, что даже в условиях технологизации и интеллектуализации финансовых операций многими участниками финансовых отношений движет, как и прежде, любопытство, азарт и/или алчность.

Для повышения информированности инвесторов и преодоления негативных последствий неопределённости финансового рынка В.Д. Миловидов вы-

двигает концепцию экспоненциально масштабируемых событий (*exponentially scalable events*). Отправной её точкой выступает представление о том, что иррациональная составляющая финансовых отношений проявляется наиболее остро в моменты риска и опасности. Автор предлагает использовать в качестве «сигналов-причин» экспоненциально масштабируемые события. Такие события должны обладать по меньшей мере тремя свойствами: 1) оказывать влияние на состояние среды, в которой они возникают, например, воздействовать на поведение людей (*to impact*); 2) нести в себе зародыши будущих событий, т.е. предполагать последствия (*to cause*); 3) быть масштабируемыми, т.е. порождать цепочку изменений, в которой каждое последующее событие усиливает действие предыдущего (*to scale effect*) (Миловидов 2019: 167). Применяя большой массив эмпирических данных, автор доказывает, что масштабируемость событий есть результат информационной асимметрии мирового финансового рынка, а также снижения эффективности финансового посредничества.

Научная и практическая ценность разработанной В.Д. Миловидовым концепции заключается в том, что она объясняет влияние на мировой финансовый рынок случайных явлений, не попадающих сферу внимания рыночных игроков. Представляется, однако, что автор слишком категоричен в своём тезисе о необходимости серьёзной корректировки общепринятого представления о рациональности инвестиционного выбора участников финансовых отношений (Миловидов 2019: 193). При этом далее В.Д. Миловидов подводит читателя к выводу о том, что инвестору не стоит дожидаться наступления экспоненциально масштабируемых событий. Рациональное поведение заключается в том, чтобы настроиться на поиск и идентификацию таких событий, отслеживая незначительные факты, которые выделяются своей необычностью по времени, форме, масштабам и другим характеристикам (Миловидов 2019: 16).

Представляется убедительным итоговый вывод автора, согласно которому на современном этапе всем участникам финансовых отношений необходимо совершенствовать работу с информацией, создавать центры компетенций, позволяющие своевременно проводить экспертизу информации, минимизировать субъективный фактор в процессе принятия решений. Как констатирует В.Д. Миловидов, «во главе угла принятия решений должно стать управление информацией, как средой, обеспечивающей знания» (Миловидов 2019: 176).

Книга «Симметрия заблуждений: факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции» станет подспорьем для специалистов в области финансового рынка, индивидуальных и институциональных инвесторов, органов власти и управления, в чью компетенцию входят вопросы рыночного регулирования. В ней обобщены итоги многолетних исследований и большого личного опыта участия в разработке норм, обеспечивших устойчивое функционирование российского финансового рынка в один из наиболее сложных периодов. Неоценимый интерес для практиков представляют высказанные В.Д. Миловидовым рекомендации в области принятия инвестиционных

решений, опираясь на возможности цифровизации и интеллектуализации финансовых операций. Авторская концепция, объясняющая колебания рыночной конъюнктуры использованием рыночными игроками при принятии инвестиционных решений малозначимой непроверенной информации, вносит существенный вклад в теоретический фундамент функционирования мирового финансового рынка.

Охват рассматриваемого научного труда существенно шире сферы международных финансов: в нём присутствуют многочисленные примеры из художественной литературы, глубокие философские рассуждения, богатый эмпирический материал, накопленный психологией и социологией, а также опыт политической деятельности автора. Это, бесспорно, украшает монографию.

Работа «Симметрия заблуждений: факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции» не идеальна. В ней нет экономической равновесности, статичности, и, возможно, логической завершённости, но именно это и привлекает внимание читателя. В монографии высвечивается отличная от сухой рациональности современного мира жизненная философия самого автора – с его нравственными принципами, чувством долга и ответственности, стремлением к познанию нового, чуткостью. Авторский стиль изложения создаёт острый эмоциональный эффект, но он требует высокого мастерства и чувства меры, которые, безусловно, присущи В.Д. Миловидову.

Выдающийся труд В.Д. Миловидова, несомненно, достоин занять место на полке классиков экономической науки. Первым шагом к этому стало присуждение автору общественной премии Вольного экономического общества России «Экономическая книга года – 2019».

Об авторе:

Сергей Владимирович Рогачёв – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук. 119333, Российская Федерация, Москва, Фотиевой ул., 6. E-mail: rogachev333@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: November 20, 2019
Accepted: December 10, 2019

Human vs. Technologies: Dissymmetry of Financial Market

S.V. Rogachev
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-205-213

Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Review of the book by Milovidov V. D. Symmetry of delusions. Uncertainty factors of the global financial market under the technological revolution. Moscow, Magistr, 2019. 336 p. (In Russian).

Key words: international finance, technological revolution, big data, uncertainty of financial market, irrational investor's behavior, information asymmetry, symmetry of delusions, exponentially scalable events.

About the author:

Sergey V. Rogachev – DSc (Economics), Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, build. 6, Fotievoi str., Moscow 119333, Russian Federation.
E-mail: rogachev333@mail.ru.

Conflict of interests:

Author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Baron Jn. 2007. *Thinking and deciding*. Cambridge University Press. 600 p.
- Fine C. 2006. *A Mind of its Own: how your brain distorts and deceives*. Icon books. 243 p.
- Brian A.W. 2009. *The Nature of Technology: What it is and How it Evolves*. The Free Press and Penguin Books. 256 p.
- Fama E.F., French K.R. 2005. Financing decisions: who issues stock? *Journal of Financial Economics*. 76(3). P. 549-582.
- Graeber D. 2011. *Debt: The first 5000 years*. Brooklyn, New York: Melville House. 534 p.
- Kuhn D., Lao J. 1996. Effects of Evidence on Attitudes: Is Polarization the Norm? *Psychological Science*. №7. P. 115-120.
- Kurzweil R. 1999. *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence*. New York: Penguin Books. 388 p.
- Nickerson R., Salovey P. 1998. Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises. *Review of General Psychology*. №2. P. 175-220.
- Sharpe W.F. 2010. Adaptive asset allocation policies. *Financial Analysts Journal*. 66(3). P. 45-59.
- Smith V.L. 2012. Adam Smith on humanomic behavior. *The Journal of behavioral finance & economics*. 2(1). P. 1-20.
- Thaler R., Sunstein C. 2008. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Yale University Press. 312 p.

Akerlof Dzh., Shiller R. 2010. *Spiritus Animalis, ili Kak chelovecheskaya psikhologiya upravlyayet ekonomikoy i pochemu eto vazhno dlya pochemu eto vazhno dlya mirovogo kapitalizma* [Animal Spirits. How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism]. Moscow. 273 p. (in Russian)

Milovidov V.D. 2013. *Filosofiya finansovogo rynka* [Philosophy of Financial Market]. Moscow: Magistr. 270 p. (In Russian).

Milovidov V.D. 2017. Korporativnoye upravleniye 2.0: evolyutsiya sistemy korporativnykh otnosheniy v informatsionnom obshchestve [Corporate Governance 2.0: Corporate Relations' Evolution in the Information Society]. *Problemy natsionalnoy strategii*. 4(43). P. 171–189. (In Russian).

Milovidov V.D. 2019. *Simmetriya zabluzhdeniy: faktory neopredelennosti finansovogo rynka v usloviyakh tekhnologicheskoy revolyutsii* [Symmetry of Delusions. Uncertainty Factors of the Global Financial Market under the Technological Revolution]. V.D. Milovidov; predisl. M.E. Fradkov. Moscow: Magistr. 336 p. (In Russian).

Rogachev S.V., Vilovatykh A.V. 2020. Sotsialnyye dvizheniya v epokhu postpravdy [Social Movements under the Post-truth Era]. *Problemy natsionalnoy strategii*. 1(58). (In Russian).

Литература на русском языке:

Акерлоф Дж., Шиллер Р. 2010. *Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма*. Дж. Акерлоф, Р. Шиллер; пер. с англ. Д. Прияткина; под научн. ред. А. Суворова; вступ. ст. С. Гуриева. Москва: ООО «Юнайтед Пресс». 273 с.

Миловидов В.Д. 2013. *Философия финансового рынка*. Москва: Магистр. 270 с.

Миловидов В.Д. 2017. Корпоративное управление 2.0: эволюция системы корпоративных отношений в информационном обществе. *Проблемы национальной стратегии*. 4(43). С. 171–189.

Миловидов В.Д. 2019. *Симметрия заблуждений: факторы неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции*. Владимир Миловидов; предисл. М.Е. Фрадкова. Москва: Магистр. 336 с.

Рогачёв С.В., Вилловых А.В. 2020. Социальные движения в эпоху постправды. *Проблемы национальной стратегии*. 1(58).

Research of the Technological Future's Uncertainty

J. Kovalchuk, I. Stepnov

Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow Aviation Institute (National Research University)

Review of the books: Franklin D. Megatech: Technology and Society: 2050 in the Forecasts of Scientists and Writers. Moscow, Bombora, 2018. 400 p. (in Russian)
Leonhard G. Technology vs. Humanity: The Coming Clash between Man and Machine. Moscow, Publishing house AST, 2018. 260 p. (in Russian)

Keywords: digital economy, technological breakthrough, technologies of the future, virtual reality, Moore's law, artificial intelligence, humanism, risks.

Predicting the technologies which will be available in the near future is an extremely popular activity, as the development of mankind is undeniably associated with technological achievements: the first fire, the wheel, the steam engine, electricity, the laser, personal computers, the Internet, robotics... This list can be continued indefinitely, especially at a time when the foundations of human life are undergoing a technological transformation, called «universal digitalization».

These changes do not happen simply, and happen very quickly (science-fiction writers have even proposed calling this period «accelerando» (ital. *accelerando*), a musical term indicating the gradual acceleration of the musical work's tempo, especially at its end (Stross 2005), and compare its importance with the industrial revolution of the middle of the 18th century); evidence of this is, for example, the spread of the Internet – 30 years after its appearance¹ it is used by more than 50% of the world's population, and over the past 5 years the number of users has increased by 75% to almost 2 billion people who make online purchases, book hotels and plane tickets, etc. According to the International Telecommunication Union², it took 16 years to reach the first billion

УДК: 327.8

Received: August 1, 2019

Accepted: October 8, 2019

¹ The Birth of the Web. CERN. Available at: <https://home.cern/science/computing/birth-web>

² Statistics. International Telecommunication Union (ITU). Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx> (accessed 22.12.2019)

Internet users. The second billion joined the network in just 6 years. Today, the Internet is growing at a rate of 1 billion new users in 2.7 years.

It is not the Internet alone, however, that can characterize the impact of technology on society and the economy. In their most precise essence, technologies should be considered through the original Greek term «*techne*», which means «revealing the true in the beautiful» and refers to the improvement of the skills of artisans and artists with the help of appropriate tools (Barrat 2013). Technology has always played a catalytic role in the socio-economic development of countries – as it did in the distant past, and so, obviously, will do in the future. Theoretically, this is proved through the concept of long waves by N. Kondratiev, macroeconomic model by R. Solow, technological structures by S. Glazyev, and others. In 2018 the Nobel Prize in Economics was awarded to P. Romer for macroeconomic research on the impact of technological innovations on long-term economic growth and research, as economic solutions and market conditions determine the development of new technologies, and the willingness of firms to create new ideas and innovations draws the attention of the scientific community to the problems of finding incentives for technological breakthroughs. Therefore, in modern conditions, the competitiveness of countries is actually determined by their technological leadership (it is very useful here to recall the phrase of former Israeli President Peres: «... now the economy is more based on science and technology. There is practically no value either in the territories or in the borders...»³), and, accordingly, each country's task of seeing the technological future for its economic growth is important and urgent.

What will these technologies of the future be like? Consider two books that, over the past two years, have provoked another wave of discussions about the development of science and technology.

The first book «Megatech: Technology, and Society in 2050 in the Projections of Scientists and Writers» (hereinafter «Megatech») was written by the editor of «The Economist» Daniel Franklin, from projections made by the world's leading scientists, Nobel laureates, and writers. This is not his first work in this direction – in 2012 he published the book «The World in 2050» («Megachange: the World in 2050», 332 pages) in the format of an overview of global trends in areas such as demography, health, culture, economy, etc. It is obvious, however, that the identified trends and technology were a significant impacted, thanks to which the idea of a new book emerged, focusing on the technologies of the future.

The second book «Technology vs. Humanity: The Coming Clash between Man and Machine» was written by Gerd Leonard, a Swiss futurist and one of the best European experts on technology publications such as the New York Times, Guardian, Forbes, Business Insider. In this book, the author shares his thoughts on the subject of uncontrolled use of innovations, and what harm they can bring to society.

³ Peres Sh. Reversal. Interview, 06 September 2006. Available at: <https://echo.msk.ru/programs/razvorot/45992/> (accessed 22.12.2019) (In Russian).

The comparison of these two books makes it possible to distinguish two opposing views on the prospects of mankind: the first takes an optimistic view on the technological future, whilst the second considers the future of mankind from various, less optimistic standpoints, such as the need and humanity of technological development, and the human right for privacy in the modern world's digital society.

In any case, technology should serve humanity, but over many years technology and humanity may be further transformed. Therefore, in order to more objectively evaluate these two books, we consider the main tasks and problems posed in them.

The logic of «Megatech» is built around Moore's law and its limitations in modern reality – this is most detailed in section 4 «Beyond Moore's law» (author T. Cross). G. Moore, one of the founders of Intel, revealed a pattern occurring since 1965 (6 years after the invention of the integrated circuit): the number of transistors placed on the chip doubles every 2 years, and on the processor power every 1.5 years. Now that the chips are microscopic in size and their further miniaturization becomes extremely easy to do, Moore (Moore 2003) and other experts agree that Moore's law will no longer work. «Since the launch of the microprocessor 4004 in 1971, until mid-2016, 22 cycles of Moore's law were passed. Until 2050, 17 cycles are still supposed to happen. And in the last of them, experts will have to figure out how to assemble computers from components smaller than a hydrogen atom – the smallest of the existing natural elements. That, as far as we know, is impossible» (p. 87). At the same time, it is true that even if Moore's law will not work, the improvement of computer technology and everything connected with it will not be stopped – in 2050 a computer will consist of tiny chips, whilst all living and inanimate beings will be chipped to create systems of communication linking people and machines and creating the ability to process huge amounts of information data. The Google Technical Director R. Kurzweil predicts, more extremely, that in 2025 computers will surpass the computing power of the human brain, and in 2050 a single computer will surpass the thinking power of all people combined⁴.

Data (or information) are considered in «Megatech» as «fuel» (p. 233) of new technological developments, which will be improved by 2050, as it was in the 19th century with a steam engine, in the 20th century with electricity and oil (although it should be noted that information is not yet knowledge!). Therefore, in addition to the development of computer technology, Megatech also considers artificial intelligence (section 5 «Technology generations: the past as a prologue», author E. Winblad) with the example of Uber, the company created in 2009 which became an innovator in the creation of a digital platform for taxi orders and generator of income for drivers. Uber, according to the author, is a company «working with big data» (p. 112), when a potential customer uses a multi-core smartphone with geolocation and a payment system, and the driver can adjust the route based on the linear data or the transport situation,

⁴ Kurzweil Raymond. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Курцвейл,_Рэймонд#Ссылки (accessed 22.12.2019) (In Russian).

so artificial intelligence has benefited the company, improving business and attracting new customers by regulating supply and assessing market demand for the price of the trip.

However, it is difficult to agree with this mere conclusion – the real problem of this company is high costs (up to 58% of the trip price⁵) for drivers, and the task is an objective desire to reduce them and make a profit, as the company suffers losses – about \$3 billion in 2018⁶. Therefore, despite competition (among major automakers such as Volkswagen, General Motors, Jaguar Land Rover, Toyota, Audi, BMW, etc., and also the IT giants Google and Apple), Uber is involved in the design of a new market for self-driving taxis (i.e. actually unmanned vehicles), for which an IPO (eng. Initial Public Offering – initial public offering) was held on May 9, 2019 on the NYSE, which was among the three largest in the history of the US stock market (following Facebook in 2012 and Alibaba in 2014)⁷.

In general, modern companies are faced with a set of tasks: a) the classic need to reduce operating costs (for example, drivers require higher tariffs, reduce service fees by 15-25%, and increase wages on weekends and holidays); b) the creation of a reserve for the future, providing competitive advantages – these guaranteed a successful future via new technologies and equipment. Unmanned vehicles, according to the Boston Consulting Group (BCG)⁸, in a few decades will allow humanity to reduce the accident rate by 70% and save about \$ 1 trillion, but they also have significant drawbacks: first, purely technical – the reliability of the software and the model of the behavior of the machine in the inevitable collision; second, legal – liability for damage. It is hard to explain why, in «Megatech», there is no mention of these problems.

It should be noted that the book «Megatech» is too optimistic – most likely, its results are provided by the targeted selection of technologies for consideration, which is not justified, not focused on the future, and is limited only to the already become a common set of modern technologies (biotechnology, artificial intelligence, virtual reality, unmanned vehicles, renewable energy sources, etc.). This approach becomes a significant drawback of the book; due to this it is inferior, for example, to the list of technologies presented in the book of the President of the World Economic Forum, K. Schwab's «Technologies of the fourth industrial revolution» (Schwab, Davis 2018), where the main technological drivers of new industrial development are systematized: a) digital technologies (new computing technologies, blockchain and distributed Ledger technologies, Internet of Things); b) technologies for transforming the physi-

⁵ Aryanova T. Why Uber suffers billions of dollars in losses. Available at: <https://ru.insider.pro/investment/2017-01-10/pochemu-uber-terpit-mnogomilliardnye-ubytki/> (accessed 22.12.2019) (In Russian).

⁶ Uber has compared its output to the stock exchange for the IPO of Google and Facebook. Oh, nothing. RBC: Economics of innovation. Available at: <https://quote.rbc.ru/news/article/5ce24b7a9a794782789fe44c> (accessed 22.12.2019) (In Russian).

⁷ Uber held an IPO with an estimate of \$82 billion – one and a half times lower than forecasts. Available at: <https://rb.ru/news/uber-ipo/> (accessed 22.12.2019) (In Russian).

⁸ Unmanned vehicles. Market conditions, trends and prospects. Internet of Things News. Available at: <https://iot.ru/transportnaya-telematika/bespilotnye-avtomobili-sostoyanie-rynka-trendy-i-perspektivy-razvitiya> (accessed 22.12.2019) (In Russian).

cal world (artificial intelligence and robots, advanced materials, additive manufacturing and multidimensional printing); c) technologies for human change (biotechnology, neurotechnology, virtual and augmented reality); d) technologies for integrating the environment (generation, accumulation and transfer of energy, geo-engineering, space technologies). Despite the above drawback, it is necessary to specify that in «Megatech» there is a section devoted to military technology (section 13). It is obvious that technology penetrates not only into society, but also was a tool of speculative manipulation and almost always a trend of success in conquests that today have gone from territorial to global – this is expressed not only in new developments of weapons and military equipment, but also in the emergence of digital wars that use «digital weapons» suppression of the best human qualities.

An overview of the technologies in the «Megatech» is presented in a sequel, focusing on evolutions in the field as were known at that moment of time, without attempting to identify a potential future that allows the cementing of the conclusion that the first book («Megatech») did not fully correspond to loudly enough about the future because in most of the sections a summary of the trends of the present time is presented, as opposed to over 30 years. The most striking example is Virtual Reality Technologies presented in Chapter 12 «Personal technologies become really personal» (author L. Mirani). According to the author, in 2050 there will be a «giant leap forward» when «virtual and augmented reality will merge so that the transition between them will become invisible... Over time, the technology is getting closer to our bodies – eventually it will find a way to get inside them. Start putting in contact lenses. The technology associated with them already exists, however, so far it is only in rudimentary form. But in 2016, Samsung applied for a patent for smart contact lenses. They are very close to such a simple operation as replacing the lens of the eye with its technologically more advanced version» (p. 212). It should be noted that a breakthrough in virtual reality (VR) was predicted in the 1980s, but then the technology was quite expensive and primitive. VR is a computer simulation of a certain space in which a person-user is immersed through the impact on the receptors (vision, hearing, smell, tactility) by means of VR-devices (helmet, various motion sensors and controllers). At the same time, if VR implies a complete replacement of what the user sees in front of them, then augmented reality (AR) integrates virtual models into the real world (for example, a mega-popular Pokemon Go Game, or the makeup application Makeup Genius from L'Oreal). The first VR-machine «Sensorama», created in 1962, allowed people to watch movies, whilst smelling or feeling. Next, the flight simulator Super Cockpit was developed, a Data Glove glove equipped with sensors that tracks the movement of the hand and implements the functions of a controller for controlling computers and video games, and later used in tele-surgery. The most famous VR device was the helmet, but its main drawbacks were the narrow field of view and high cost (about \$60-70 thousand). After its leading developers faced bankruptcy (in the mid-1990s), VR was forgotten for about 20 years, and now it is experiencing a new wave of popularity, but not effectiveness – the mass introduction of this technology has not been reached.

The reason, as before, lies in the design features of VR devices and the complexity of virtual content.

The scope of VR-technologies mentioned in the book «Megatech» is quite limited, but today there is a real revival of this business trend: 1) the angle of view has been expanded to 110°; 2) the cost of the helmet with its necessary equipment is about \$ 800 from market leaders PlayStation VR, \$ 1376 from Oculus Rift ; Goldman Sachs analysts, for example, predict its decline in the next few years⁹; 3) more widespread VR accounts for media formats (video games, TV broadcasting, training, training), but there are already successful results in other areas: industry (3D-modeling, prototyping, technological training), marketing (collection of a set of goods, interior design, service), medicine (simulators for training doctors, rehabilitation of patients, abandonment of bad habits), services (selection of objects for the purchase or lease of real estate), criminology (reconstruction of crime scenes), etc. However, it should also be noted that experts seriously consider the effects of «digiaphrenia» (Rushkoff 2013) as a mental disorder, when technology forces a person to be in more than one place at the same time, and of the «Faust transaction», when a person actually sells his personal data in exchange for free use of social networks.

Why, according to Stendage (one of the authors, of section 1 «Set of Tools for Predicting the Future»), did the authors of «Megatech» not more constructively assess the prospects for developing these selected technologies, but limited themselves only to four promising areas: virtual reality, unmanned vehicles, private space and genetic engineering? This approach itself is rather controversial: «tips can be found in the laws of the past, in the «extreme cases» of the present, and in various versions of the «imaginary future» of science fiction» (p. 11). To assess the past in private space or unmanned vehicles is, however, quite difficult – there is no past, but the present. As stated in the title of the book, forecasts, obviously, do not have the full signs of reliability and verifiability.

Given that the authors of «Megatech» make predictions far ahead, in our opinion it would be necessary to assess the technologies that are still in the design stage and their result is not yet defined; the UK academics at Imperial Tech Foresight did and presented this in 2018 as the periodic table of breakthrough technologies¹⁰, by analogy with the Mendeleev's table, where 100 elements were equal to 100 breakthrough technologies of the future, distributed into four color categories depending on the probability of their implementation:

– 16 green elements – technologies that are currently being implemented or will soon be available (cryptocurrencies, autonomous cars, solar energy, artificial meat, wireless power transmission, etc.);

⁹ Virtual reality. How VR is used in business and media. Available at: https://blog.dti.team/virtualnaya-realnost/?utm_source=telegram&utm_medium=social (accessed 22.12.2019) (In Russian)

¹⁰ Wilson J. From the future of food to workplace AI: exploring tech that will shape future. Available at: <http://www.imperial.ac.uk/news/186688/from-future-food-workplace-ai-exploring/> (accessed 22.12.2019).

- 33 yellow elements – technologies (actually experimental developments) with potential distribution in the next 10-20 years (unmanned vehicles, water extraction from air, smart dust, 3D printing of human organs, etc.);
- 32 red elements – technologies that exist conceptually and the introduction of which will be no earlier than 20 years (four-dimensional materials, implant phones, colonization of other planets, combat robots with artificial intelligence, etc.);
- 19 gray elements – technology, theoretically feasible, with a low probability of embodiment (head transplant, space elevator, etc.)¹¹.

The second peer-reviewed book «Technologies vs. Humanity» is entirely devoted to assessing the risks that present and future technological changes may present not only on man, but also on human nature, which also requires predictions of future technologies.

G. Leonghard notes that «technology will trigger such mega-exploits that will work together and can change not only the economy, culture and society, but also our nature and morality» (p. 12) and that «finally we have reached a point where human-centered policies and standards, digital ethics, social contracts, and global agreements on the humanization of these exponential technologies will be as important as treaties on the non-proliferation of nuclear weapons» (Chapter 12).

In contrast to «Megatech», the second book seems to be based on more pessimistic and less technologically-focused ideas, and presents a more comprehensive and interesting comparison of the technologies of today and tomorrow, which the author defines as exponential (in accordance with the action of the abovementioned Moore's Law), with combinatorial effects when changes are mutually reinforcing and develop according to the principle of «gradually, and then immediately»: «Gradually we will begin to notice faint omens of great opportunity or great threat. And then they either suddenly disappear, or they stay here, now and on a much larger scale than we thought. Solar energy, unmanned vehicles, digital currency, blockchain – it took a very long time for their development, but here they are, experiencing a huge rise. History teaches us that those who adapt too slowly or fail to foresee danger will have to bear the consequences» (p. 33). However, the author notes that while 90% of technologies bring positive results (for example, new technologies in solar batteries allow alternative energy to develop, and the Internet of Things contributes to the emergence of smart homes, smart cities, smart factories). However, it must be remembered that about 10% of the risk and that the development of mankind and technology is now at the point of bifurcation, and it is important not to lose the chances to influence the future of mankind.

Of course, engineers are more pragmatic in relation to technology than humanitarians. After all, in the 16th century, Rene Descartes initiated the identification of animals with machinery, and then the man began to be seen as a complex system – a de-

¹¹ Imperial College London. Table of Disruptive Technologies. Available at: <https://www.imperial.ac.uk/media/imperial-college/administration-and-support-services/enterprise-office/public/Table-of-Disruptive-Technologies.pdf> (accessed 22.12.2019).

vice that can be repaired (and even reproduce). In his interview, Leonghard also notes different interpretations of the concept of human development around the world: for example, Americans consider any problem purely technically and look for solutions to circumvent nature; Europeans understand that success in health care and life extension alone is not enough – a sense of happiness is needed; and the Chinese need state management of these processes¹². Therefore, the author of the book as a whole comes to the conclusion that «technology is not evil or good, they just are. It is up to us to determine, here and now, how technology can be used for good and how to avoid its use for evil» (p. 118).

Leonghard persistently promotes the idea of digital ethics in the book (Chapter 10): «technology has no ethics, but humanity depends on them». In his opinion, which is difficult to disagree with, human ethics develop linearly in contrast to technologies that develop exponentially, and a society with unlimited powers of technological progress without ethics is doomed. Therefore, now, in the period of a boom in active investment in artificial intelligence technology, it is necessary to approach the problem of trained machines very seriously, so that people do not become useless, slow, or lazy without technology. On the other hand, the author emphasizes that machines, even if they learn to read, reproduce and understand human morality, are unlikely to be able to show empathy and have an identity: «Theoretically, they will be able to learn to behave like people. However, simulation is not the same as duplication, mediated reality is not reality itself» (p. 41).

In Leonghard's book there are several completely innovative provisions that can initiate new directions in science and practice; for example:

- definitions of megachanges in society as a results of the collision of man and machine, which includes 10 areas: the transition to digital and mobile devices, scarification, elimination of intermediaries, automation, virtualization, robotics, digital predictors;
- the introduction of the term «digital obesity» (Chapter 7), denoting a new pandemic, the essence of which is «overeating technology», which clearly reflects the reality of the binding of modern man to the already widespread info-communication technologies and mobile devices;
- the manifestation of exponential humanism, which will allow people to «accept the development of technology, but not to become them, and use them as a means, not as a goal» (p. 34). Therefore, it is necessary to invest not only in technological development, but also in the person himself;
- objective expediency of inclusion in Maslow's Pyramid of Needs at the level of basic needs, along with food, housing, mobile devices and Wi-Fi;
- the emergence of the smartphone as the second brain of the person.

¹² G. Leonghard – RBC: «In 10 years, all programmers will be unemployed.» Interview. Available at: <https://www.e-vid.ru/nauka-i-tehnika/180519/gerd-leongard-rbk-cherez-10-let-vse-programmisty-stanut-bezrobotnymi> (accessed 22.12.2019) (In Russian).

Leonghard also pays attention to the socio-economic problems associated with technological development - namely: the disappearance of 50% of existing professions in the digital economy, the already proven decline in employment due to automation increasingly penetrating into production processes and services, and the uncertainty about 70% of the professions in demand in the future - which makes his book a complete and comprehensive study of the impact of modern technologies on humans.

A common drawback of the books is the lack of forecasts about the economic structure of the future, as well as the lack of economic estimates of the future. Part of these estimates are given in section 6 «the Great Dispute about Innovation» (R. Avent) in the book «Megatech», which refers to the research of R. Gordon (Gordon 2016) on the past and future growth of production efficiency in the United States. Thus, «electricity, cars, sewage and modern medicine have led to a rapid increase in productivity. But today, despite the spread of the Internet, smartphones, apps and bots, productivity and wages are growing at a disappointingly slow pace. In any case, the development of technology contributes to inequality and creates frustration» (p. 14). However, despite such pessimistic conclusions, practice shows the growth of indicators characterizing the efficiency of business in the new digital era (presented in section 5 «Generation of Technologies: the Past as a Prologue», author E. Winblad): when it reached its revenue of \$1 billion, Microsoft (founded in 1975) was 15 years old, Google (founded in 1998) 5 years (and for 15 years its revenue exceeded \$50 billion), and Facebook (founded in 2004) was 4 years old. The first company to overcome the mark of \$1 trillion capitalization was Apple (August 2018), and then Google Inc. (formerly Google).

In this regard, the authors' conclusions about the driving economic forces behind technology are very interesting. For example, «Megatech» notes that capitalism encourages new ideas and is an integral part of technological development, as it contributes to the creation of new products and obtaining a surplus. On the contrary, Leonghard announces the abundance of “everything” that the new industrial revolution will bring, and further states that this will contribute to the collapse of classical capitalism and the emergence of a new “post-capitalism”. Open markets, not through an «invisible hand» but regulated by growth and profits, will inevitably exacerbate the problems between people and technology, «as the profits from the sale of the latter are estimated at trillions of dollars a year» (p. 33). And here, too, is the future, where technology plays a significant role.

In conclusion, we note that many publications on the subject of future technologies, as well as on the results of technological foresights, indicate a certain uncertainty about the future. As such this technology is the object of analysis not only in those areas of their application, but also in conjugate, which make it possible to not only physically and economically but also philosophically assess the scale of the movement of mankind in this new technological era with new opportunities. Finally, it is worth remembering that «the elevator breaks down more often than the ladder» and, in the

words of Steve Jobs, the founder of Apple, the most expensive and one of the most high-tech companies of our time: «I would exchange all my technologies for an afternoon with Socrates»¹³.

About the authors:

Igor M. Stepnov – Doctor of Economics, Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation. 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 125993. E-mail: stepnoff@inbox.ru.

Julia A. Kovalchuk – Doctor of Economics, Professor of Moscow Aviation Institute (National Research University). 4 Volokolamskoe shosse, Moscow, Russian Federation, 125993. E-mail: fm-science@inbox.ru.

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

Поступила в редакцию: 1.08.2019 г.
Принята к публикации: 8.10.2019 г.

Исследование неопределённости технологического будущего

Ю.А. Ковальчук, И.М. Степнов
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-214-224

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

Рецензия на монографии: Франклин Д. Мегатех. Технологии и общество 2050 года в прогнозах учёных и писателей. Москва, Эксмо, 2018. 400 с.
Леонгард Г. Технология против человечества: грядущее столкновение между человеком и машиной. Москва, Издательство АСТ, 2018. 260 с.

Ключевые слова: цифровая экономика, технологический прорыв, технологии будущего, виртуальная реальность, закон Мура, искусственный интеллект, гуманизм, риски.

Информация об авторах:

Игорь Михайлович Степнов – доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Ленинградский проспект, 49, Москва, Российская Федерация, 125993. E-mail: stepnoff@inbox.ru.

¹³ 10 great quotes from Steve Jobs. I would trade all of my technology for an afternoon with Socrates (Newsweek, 29 October 2001). Available at: <https://edition.cnn.com/2012/10/04/tech/innovation/steve-jobs-quotes/> (accessed 22.12.2019).

Юлия Александровна Ковальчук – доктор экономических наук, профессор Московского авиационного института (Национального исследовательского университета). Волоколамское шоссе, 4, Москва, Российская Федерация, 125993. E-mail: fm-science@inbox.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

Barrat J. 2013. *Our Final Invention: Artificial Intelligence and the End of the Human Era*. New York: Thomas Dunne Books; St. Martin's Press. 336 p.

Gordon R. 2016. *The Rise and Fall of American Growth. The U.S. Standard of Living since the Civil War*. Hardcover. 784 p.

Moore G.E. 2003. *No Exponential Is Forever: But »Forever« Can Be Delayed!* Solid-State Circuits Conference, IEEE International Digest of Technical Papers. Vol. 1. P. 20-23. DOI:10.1109/ISSCC.2003.1234194.

Rushkoff D. 2013. *Present Shock: When Everything Happens Now*. Penguin. 304 p.

Schwab K., Davis N., 2018. Nadella S. *Shaping the Fourth Industrial Revolution*. World Economic Forum. 289 p.

Stross Ch. 2005. *Accelerando*. Orbit books. 400 p.